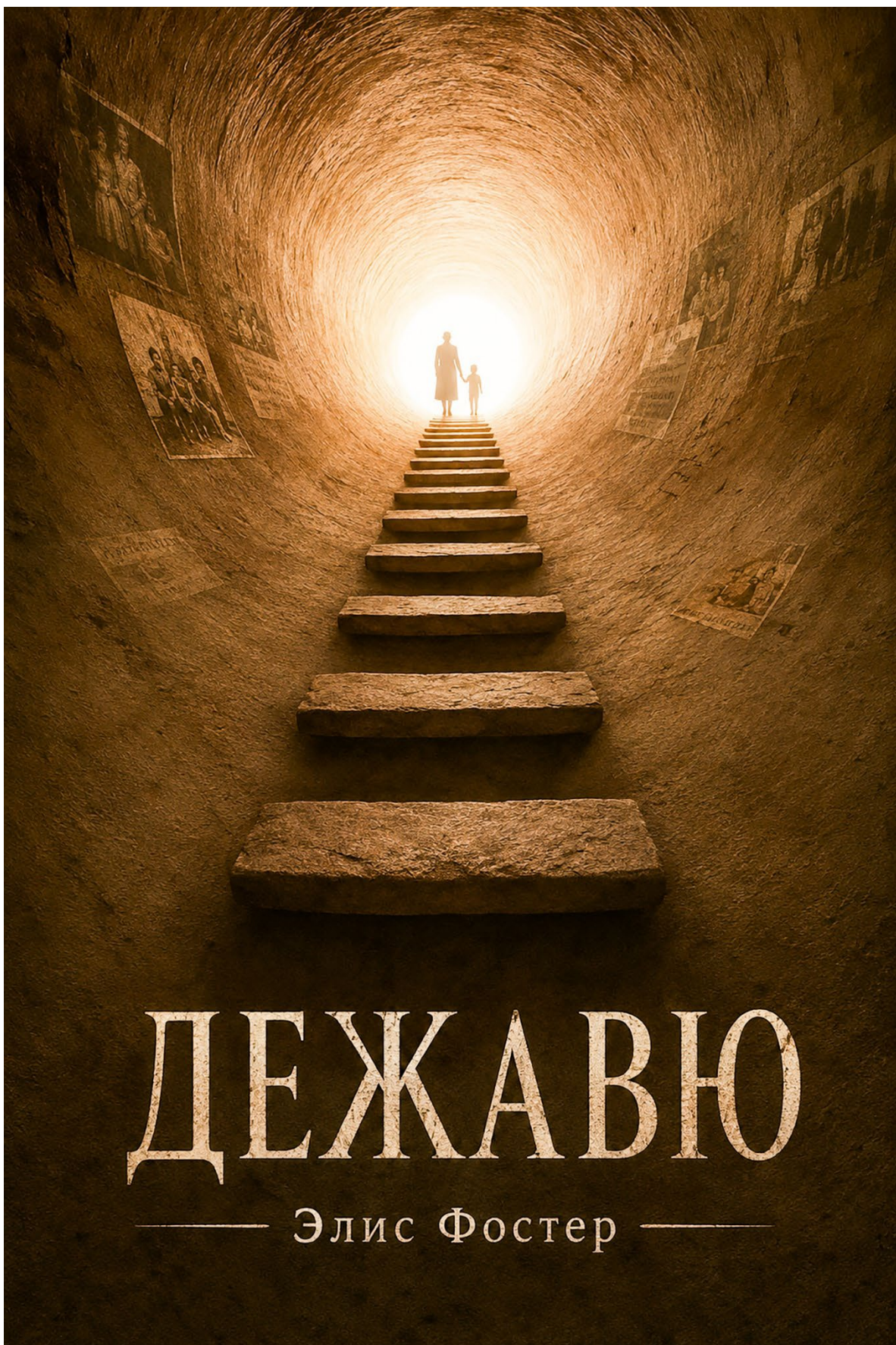

ДЕЖАВЮ

Элис Фостер

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Первичный прием

Глава 2. Запах жженой листвы

Глава 3. Трещина в фундаменте

Глава 4. Ледяной город

Глава 5. Слова на экране

Глава 6. Убежище

Глава 7. Иллюзия законности

Глава 8. Обрыв

Глава 9. Паутина

Глава 10. Чужой язык, родная душа

Глава 11. Короткие гудки

Глава 12. Свидетель

Список литературы

Пролог

В моем кабинете всегда пахло одинаково: дорогим деревом, свежесваренным чаем и едва уловимым ароматом старых книг. Это был запах безопасности. Я годами выстраивала эти стены, чтобы они служили щитом между мной и чужим безумием. Я верила, что мой профессионализм — это броня, которую невозможно пробить.

Но сегодня броня рассыпалась.

Я смотрю на пустое кожаное кресло напротив. Андрей должен был сидеть в нем еще сорок минут назад. Стрелка часов на стене неумолимо движется вперед, отсчитывая время его отсутствия, и каждый этот щелчок отдается у меня в висках. Пустота в этом кресле кажется мне физически ощутимой, тяжелой, словно она вытесняет из комнаты воздух.

За окном идет дождь. Обычный петербургский дождь, серый и бесконечный. Но теперь в его шуме мне слышится нечто иное. Скрип тяжелых сапог по брусчатке. Далекий лай собак. И тихий, почти неразличимый шепот молитвы на языке, который я не должна была знать.

Говорят, что история повторяется как фарс. Но это ложь. Она повторяется как приговор, написанный под копирку, где меняются только имена и даты, а почерк палача остается прежним.

Я открываю папку с моими записями по его случаю. Листы, исписанные моим убористым почерком — обрывки его снов, его страхов, его тихой, почти незаметной жизни. Теперь, когда я вижу всю картину целиком, этот ледяной сквозняк из прошлого кажется мне почти осязаемым. Это не просто записи психолога. Это хроника того, как на моих глазах стирали человека.

И теперь я — та, кому доверено хранить его голос.

Глава 1. Первичный прием

Тяжелая дубовая дверь моего кабинета всегда закрывалась с особым, глухим звуком, отсекающим шум коридора и суету внешнего мира. Этот звук был первой терапевтической интервенцией — он говорил пациенту: «Здесь безопасно. Здесь тебя никто не тронет». За двадцать лет практики я привыкла к тому, что люди, переступающие этот порог, приносят с собой невидимый, но почти осязаемый груз: горечь разводов, пепел выгорания, острые осколки детских травм. Я умела работать с этим материалом. Я знала, как выстроить дистанцию, как сохранять эмпатию, не теряя при этом ясности клинического взгляда.

Но в тот дождливый вторник, когда на пороге появился Андрей, привычная система координат дала первую, едва заметную трещину.

Он опоздал на четыре минуты. Вошел боком, словно извиняясь за то, что занимает пространство в этом мире. Высокий мужчина лет тридцати восьми или сорока, одетый в неприметную серую куртку, с которой на ворс ковра падали тяжелые капли дождя.

— Проходите, присаживайтесь, — сказала я, указывая на мягкое кожаное кресло, в котором обычно утопали мои клиенты, расслабляясь под воздействием теплого света торшера.

Андрей не сел. Он опустился на самый краешек сиденья, сохраняя напряжение в бедрах и икрах, как спринтер на стартовой колодке, готовый в любую секунду сорваться с места. Его спина оставалась неестественно прямой, плечи были подняты к ушам — классическая поза человека, ожидающего удара со спины.

Я открыла чистую страницу в блокноте и взяла ручку. Мой взгляд профессионала автоматически начал сканировать его состояние, собирая симптоматику в привычные диагностические кластеры. Первое, что бросалось в глаза — это непрекращающийся тремор рук. Мелкая, ритмичная дрожь сотрясала его длинные, тонкие пальцы. Он попытался сцепить их в замок, затем спрятать между коленями, но дрожь была сильнее его воли. Она передавалась на ткань брюк, выдавая колоссальное напряжение нервной системы.

Его дыхание было поверхностным, прерывистым. Он дышал так, словно воздух в моем кабинете был платным или отравленным — захватывая кислород лишь верхней

третью легких, боясь сделать полноценный, глубокий вдох. Но больше всего меня насторожил его взгляд. Блуждающий, затравленный взгляд человека, который не может позволить себе роскошь сфокусироваться на чем-то одном. Его глаза постоянно сканировали помещение: окно, вентиляционная решетка, корешки книг на полке, снова дверь. Он искал угрозу там, где ее по определению быть не могло.

«Генерализованное тревожное расстройство? — мысленно отмечала я, делая короткие пометки на полях. — Посттравматическое стрессовое расстройство? Возможны параноидальные включения. Требуется проверка на наличие бредовых идей преследования».

— Андрей, — я постаралась сделать свой голос максимально мягким, бархатным, снижая тембр, чтобы не провоцировать его и без того перегруженную психику. — Вы здесь в безопасности. Расскажите, что привело вас ко мне?

Он сглотнул. Кадык на его худой шее дернулся. Когда он заговорил, его голос оказался неожиданно тихим, надтреснутым, словно он долго молчал или сорвал связки от крика.

— Я... я теряю контроль, — произнес он, глядя не на меня, а на свои дрожащие руки. — Мое тело меня не слушается. Я не сплю. Точнее, я проваливаюсь в забытие на час или два, а потом просыпаюсь от того, что задыхаюсь. Мне кажется, что в дверь звонят. Я подхожу к глазку, а там никого нет. Но я знаю, что они могут прийти в любой момент.

Я кивнула, поощряя его продолжать. Классическая картина. Ожидание катастрофы, соматизация тревоги.

— Кто «они», Андрей? Кого вы боитесь?

Он наконец поднял на меня глаза. В них не было безумия, которое я ожидала увидеть. В них была кристально чистая, ледяная тоска.

— Тех, кто сделал мою жизнь незаконной, — просто ответил он.

Я замерла, едва удерживая нейтральное выражение лица. В кабинете повисла тяжелая, густая тишина. Я профессионал, я обучена слышать не только слова, но и то, что стоит за ними. Обычно за такими фразами скрывается тяжелая паранойя — бред преследования, где «враги» плетут заговоры. Но в голосе Андрея не было надрыва или

безумного блеска. Он произнес это так, будто констатировал факт: «сегодня идет дождь».

Я не стала развивать эту тему. В терапии нельзя давить на «болеву точку», пока пациент не готов. Но я сделала мысленную пометку: это нетипично. Его страх не имел привычного «лица» психического расстройства. Это было что-то другое. Что-то, для чего у меня в тот момент еще не было названия.

Мне нужно было восстановить контекст. Понять, на какой почве выросла эта тревога и кем был этот человек до того, как страх стал его второй кожей. Я попросила его рассказать о жизни «до». И по мере того, как он говорил, передо мной вырисовывалась картина, которая никак не вязалась с образом маргинала или безумца.

До 2017 года Андрей вел абсолютно обычную, размеренную жизнь. Он был IT-специалистом, старшим разработчиком в крупной логистической компании. Его мир состоял из алгоритмов, чистого кода и строгой логики. В программировании все подчинено правилам: если ты не допускаешь синтаксических ошибок, программа работает. Если ты следуешь протоколу, система отвечает стабильностью. Эту же логику Андрей переносил на свою социальную жизнь. Он платил налоги, переходил дорогу на зеленый свет, сортировал мусор и искренне верил, что закон — это щит, защищающий добропорядочного гражданина.

Но у него была и другая часть жизни, скрытая от мониторов и серверов. Духовная. Андрей был верующим человеком. Раз в неделю они с женой одевались по-особенному, торжественно, и шли на богослужение. Он рассказывал об этом времени с такой щемящей нежностью, что на мгновение его руки перестали дрожать.

Он описывал теплую, поддерживающую среду своей общины. Это не было похоже на мрачные ритуалы, которые рисует обывательское воображение. Это были встречи людей, объединенных общим поиском смысла. Они сидели в светлых залах, пили чай с домашними пирогами, запах которых, казалось, до сих пор жил в его памяти. Они открывали Библию и часами обсуждали прочитанное. Они говорили о морали, о праведности, о том, как быть хорошими мужьями и отцами, как прощать обиды и не отвечать злом на зло.

— Понимаете, — его голос окреп, в нем появились теплые обертоны. — Это было место, где я мог снять броню. Там не было конкуренции, не было цинизма. Мы просто читали Писание и пытались понять, чего Бог хочет от нас. Мы возвращались домой

наполненными. У меня было чувство абсолютной ясности и цели. Я знал, что если я живу по совести, если я никого не обманываю и не предаю, то моя жизнь имеет твердую опору.

Я слушала его и делала пометки. Социально адаптирован. Высокий интеллект. Наличие крепких социальных связей в прошлом. Отсутствие криминальных наклонностей. Моральный компас настроен на альтруизм и миролюбие.

— Что же произошло потом? — спросила я, когда он замолчал, уставившись в пространство.

Свет в его глазах погас мгновенно, словно кто-то выдернул шнур из розетки. Тремор вернулся с удвоенной силой. Пальцы снова заплясали на коленях, выбивая дробь паники.

— Наступил две тысячи семнадцатый год, — произнес он глухо.

Это был год, когда Верховный суд Российской Федерации вынес решение о признании религиозной организации Свидетелей Иеговы экстремистской и запретил ее деятельность на территории страны.

Андрей описывал этот момент не как политическую новость, а как физический удар, расколовший его реальность надвое. В тот день он сидел за своим рабочим столом, компилировал код, когда на экране смартфона всплыло уведомление новостной ленты. Он прочитал заголовок один раз, второй, третий. Слова не складывались в смысл.

С того утра время для него превратилось в густую, липкую субстанцию, которая день за днем, месяц за месяцем вытягивала из него жизнь. Он и не заметил, как этот временной счетчик накрутил почти десятилетие непрерывного страха. Девять лет, за которые тревога из острого приступа превратилась в хроническую болезнь, методично выжигающую нейронные связи.

— Я ничего не сделал, — его голос дрогнул, в нем прорвалась детская, беспомощная обида. — Я не брал в руки оружия. Я не призывал к насилию. Я просто читал Библию и молился. Но в одну секунду, росчерком пера какого-то судьи, меня приравняли к экстремистам.

Он замолчал, тяжело дыша. Я видела, как на его лбу выступила испарина.

— Вы понимаете, что это значит? — он подался вперед, его блуждающий взгляд наконец сфокусировался на моем лице, ища понимания. — Законы физики не изменились. Я остался тем же Андреем. Я так же любил свою жену, так же писал код, так же верил в Бога. Но мир вокруг меня перевернулся. То, что вчера было моим конституционным правом, сегодня стало уголовным преступлением.

Я попыталась включить рационализацию — мой главный терапевтический инструмент.

— Но ведь это юридический статус организации, Андрей. Если вы лично не нарушаете закон, если вы просто верите в душе...

Он издал короткий, горький смешок, похожий на кашель.

— Вы рассуждаете как здоровый человек в здоровом обществе. Я тоже так думал. Я думал: ну хорошо, мы больше не будем собираться в больших залах. Мы будем просто молиться дома. Тихо. Никому не мешая. Но система так не работает. Ей мало запретить вывеску. Ей нужно уничтожить саму мысль.

Он начал рассказывать о том, как его привычный мир начал стремительно сжиматься. Решение суда 2017 года стало той самой точкой невозврата: словно у него внезапно отобрали право быть просто человеком, заменив имя на номер в списке. Его тело реагировало на эти воспоминания так, будто он прямо сейчас находился под пытками. Поверхностное дыхание перешло в гипервентиляцию, я видела, как напряглись мышцы его челюсти.

— Сначала я даже не понимал, что происходит, — произнес он, глядя куда-то мимо меня. — Просто в какой-то момент... знаете, будто между мной и миром возвели стеклянную стену. Вчера мы в отделе обсуждали планы на выходные, смеялись. А теперь я открываю дверь — и наступает тишина. Люди не отворачиваются резко, нет. Они просто начинают очень внимательно смотреть в свои мониторы. Или внезапно вспоминают о важном звонке.

Я видела, как он сцепил пальцы в замок.

— Хуже всего было в кабинетах, где нужно подписывать документы. Тебя заставляют ждать в коридоре по сорок минут, хотя раньше принимали сразу. Тебе не хамят открыто, но смотрят так, будто ты — это неисправный прибор, который почему-то еще не выкинули на свалку. И ты стоишь там, взрослый мужчина, у которого есть

семья, работа, вся жизнь здесь, и кожей чувствуешь этот холод. Словно кто-то невидимый поменял настройки во всех этих людях, и теперь я для них — просто угроза с официальным клеймом.

— Я иду по улице и вижу полицейскую машину, — шептал он, и его пальцы судорожно впились в ткань брюк, — и у меня внутри все каменеет. Вы скажете — паранойя? Но я знаю, что случилось с Костей из нашей общины. Мы вместе росли, он всегда был самым тихим из нас. Его взяли прямо на работе. Месяц в СИЗО, и когда адвокат его увидел... он его не узнал.

Андрей сглотнул, его лицо побледнело еще сильнее, приобретая землистый оттенок.

— Его не просто били. Его пытали током в подвале отделения. Обливали водой, надевали на голову пакет, пока он не начинал синеть, требуя выдать «пароли от облачных хранилищ» и «адреса конспиративных квартир». Вы понимаете абсурд? — Андрей горько усмехнулся. — Костя — скрипач. Все его «преступления» заключались в том, что он помогал организовывать летние пикники для наших стариков и развозил продукты многодетным семьям. За это его били по ногам так, что он месяц не мог стоять, а когда он терял сознание — приводили в чувство нашатырем и начинали снова. Они называли это «борьбой с экстремизмом».

Он замолчал на секунду, тяжело дыша, но его уже было не остановить.

— Или Лена... милая, скромная женщина, которая всю жизнь пекла хлеб и ухаживала за лежащими больными в нашем районе. При обыске у нее перевернули все, даже детские игрушки распотрошили. А на допросе следователь прямо сказал: «Либо ты подписываешь признание, что твоя община — это экстремистская ячейка, либо мы сейчас оформляем приказ, и твоих детей увозят в распределитель. А там, сама понимаешь, с ними может случиться что угодно». И она подписала. Она сидела на полу в кабинете и выла от ужаса, подписывая протокол, где ее помощь в уборке зала для молитв называли «финансированием экстремистской деятельности».

— Но это только те, кто остался здесь, — Андрей сжал кулаки так, что побелели костяшки. — Виктор не дожил до приговора. У него было больное сердце, а его полгода продержали в СИЗО, где единственным лекарством была насмешка надзирателя. Он просто тихо умер в камере, не дождавшись свидания с женой. А Николаю... Николаю в прошлом месяце дали восемь с половиной лет. Вы понимаете? Почти девять лет за то,

что он читал те же главы Библии, что и я. Восемь с половиной лет колонии — это больше максимального срока, предусмотренного в России за убийство, совершенное в состоянии аффекта.

Он замолчал, и в кабинете стало слышно, как дождь бьется о стекло. Его взгляд застыл, словно он видел перед собой не стену, а ту самую камеру, в которой не дождался помощи Виктор. На виске Андрея иступленно забились тонкая жилка, единственная живая деталь в этом окаменевшем лице.

— Мы на связи через адвокатов, через скудные письма. Это реальные подробности того, как методично, одного за другим, ломают моих друзей. Мы как в очереди на бойню, где никто не знает, чей номер выкрикнут следующим. Ты просто ждешь звонка в дверь в шесть утра. Ты прислушиваешься к каждому шороху в подъезде. Девять лет. Девять лет жизни в режиме ожидания удара.

Я слушала его, и в моей голове привычно защелкали тумблеры диагностических протоколов. Клиническая картина была ясной: ПТСР в стадии декомпенсации, тяжелое истощение. Но это не была слабость характера. Напротив — это была невероятная выносливость человека, который слишком долго жил под прицелом, наблюдая, как методично и жестоко уничтожают все, что ему дорого.

Я бросила быстрый взгляд на часы. Время сеанса неумолимо подходило к концу. Электронные цифры на моем столе бесстрастно отсчитывали последние минуты нашего времени. Мы успели разобрать лишь верхушку этого ледяного айсберга, но как врач я понимала: я не имею права отпустить его в этот дождь, не прояснив самый критический, самый темный вопрос. При таком уровне запредельного стресса и абсолютной реальности угроз, я была обязана проверить его на прочность.

— Андрей, — я осторожно коснулась самой болезненной темы, которую мы обязаны проверять в таких ситуациях. — Вы говорили, что теряете контроль. У вас... появляются мысли о том, чтобы все это прекратить? Радикальным способом?

Он замер. Тремор на секунду прекратился, словно его парализовало от прямого моего вопроса. В кабинете повисла тяжелая, вязкая тишина, нарушаемая лишь глухим стуком дождя по стеклу.

— Да, — выдохнул он наконец. — Почти каждый день. Когда я стою на платформе метро. Когда смотрю в открытое окно. Усталость... она проникает в самые кости. Я так

устал бояться. Устал вздрагивать от каждой тени, от каждого незнакомого номера на телефоне. Смерть кажется не концом, а... единственной доступной тишиной. Просто возможностью наконец-то выспаться, зная, что за мной уже никто не придет.

Мое сердце сжалось. Профессиональный опыт требовал немедленного кризисного протокола — такие показатели риска обычно купируются в стационаре. Но я понимала: любая попытка изолировать его сейчас добьет его окончательно. Мне нужно было нащупать то, что все еще связывает его с реальностью.

— Что вас останавливает? — спросила я тихо.

Андрей медленно полез во внутренний карман своей влажной куртки. Его дрожащие пальцы долго не могли ухватить то, что он искал. Наконец он достал небольшой, сложенный вчетверо листок бумаги и положил его на край моего стола.

Я посмотрела на листок. Это был детский рисунок, выполненный цветными карандашами. Неумелые, но старательные линии. Дом с кривой крышей, желтое солнце в углу и две фигурки, держащиеся за руки. Мужчина повыше и маленькая девочка с двумя косичками. Под фигурками печатными, прыгающими буквами было выведено: «Папа и Аня».

— Ей восемь лет, — голос Андрея сорвался, на глазах выступили слезы, которые он даже не пытался смахнуть. — Моя дочь. Мой единственный свет. Когда у меня начинается паническая атака, когда мне кажется, что я схожу с ума от ужаса, я иду в ее комнату. Я слушаю, как она дышит во сне. Я смотрю на ее маленькие руки. Она пахнет детским шампунем с ромашкой и теплым молоком.

Он бережно, кончиками пальцев коснулся рисунка, словно это была величайшая святыня.

— Если я сдамся... если я сделаю этот шаг с платформы... кто защитит ее? Кто объяснит ей, почему папа ушел? Она — мой единственный якорь. Только ради нее я заставляю себя утром открывать глаза. Только ради нее я пришел к вам. Я здесь не ради сочувствия, доктор. Мне нужен ресурс. Я обязан оставаться функциональным ради нее, но сейчас я — пустая оболочка, которая просто транслирует страх. Этот тремор, эта привычка замирать от каждого звука — они мешают мне думать. А мне нужно соображать очень быстро, чтобы мы выжили. Мне нужно время, чтобы она успела

вырасти. Я просто больше не справляюсь сам. Мои механизмы защиты... они больше не работают. Помогите мне вернуть контроль над собой. Это все, ради чего я здесь.

Я смотрела на рисунок, понимая, что передо мной — классический пример «последнего рубежа». Высокий суицидальный риск, который удерживается только одним — этой тонкой нитью привязанности к ребенку. С точки зрения классической психиатрии, мне следовало немедленно прибегнуть к серьезной фармакотерапии — антидепрессанты для стабилизации фона, транквилизаторы для снятия паники. Нужно было выстраивать когнитивную экспозицию, учить его техникам заземления, работать над разделением его личности и того статуса, который ему навязали. Но внутри меня что-то сопротивлялось этой стройной логике. Я знала: терапия работает тогда, когда страх пациента иррационален. Когда человек боится пауков, которые не ядовиты, или толпы, которая его не замечает. Но как лечить того, за чьей дверью действительно могут стоять люди в масках? Можно ли назвать «искажением восприятия» страх перед тюремным сроком за чтение книги?

Я понимала, что таблетки помогут его телу перестать дрожать, но они не изменят реальность, в которой он оказался. Передо мной сидел человек, чья тревога не была патологией — она была биологическим сигналом тревоги в горящем здании. И если я дам ему препараты, которые выключат этот сигнал, не сделаю ли я его еще более беззащитным? Это ставило меня в тупик. Как врач, я могла дать ему временные костыли, но я не могла починить мир за пределами этого кабинета. Я осознала страшную вещь: я пытаюсь заштопать человека, которого продолжают рвать на части в реальном времени. И мои лучшие инструменты здесь — не более чем пластырь на открытом переломе.

Я открыла ящик стола и достала рецептурный бланк.

— Андрей, — я заговорила, возвращая себе маску профессиональной уверенности, хотя внутри все сжималось. — Мы составим план. Первое — это ваша безопасность. Мы должны стабилизировать ваш ресурс, чтобы тело получило передышку. Я выпишу рецепт — это поможет вернуть сон и немного притушить этот огонь тревоги. Это не решение проблемы, а просто временный мостик, чтобы вы могли дойти до дома и впервые за долгое время выспаться. Ради Ани.

Я быстро заполнила бланк, стараясь не смотреть на его руки. Я прописала схему, которая должна была дать ему необходимую паузу.

— Это поможет на время приглушить постоянный фон тревоги, — добавила я, протягивая ему листок. — Даст возможность хотя бы на одну ночь вырваться из оцепенения. Вам нужен сон, Андрей, чтобы восстановить ресурс. Это не решение проблемы, а только временная опора, чтобы мы могли начать работать дальше.

Андрей взял рецепт так, словно это была записка из осажденной крепости — с какой-то отчаянной надеждой.

Время сеанса подошло к концу. Электронные часы на моем столе показывали 16:50. Я произнесла нужные слова, зафиксировала дату следующего визита и проводила его до двери.

Когда за Андреем закрылась тяжелая дубовая дверь, я осталась одна в тишине кабинета. Я подошла к своему столу, посмотрела на кожаное кресло и вдруг осознала странную вещь.

Я опустила взгляд на свои руки. Мои пальцы, всегда такие уверенные и твердые, пальцы человека, привыкшего контролировать чужие эмоции, мелко и безостановочно дрожали.

Глава 2. Запах жженой листвы

Семь дней — стандартный терапевтический цикл, время, необходимое психике, чтобы «переварить» поднятый материал. Но для меня эта неделя превратилась в сплошное серое марево.

На меня навалилась череда экстренных случаев: тяжелый депрессивный эпизод у старой клиентки, бесконечные консультации, отчеты. Вечерами я доползала до кровати, чувствуя, как сознание превращается в белый шум. Я помнила об истории Андрея, его затравленный взгляд стоял у меня перед глазами, но у меня физически не было ресурса сесть за изучение вопроса.

Я оправдывала себя профессиональной беспристрастностью: «Сначала нужно собрать личный анамнез, а уже потом накладывать его на социальный фон». Но где-то на периферии сознания билась иная мысль: я просто боялась. Боялась подтвердить, что

те ужасы, о которых он говорил — не плод его измученного воображения, а объективная реальность. Проще было оставить это в категории «клинического случая», чем признать, что мир за окном моего кабинета перестал быть понятным и безопасным.

Поэтому, когда во вторник в 16:00 раздался знакомый тихий стук в дверь, я поняла: сегодня я не имею права прятаться за усталостью. У меня образовалось «окно» — следующий пациент отменился, и я внутренне разрешила себе не ограничиваться стандартным часом. Сегодня мы пойдем так глубоко, как это потребуется.

Андрей вошел и сел в кресло. В этот раз он выглядел чуть более собранным. Рецепт помог — лицо перестало казаться серой маской, хотя напряжение в плечах никуда не делось.

— Как прошла ваша неделя? — спросила я, когда он сел.

— Я спал, — ответил Андрей. Его голос был тихим, но в нем больше не было той режущей вибрации. — Впервые за долгое время... просто лег и заснул, не прислушиваясь к каждому шороху в подъезде.

Он замолчал, уставившись в одну точку на ковре. В кабинете стало слышно, как дождь шуршит по подоконнику. Андрей механически перебирал пальцами край рукава, словно застряв в каком-то внутреннем диалоге.

— О чем вы думаете сейчас? — мягко спросила я, видя, что он уходит в себя.

Андрей вздрогнул, словно я его разбудила.

— О выборе, — он опустил голову, и на мгновение показалось, что под тяжестью этого слова его плечи стали еще более каменными. — Вспоминаю свой первый допрос... Следователь тогда долго вертел в руках мой паспорт, а потом пододвинул мне чистый лист и сказал: «Слушай, Андрей, ты же умный парень, айтишник. Просто напиши, что ты больше не Свидетель. Отрекись официально — и мы закроем дело. Иди домой, воспитывай дочь. Зачем тебе ломать жизнь из-за этих сказок?»

Он снова замолчал, погрузившись в то воспоминание.

— И? — тихо подтолкнула я через паузу.

— И я чуть не подписал, — он поднял на меня тяжелый взгляд. — Понимаете? Это же так просто. Одна подпись — и этот ад со слежкой закончится. Иди, живи как все.

— Но вы не подписали, — я скорее констатировала факт, чем спрашивала. — Почему?

Андрей долго молчал, сосредоточенно изучая заусенец на большом пальце.

— Не знаю, — наконец выдохнул он. — Честно, я не знаю. У меня ручка в руках дрожала так, что я бы и фамилию свою не разобрал. Следовательно еще так по-доброму улыбался, мол: «Давай, Андрей, ну чего ты как маленький, дочке же отец нужен».

Он поднял глаза, и в них промелькнуло недоумение.

— А я смотрел на него и почему-то вспомнил рассказ про прабабушкину куклу. Нелепость какая-то, да? В кабинете СК вспоминать куклу из тридцать восьмого года.

Я чуть нахмурилась, стараясь уловить связь.

— Куклу?

— Да. У прабабушки Эльзы была любимая тряпичная кукла, которую ей сшила мать. В тот день в школе учитель, герр Шнайдер, устроил ей что-то вроде товарищеского суда. Она была совсем ребенком, восемь лет. Он поставил ее перед классом и сказал, что она «испорченная», потому что ее родители не славят фюрера. А потом он вытряхнул ее ранец на пол.

Андрей горько усмехнулся и потер лицо ладонями.

— Учитель поднял эту куклу за ногу и сказал, что у «врагов народа» даже игрушки заражены ложью. Он разрешил детям ее забрать. Или выбросить. Она стояла и смотрела, как ее куклу рвут на части в школьном дворе, и знала: если заплачет, это будет победа герра Шнайдера.

Он замолчал, подбирая слова. В кабинете стало слышно, как дождь бьется о стекло.

— Я сидел на допросе, слушал этот вкрадчивый голос следователя и вдруг кожей почувствовал то же самое. Словно этот лист бумаги — не спасение, а способ стать одним из тех, кто рвал куклу и плевал в восьмилетнюю девочку. Знаете, я всегда думал, что эти семейные предания — такая пыльная героиня из прошлого. А там до меня дошло: это не история. Это та же самая очередь на заклятие. Просто теперь вызвали мою фамилию. И если я сейчас подпишу, я как будто перечеркну все, что она тогда вытерпела. Ради чего тогда все это было?

Я слушала его, боясь шелохнуться. Воздух в кабинете словно стал плотнее.

— Вы почувствовали связь с ней именно в ту минуту?

— Да. Как будто она стояла у меня за спиной. Она ведь тогда тоже могла просто сказать «Хайль». Но не сказала.

Андрей глубоко вздохнул, словно ныряя в холодную воду.

Он начал рассказывать, и по мере того, как звучал его голос, стены кабинета словно растворялись. Германия того времени не возникла в его рассказе как сухая дата из учебника — она ворвалась в комнату предчувствием беды. Андрей говорил о том, как методично, шаг за шагом, государство выжигало все, что не вписывалось в новую идеологию подчинения.

Он цитировал семейные хроники так, будто сам присутствовал на тех тайных собраниях, где люди принимали решение не склонять головы. Андрей говорил о двадцати пяти тысячах Свидетелей, которые первыми осмелились сказать «нет» человеку, возмнившему себя богом. Позже я нашла подтверждение его словам в трудах профессора Артемьева. История сохранила тот отчаянный жест: 7 октября 1934 года по всему миру — от Америки до Европы — тысячи людей одновременно направили письма и телеграммы в канцелярию Гитлера. Это не была просьба о пощаде. Это было требование.

Они прямо заявили, что их единственный руководитель — Иисус Христос, и что они будут придерживаться принципа, записанного в их Библии: «Надлежит повиноваться больше Богу, нежели человекам». Андрей произнес эти слова почти торжественно, и в тишине моего кабинета они прозвучали как удар колокола. В тех письмах содержалось прямое предупреждение: «Перестаньте преследовать Свидетелей Иеговы, иначе Бог уничтожит вас и вашу партию».

— Представьте ярость Гитлера, — Андрей подался вперед, его глаза потемнели. — Человек, перед которым трепетала вся Европа, получил ультиматум от простых людей. Рассказывали, что он пришел в неопишемую ярость. Он кричал на всю канцелярию: «Я истреблю этот выводок в Германии!». И он не медлил. Деятельность Свидетелей Иеговы в Германии запрещалась и преследовалась, давление на них усиливалось: собрания разгоняли, литературу изымали, людей увольняли, арестовывали и отправляли в тюрьмы и лагеря. То, что вчера было верой, сегодня стало

государственной изменой. Но самое страшное было не в официальных бумагах. Кошмар начался тогда, когда этот гнев спустился на уровень обычных улиц. Ведь еще вчера вы были уважаемым членом общества. Ваш отец работал инженером или бухгалтером, ваша мать покупала овощи у зеленщика на углу, вы здоровались с соседями, и они улыбались вам в ответ. А на следующее утро вы просыпаетесь в стране, где само ваше существование объявлено вне закона. Где ваша вера — это преступление против нации.

Андрей замолчал, и я почувствовала, как в воздухе кабинета повисло то самое давящее чувство отверженности.

— В психологии это называется «стигма». Слово пришло к нам из Древней Греции — там этим термином называли раскаленное клеймо, которое выжигали на теле преступников и рабов. В Германии тридцатых годов физическое железо на первых порах заменяли словами. Ярлык «сектант» стал тем самым раскаленным металлом, который прикладывали к целым семьям.

— Клеймо... — эхом отозвался он. — Да, именно так она об этом и рассказывала. Знаете, когда она говорила о школе, ее голос всегда становился бесцветным, словно она снова видела те стены. И Эльза чувствовала это раскаленное железо каждое утро, — продолжил он тише, — стоило ей только переступить порог школы. Вы ведь понимаете, герр Шнайдер не просто так выбрал ее мишенью. Ему нужно было это наглядное пособие.

Андрей заговорил о деталях с такой пугающей четкостью, будто ее прошлое теперь стало его собственной памятью. Он описывал классную комнату с высокими окнами, запах мела и мастики для пола... На стене — обязательный портрет фюрера. Рассказывал, как каждое утро учитель входил в класс, вскидывал правую руку, и тридцать голосов сливались в едином ответе. А Эльза... она просто оставалась сидеть. Ее руки были плотно сжаты на коленях.

В его голосе проскользнула сухая, надломленная нотка:

— Она молчала не из политического протеста. Какая политика в восемь лет? Это было чистое детское убеждение, впитанное от родителей: спасение и слава принадлежат только Богу. И за это ее наказывали каждый день. Шнайдер вызывал ее к доске не для того, чтобы проверить знания. Он ставил ее лицом к классу и говорил: «Посмотрите на нее. Она не хочет быть частью нашего великого народа»...

Стигматизация работала безотказно. Дети, которые еще вчера делились с Эльзой яблоками на перемене и играли в классики во дворе, начали отворачиваться. Сначала это были просто косые взгляды. Затем — шепот за спиной. Вскоре с ней перестали разговаривать абсолютно все. На переменах она стояла одна в углу школьного двора, прижимаясь спиной к холодной кирпичной стене, пока другие дети водили хороводы.

Но самое страшное исходило от взрослых. Родители других учеников, напуганные пропагандой и искусственно раздуваемой паникой, начали писать жалобы директору. Они требовали, чтобы их детей сажали как можно дальше от этой «сектантской заразы». Они просили перевести Эльзу в другой класс, а лучше — вообще исключить из школы. Внезапно маленькая, тихая девочка с косичками стала восприниматься как экзистенциальная угроза для здорового немецкого общества.

Дома ситуация становилась не менее удушающей. Андрей рассказывал, как кольцо изоляции сжималось вокруг семьи его прабабушки.

— Однажды отец Эльзы пришел домой посреди дня, — рассказывал Андрей, глядя на свои руки. — Он был бледен как полотно. Он работал старшим клерком в хорошей конторе. Но в тот день начальник вызвал его и сказал, что такие люди, как он, не имеют места в престижной фирме. Кто-то позвонил в контору — звонок, который в те времена весил больше, чем годы безупречной службы. Голос в трубке в красках описал его участие в «преступной секте», добавив множество вымышленных, грязных подробностей.

Каждый раз, когда отец пытался найти новую работу, перед ним закрывались двери. В профессиональных кругах словно по невидимой команде распространилась директива с клеветнической информацией. Семья начала голодать. Мать Эльзы пыталась объяснить с соседями, пыталась показать им, что они все те же мирные люди, какими были всегда. Но кто поверит «сектантам»? Их голоса тонули в реве государственной пропаганды, которая ежедневно лилась со страниц газет и из радиоприемников.

Общество, ослепленное страхом и ненавистью, перестало видеть в них людей. Они стали абстракцией. Врагами. Мишенями.

— А потом наступил тот самый день, — Андрей сделал глубокий вдох, словно ему не хватало воздуха в моем просторном кабинете. — Осень тысяча девятьсот тридцать восьмого года. Эльзе было восемь лет.

Я перестала писать. Ручка замерла над страницей блокнота. В кабинете стало так тихо, что я слышала, как тикают настенные часы.

В тот день Эльза задержалась в школе. Это не было ее желанием. Герр Шнайдер в очередной раз наказал ее за отказ петь патриотическую песню на уроке музыки. В качестве наказания он заставил ее остаться после уроков и вымыть все доски в школе, вытряхнуть тряпки и расставить стулья.

Она делала это медленно, глотая слезы обиды. Ее маленькие руки покраснели от холодной воды, в которой она полоскала губку. Запах мокрого мела и пыли въелся в ее школьное платье. Когда она наконец закончила и вышла на улицу, солнце уже начало клониться к закату, окрашивая небо над городом в тревожные, багровые тона.

Она шла домой по знакомым улицам. Воздух был по-осеннему резким, прозрачным. Дворники сгребали опавшие листья в большие кучи и поджигали их. Запах жженой листвы — горький, дымный, проникающий в самую гортань — навсегда врезался в память Эльзы. Для нее этот запах до конца жизни будет ассоциироваться с концом света.

Она свернула на свою улицу, предвкушая, как откроет тяжелую дубовую дверь, как мама снимет с нее холодное пальто и нальет горячего супа. Она уже видела свой дом в конце квартала.

Но у ворот стояли машины.

Это были черные, блестящие автомобили, чужеродные для их тихой, скромной улицы. Эльза инстинктивно замедлила шаг. Детское чутье, обостренное месяцами травли и постоянного напряжения, подсказало ей, что происходит нечто непоправимое. Она скользнула за широкий ствол старого каштана, росшего на углу, и осторожно выглянула из-за него.

Дверь их дома распахнулась. На крыльцо вышли люди в форме. Их сапоги гулко стучали по деревянным ступеням. За ними, грубо подталкиваемые в спину, шли ее родители.

Отец был без пиджака, в одной рубашке, воротник которой был разорван. Один из вооруженных людей крепко держал его за руки, заломленные за спину. Мать шла следом. Ее волосы, обычно аккуратно уложенные, растрепались. Она судорожно прижимала к груди небольшую сумочку.

Эльза стояла за деревом, не смея пошевелиться. Ее сердце билось так громко, что ей казалось, будто этот стук слышит вся улица. Она хотела закричать. Хотела броситься к ним, вцепиться в подол материнского платья, ударить кулачками этих страшных людей в черном. Но страх парализовал ее голосовые связки.

В этот момент мать, которую грубо толкали к открытой дверце автомобиля, внезапно повернула голову. Ее взгляд скользнул по улице и безошибочно нашел маленькую фигурку дочери, прячущуюся за каштаном.

Андрей замолчал. Его дыхание стало прерывистым. Я видела, как побелели костяшки его пальцев, вцепившихся в подлокотники кресла.

— Прабабушка рассказывала, — прошептал он, — что в этом взгляде было все. Вся любовь мира и весь его ужас. Мама смотрела на нее всего секунду. И в эту секунду она чуть заметно, едва уловимо покачала головой. Это был немой приказ. «Не выходи. Спрячься. Живи».

Один из офицеров грубо толкнул женщину в салон машины. Дверцы захлопнулись с сухим, металлическим лязгом, похожим на звук взводимого курка. Двигатели взревели, выбросив в осенний воздух облака сизого выхлопного газа. Машины тронулись с места, набирая скорость, и вскоре скрылись за поворотом, увозя с собой весь мир восьмилетней девочки.

Эльза осталась стоять за деревом. Улица мгновенно опустела. Соседи, которые наверняка наблюдали за происходящим из-за задернутых занавесок, не спешили выходить наружу. Никто не подошел к одинокому ребенку. Никто не предложил помощь дочери «врагов государства».

Она медленно вышла из своего укрытия. Подошла к родному дому. Входная дверь была распахнута настежь. Внутри царил разгром: перевернутые стулья, разбросанные по полу книги. Сквозняк шелестел вырванными страницами семейной Библии, занося в прихожую дорожную пыль и сухие листья. Из кухни все еще доносился запах остывающего ужина, который мать готовила к ее возвращению. Восьмилетняя девочка стояла на пороге разрушенного дома. В воздухе густо и неотвратимо пахло жженой листвой.

Глава 3. Трещина в фундаменте

Тишина в кабинете стала почти осязаемой. Образ восьмилетней Эльзы, застывшей перед разгромленным домом, все еще вибрировал в пространстве. Андрей молчал, и по его остекленевшему взгляду было понятно: он все еще там, в тридцать восьмом году.

Я подождала, давая ему время вернуться. В психологии есть понятие преемственности травмы, но сейчас это была не теория из учебника, а живая, кровоточащая связь. Андрей не просто пересказывал семейную легенду — он проживал ее заново. В такие моменты нельзя торопить — человеку нужно время, чтобы просто «вынырнуть».

Наконец Андрей глубоко вздохнул и вдруг как-то обмяк в кресле, словно из него разом выпустили весь воздух.

— Тяжелая история, Андрей, — тихо сказала я. — Кажется, вы сейчас прожили ее вместе с ней.

Он медленно кивнул, наконец фокусируя взгляд на мне.

— Да... Просто каждый раз, когда я это вспоминаю, я невольно сравниваю.

— Сравниваете с чем? — спросила я.

Андрей на мгновение зажмурился, словно пытаясь стряхнуть нахлынувшее оцепенение.

— С тем, как я сам теперь прихожу домой. Знаете, я поймал себя на мысли, что теперь тоже замираю перед дверью. Прислушиваюсь. Но самое паршивое, что я боюсь уже не только тех, кто может прийти снаружи. Я боюсь того, что ждет меня внутри. Боюсь увидеть взгляд Маши.

Он запнулся, и я увидела, как его пальцы снова начали мелко дрожать.

— Моя жена, Мария... она не плохой человек, — произнес он так, будто оправдывался передо мной или перед самим собой. — Вы не подумайте. Она замечательная мать. И она очень любила нашу жизнь.

Андрей заговорил о том, каким был их дом еще несколько лет назад. Мария никогда не увлекалась теологией, не сидела часами над Библией. Ей просто было

хорошо в той атмосфере, которую давала их община. Он описывал, как по выходным их небольшая кухня наполнялась запахом корицы и печеных яблок — Мария пекла огромные пироги для друзей. Она всегда смеялась, упаковывая их в фольгу.

Весной она вместе с другими женщинами покупала саженцы. Андрей вспоминал ее руки, испачканные влажной землей, когда она высаживала цветы у их зала для собраний. Это был мир простых радостей. Мир, где люди доверяли друг другу, где дети играли вместе, а взрослые всегда были готовы помочь. Мария была частью этого мира. Она в нем дышала.

— А потом все это... — Андрей неопределенно махнул рукой в воздухе, — начало ломаться. Даже не сразу. Не было какого-то одного дня, когда мы вдруг стали чужими. Просто в доме стало... неуютно. Будто из него выветрилось все тепло.

Он замолчал, глядя в пол.

— Сначала Маша просто стала тихой. Часто задумывалась о чем-то своем. А потом я начал замечать, что она постоянно в телефоне. Даже ночью. Проснусь — а она сидит, сгорбившись, и в темноте только лицо подсвечено этим холодным синим светом от экрана.

— Я пытался понять, что она там вычитывает, — продолжал Андрей. Его голос стал тише, в нем появилось какое-то загнанное дребезжание. — Сначала она просто отмахивалась, прятала телефон. А потом пошли вопросы... Знаете, такие, с подвохом. Будто она не со мной говорит, а сверяется с какой-то методичкой. Ищет у меня признаки «зомбирования» или чего-то такого.

Он замолчал, глядя на свои руки.

— Мы раньше могли за ужином до полуночи обсуждать какие-то планы, спорить, куда поехать на лето или что переделать в гостиной. Обычные разговоры, понимаете? А теперь все. Стена. Она как будто постоянно на страже. Маша уверена, что из-за моей веры у нас заберут Аню. Она начиталась этих «экспертов», этих антикультистов... Им ведь плевать на людей. Им просто нужно все, что им не нравится, засунуть под ярлык «секта». И теперь в ее глазах я не Андрей, с которым она десять лет прожила. Я — «сектант». Потенциальный преступник.

Он поднял на меня взгляд. В нем было столько неприкрытой, голой боли, что мне пришлось на секунду крепче сжать ручку в пальцах, чтобы вернуть себе рабочую дистанцию.

— Она смотрит на меня и ждет беды. Каждую минуту. Эти статьи внушили ей, что наш дом — больше не безопасное место. Что я — опасность для собственного ребенка. Однажды она сорвалась, — Андрей тяжело вздохнул, глядя куда-то мимо меня. — Просто швырнула мне телефон и начала кричать. Там была статья про тех «пензенских затворников». Помните? Которые ушли под землю ждать конца света. Она кричала: «Посмотри, что вы делаете с людьми! Ты тоже нас в пещеру утащишь?!» Я пытался объяснить: «Маш, ну посмотри на нас. Мы просто читаем Библию дома. Какое отношение мы имеем к этим людям?» Но она не слышала. В той статье журналисты постоянно вворачивали слово «Погановка». На самом деле село называлось Никольское, но они выбрали этот вариант — чтобы звучало как что-то нечистое. Создали образ каких-то грязных безумцев. И Маша, начитавшись этого, смотрела на меня так, будто я прямо сейчас рою лаз под нашим домом.

Я слушала его, и внутри росло тяжелое чувство. Это же классическая механика «вины по ассоциации». Берется какой-то маргинальный случай, на него вешают ярлык «секта», а потом этот же ярлык приклеивают к совершенно обычным людям. В голове у напуганного человека происходит сбой. Если и те, и другие названы одним словом — значит, они одинаково опасны. И уже неважно, что в статьях может быть грязная клевета. Страх не дает разбираться в деталях.

— Страшнее всего, что она начала ждать опеку, — голос Андрея стал совсем глухим. — В тех текстах тема изъятия детей была в каждой строчке. Она видела новости о других семьях, где уже выламывали двери. И этот страх за Аню ее просто раздавил. Я стал для нее источником угрозы.

Андрей потянулся к телефону и быстро открыл какую-то вкладку. Он повернул экран ко мне — машинально, почти инстинктивно, как делает человек, который привык, что каждое его слово подвергается сомнению. Ему жизненно важно было предъявить «доказательство» прямо сейчас, будто без этой светящейся страницы его слова не имели веса.

— Я ведь пытался ей объяснить, как все это конструируется, — Андрей подбирал слова медленно. — Думал — она поймет, если увидит факты. Что все это — просто

технология. Я тогда наткнулся на одну историю из Перми, там судили Елену Брессем. Все было шито белыми нитками, запредельная манипуляция.

Он повернул ко мне телефон. На экране была статья с фотографией женщины, которая выглядела совершенно разбитой. Пока он говорил, я быстро пробежала глазами текст. История была пугающе показательной: влиятельный муж-бизнесмен, домашнее насилие, а при разводе — циничный план по лишению матери прав на детей. Для этого он использовал «идеальное оружие» — обвинение в сектантстве.

— Представляете, ее обвинили в том, что она адепт «опасного культа», потому что она когда-то работала в «Гербалайфе», — Андрей горько усмехнулся. — На полном серьезе состряпали экспертное заключение, что торговля БАДами — это деструктивная секта. Муж среди бела дня сжег ее машину — это на камеры попало, и ему ничего не было. А ее при этом выставляли монстром.

Андрей указал на выделенный абзац — заявление самой Елены:

«...Они состряпали целый “научный” труд с синими печатями о том, что я сектантка. И все это — только чтобы суд оставил детей отцу. Эксперт выступал в суде лично, хотя видел меня первый раз в жизни. Откуда незнакомый человек может вообще что-то обо мне знать?»

— Понимаете? — Андрей посмотрел на меня. — Я умолял Машу прочитать это. Хотел, чтобы она увидела: слово «секта» сегодня используют как дубинку. Чтобы уничтожить любого, кто стал неугоден. Что это просто инструмент, понимаете? Эти «эксперты» выполняют заказ, а суды им верят. Я думал, Маша поймет: те статьи, которые она глотает по ночам — это такая же сфабрикованная грязь.

— И как она отреагировала? — спросила я.

Андрей убрал телефон. Движение было резким, окончательным.

— Это дало обратный эффект. Знаете, я ведь хотел как лучше, хотел разоблачить эту ложь. А она... она зацепилась за сам факт. Вместо того чтобы увидеть манипуляцию, она увидела только подтверждение своих кошмаров. Она закричала: «Вот видишь! У людей действительно забирают детей! Если ты не прекратишь верить, они придут за нашей Аней!»

Он замолчал, и я кожей почувствовала, как в ту минуту между ними рухнуло все, что строилось десять лет.

— С того дня наш дом... он перестал быть домом, — Андрей говорил сбивчиво, то и дело поправляя манжеты рубашки. — Маша начала выбрасывать мои вещи. Все, что ей казалось «подозрительным». Мои записи, книги. Она попросила, чтобы я больше не молился вслух. Даже шепотом. Если Аня в соседней комнате — полная тишина.

Он поднял на меня глаза, и в них была какая-то детская растерянность.

— Я прихожу с работы и физически ощущаю — мне там не рады. Маша перестала меня встречать. Услышит ключ в замке — и сразу на кухню. Начинает там с каким-то остервенением мыть посуду или резать что-то, только бы не выходить. В холодильнике теперь у каждого своя полка. Пытаюсь спросить про счета или про школу — отвечает в сторону. Односложно. Не глядя на меня.

Он замолчал на секунду, нервно перебирая пальцами край рукава.

— А самое тяжелое — когда она в ванной закрывается. Включает воду на полную, чтобы я не слышал, и звонит матери. Но стены тонкие... Она плачет. Говорит, что живет с чужим человеком. Что ей страшно засыпать в одной квартире со мной. Понимаете? Она искренне верит, что я стал опасен. Эта грязь из интернета убедила ее, что от меня Аню нужно защищать.

Я слушала его, и в блокноте осталась только одна короткая фраза: «Доверие уничтожено медийным фантомом». Это же самое страшное — когда человек боится не мужа, а того выдуманного монстра, которого ей нарисовали в статьях.

— Вчера я зашел на кухню, просто воды налить, — голос Андрея стал совсем тихим. — Маша у плиты, Аня за столом рисует. Я подошел, хотел дочку по макушке погладить... А Маша как прыгнет. Схватила Аню, дернула к себе так, что стул закрипел. И закричала: «Не трогай ее! Не смей ее в это втягивать!»

Андрей замолчал. Дождь за окном почти прекратился, оставив после себя лишь серую, промозглую хмарь.

— Аня в слезы. А я... я просто стоял с этим стаканом воды. На своей собственной кухне. И понимал, что мне больше некуда идти. Мой дом стал моим персональным концлагерем, а надзирателем в нем сделали женщину, которую я люблю больше жизни. Скажите мне... как бороться с этой клеветой, если она для Маши стала правдой? Она теперь верит этой лжи больше, чем мне. Человеку, с которым прожила десять лет.

Глава 4. Ледяной город

— Восемь, — Андрей произнес это число так, будто оно внезапно стало весомым, материальным. — В мае Ане исполнилось восемь.

Он на мгновение замолчал, и я увидела, как его взгляд застыл на одной точке. Он больше не смотрел на меня. В его глазах появилось то странное, лихорадочное выражение, которое бывает у людей, обнаруживших в хаосе пугающую закономерность.

— Андрей? — я едва слышно коснулась этого затянувшегося молчания. — Вы словно увидели что-то за этой цифрой.

Он медленно перевел взгляд на свои руки, лежащие на коленях, и его пальцы едва заметно дрогнули.

— Не знаю. Просто... стало не по себе. Моей прабабушке Эльзе ведь тоже было восемь, когда все это началось. В тридцать восьмом. Тот же возраст. Та же... — он запнулся, подбирая слово, — абсолютная безоружность.

Он замолчал, и в этой тишине я почувствовала, как реальность нашего кабинета начинает истончаться. Страх Андрея за дочь стал тем порталом, который распахнулся в прошлое.

— Расскажите мне, — мягко попросила я. — Что было с ней тогда? Как она... выстояла?

Андрей глубоко вздохнул и закрыл глаза. Когда он заговорил снова, его голос казался эхом, доносящимся откуда-то издалека, из самой сердцевины той ледяной мглы, в которой оказалась его семья восемьдесят лет назад.

— Она так и не переступила порог, — тихо начал он. — Тот разгром в прихожей и запах остывающего ужина... это было все, что осталось от ее мира. Она замерла, вдыхая горький дым жженой листвы, который тянуло с улицы, и в этот момент сверху, с лестничных пролетов, донесся тяжелый топот сапог и чужие, уверенные голоса. В квартиру ввалились люди, которые уже считали это место своим — новые хозяева жизни. Эльза видела их тени в глубине коридора, слышала их хохот. Испуганная, она поняла: если ее заметят, она исчезнет так же, как мама и папа. Она попятилась и бросилась прочь, вниз по черной лестнице. Она бежала, не разбирая дороги,

подгоняемая единственной мыслью — спрятаться, переждать, вернуться, когда эти страшные люди уйдут. Она еще не знала, что двери ее дома захлопнулись навсегда.

Когда ребенок остается один на улице, первые несколько часов его психика отказывается принимать реальность. Это защитный механизм, отрицание катастрофы. Девочка бродила по знакомым улицам своего района, инстинктивно избегая собственного дома, где теперь хозяйничали те, кто стер ее имя из списков жильцов.

Скитания Эльзы продолжались неделями. Это время превратилось в непрерывную, изматывающую борьбу человеческой физиологии с безжалостной природой и еще более безжалостным обществом.

Холод перестал быть просто погодным явлением. Он стал осязаемым существом, постоянным спутником, который дышал ей в затылок. Андрей описывал, как прабабушка рассказывала ему о стадиях замерзания — знаниях, которые ни один ребенок не должен получать опытным путем. Сначала приходит острая боль в пальцах рук и ног, словно под кожу загоняют сотни тонких игл. Затем боль сменяется тяжелой, ватной пульсацией. Кожа краснеет, потом приобретает пугающий синюшно-мраморный оттенок. Но самое страшное наступает позже, когда боль уходит, уступая место ложному, обманчивому теплу и непреодолимому желанию закрыть глаза. Эльза знала: если она уснет на каменных ступенях чужого подъезда или в нише под мостом, она больше никогда не проснется. Эту истину она усвоила в одно из первых утр, когда увидела толпу у газетного киоска. Там, привалившись к стене, сидел бездомный. Он казался спящим, но его лицо было неестественно белым, припорошенным инеем. Эльза замерла рядом, когда подошли двое мужчин с телегой. Один из них коснулся плеча бродяги, и тот завалился набок, не изменив позы, — его тело было твердым, как обледенелое бревно. «Готов, — коротко бросил один, подхватывая покойника за ноги. — Замерз во сне. На таком морозе это быстро». Эти будничные слова «замерз во сне» стали для Эльзы страшнее любого запрета. Теперь, когда холод начинал казаться ей ласковым, она вспоминала того человека и понимала: сон — это ловушка. Чтобы выжить, она должна была постоянно двигаться.

Она спала урывками, днем, забираясь в кучи прелой листвы в дальних уголках парков или прижимаясь к низким вентиляционным решеткам на задних дворах ресторанов. Оттуда, из полуподвальных кухонь, иногда вырывались потоки тяжелого, влажного пара. Этот воздух пах поджаренными сосисками, тушеной капустой и тмином

— запахами нормальной, недоступной ей жизни. Голод скручивал ее желудок спазмами, доводя до тошноты и головокружения.

Слушая Андрея, я ловила себя на одном и том же вопросе: как цивилизованное общество, состоящее из образованных и культурных людей, могло допустить, чтобы на их улицах замерзал восьмилетний ребенок? Почему никто не накормил ее, не отвел в полицию, просто не забрал в тепло?

Чтобы вернуть себе профессиональную отстраненность и не поддаться эмоциям, я невольно начала искать опору в знаниях. В памяти всплыл университетский спецкурс по социальной психологии, посвященный массовым деструкциям. Тогда архивные данные о «выключении» совести и превращении соседей в равнодушных свидетелей казались мне лишь сухими теориями и графиками на доске. Но здесь, в рассказе Андрея, эти схемы оживали, превращаясь в осязаемую, ледящую кровь реальность.

Я понимала: то, что случилось с Эльзой, было результатом методичного разрушения эмпатии в масштабах целой страны. Государственная пропаганда Третьего рейха провела настоящую операцию на массовом сознании — они просто ампутировали сострадание по отношению к тем, кого назначили «чужаками».

В моей голове всплывали детали из тех лекций: те самые «народные радиоприемники» (Volksempfänger), которые нацисты продавали по дешевке, чтобы голос фюрера звучал в каждой кухне. Общество методично разрезали на «народное сообщество» (Volksgemeinschaft) и «чужеродные элементы». Эльза и ее семья оказались в глубокой социальной изоляции просто потому, что их убеждения — отказ от оружия и нацистского приветствия — не вписывались в эту новую систему координат. Пропаганда превратила их верность принципам в образ «опасного фанатизма», подрывающего единство нации.

Ведь такая пропаганда никогда не взывает к логике — она бьет по инстинктам: страху и безразличию. Обывателю годами внушали, что помощь «врагу» — это не милосердие, а предательство родины. А страх перед доносами довершал дело. В мире, где за проявленную жалость к ребенку арестованных соседей завтра гестапо могло постучать уже в твою дверь, люди выбирали слепоту как способ защитить своих близких. Они просто переставали видеть в маленькой девочке человека.

Андрей привел конкретный пример, врезавшийся в память его прабабушки на всю жизнь. На третий день своих скитаний, обезумев от голода, Эльза решила подойти к

булочной фрау Мюллер. Это была полная, румяная женщина, у которой мама Эльзы годами покупала хлеб по выходным. Фрау Мюллер всегда улыбалась девочке и иногда бесплатно давала ей сладкий крендель с сахаром.

Эльза подошла к черному ходу пекарни ранним утром, когда воздух был густым от запаха свежееиспеченного теста. Дверь приоткрылась, и на пороге появилась фрау Мюллер с ведром золы. Увидев дрожащую, грязную девочку с ввалившимися глазами, женщина замерла. Эльза протянула тонкую, посиневшую от холода руку. Она даже не просила хлеба, она просто смотрела на бывшую соседку взглядом умирающего животного.

В глазах фрау Мюллер мелькнуло узнавание, затем — острая жалость, которая тут же, за долю секунды, сменилась паническим, животным ужасом. Женщина судорожно оглянулась по сторонам, проверяя, не видит ли их кто-нибудь из окон соседних домов.

— Уходи, — прошипела она, и ее лицо исказилось от страха, переходящего в агрессию. — Немедленно уходи отсюда! Из-за таких, как твои родители, нас всех могут отправить в лагерь. Ты хочешь, чтобы моих детей оставили сиротами? Пошла вон, маленькая дрянь, или я позову патруль!

Дверь захлопнулась с глухим стуком. Щелкнул замок. Эльза осталась стоять у кирпичной стены, глотая слезы. В тот момент она поняла страшную истину: для этих людей она больше не была ребенком. Она была ходячей угрозой, носителем инфекции, от которой нужно было держаться подальше.

Улицы зимнего города стали для нее ареной, где человеческая природа проявлялась в своих крайних, полярных формах. Большинство демонстрировало открытую агрессию или ледяное равнодушие. Дворники гнали ее метлами из подворотен, прохожие отворачивались, ускоряя шаг, а патрули Гитлерюгенда — подростки в униформе — могли ради забавы бросить в нее кусок льда, если замечали ее съезжившуюся фигуру в подворотне.

Но в этом океане абсолютного мрака изредка вспыхивали крошечные искры тайной, почти невидимой человечности. Эти моменты не могли изменить систему, но именно они позволили девочке физически дожить до следующего дня.

Однажды поздним вечером, когда Эльза сидела на корточках за газетным киоском, пытаясь спрятаться от пронизывающего ветра, к ней приблизился пожилой мужчина. Он

был одет в потертое пальто, а вместо левой руки у него был пустой рукав, заправленный в карман — эхо Первой мировой войны. Он не остановился, не посмотрел на нее, не сказал ни слова. Он просто прошел мимо, слегка замедлив шаг, и из его правого кармана прямо в снег перед девочкой упал небольшой сверток из плотной серой бумаги. Мужчина скрылся в тумане, так ни разу и не обернувшись.

Дрожащими, неслушающимися пальцами Эльза развернула бумагу. Внутри оказалась вареная картофелина, еще сохранившая слабое тепло, и кусок жесткого, заветренного сыра. Она ела это, давясь слезами, глотая не пережевывая, чувствуя, как крошечная порция калорий разливается по ее истощенному телу спасительным жаром. Этот безымянный инвалид, сам находившийся на обочине блестящего нацистского общества, рискнул своей свободой ради незнакомого ребенка. Он не мог забрать ее домой, но он подарил ей еще один день жизни.

Андрей замолчал, и в этой тишине я вдруг отчетливо осознала: этот старик в потертом пальто сделал для нее нечто большее, чем просто принес еду. В мире, где она стала «невидимкой», он на секунду вернул ей ее существование. Я смотрела на Андрея и думала о том, что человеку — а ребенку особенно — жизненно необходимо это «отражение» в чьих-то глазах. Без него психика начинает гаснуть, сворачиваться, как брошенный на морозе лист.

— Вы знаете, — Андрей вдруг поднял голову, и его голос зазвучал иначе, мягче, — я долго не мог понять, как она не сошла с ума в те недели. Одиночество ведь убивает быстрее голода. Но прабабушка говорила, что даже в самые черные дни она не чувствовала себя... совсем одной. Она сумела выстроить внутри себя такую опору, которую не мог пошатнуть ни холод, ни страх.

Он поудобнее устроился в кресле, и я увидела, как он непроизвольно смягчил черты лица, словно прикасаясь к чему-то очень сокровенному.

— Она постоянно вела внутренний диалог. Каждую минуту, каждый свой шаг. Но это не были заученные, формальные молитвы — это был живой, очень личный разговор с Богом.

Он прикрыл глаза, и я поняла, что сейчас он делится тем, что стало глубокой основой его собственной веры, его личным фундаментом.

— Когда она шла сквозь метель, не чувствуя ног в промокших ботинках, она шептала побелевшими губами: «Боженька, посмотри, как много снега Ты сегодня насыпал. Он очень красивый, правда. Только он кусает меня за пальцы. Сделай, чтобы маме и папе было тепло. А я потерплю, я сильная, Ты же знаешь».

Слушая его, я невольно анализировала этот «диалог». Я понимала, что он выполнял важнейшую психологическую функцию — создавал вокруг девочки невидимый, но абсолютно непроницаемый купол. В то время как внешний мир кричал ей: «Ты мусор, ты враг, тебя не должно быть», внутренний голос, который она идентифицировала как голос Создателя, отвечал: «Ты мое дитя. Я вижу тебя. Я с тобой».

— Она рассказывала Ему обо всем, — продолжал Андрей. — О злой собаке у мусорных баков, о дворнике, который ударил ее метлой по спине... И делилась каждой крошечной радостью: найденной монеткой или огрызком яблока.

Я смотрела на Андрея и видела в этой истории не просто религию. Вера стала для Эльзы не абстрактной концепцией, а единственным источником реального, почти физического тепла.

— Она говорила, что, когда тело била дрожь, она просто закрывала глаза, — Андрей невольно обхватил себя за плечи. — И представляла, что Боженька окутывает ее — будто мягким, согревающим светом, нежным и плотным облаком. Это облако было таким теплым, что мороз больше не мог пробраться сквозь него. Она чувствовала, как это тепло разливается внутри, и ей становилось совсем не страшно.

«Потрясающая визуализация», — пронеслось у меня в голове. Это состояние абсолютного доверия, доступное только чистому детскому сознанию, дарило ее телу необходимый покой. Я понимала, что на биологическом уровне это ощущение «божественного покрова» снижало уровень кортизола и предотвращало панические атаки, которые при таком истощении стали бы для нее смертными.

— У нее даже была своя молитва, — тихо добавил Андрей. — Совсем не такая, как в церковных книгах. Она придумала ее сама, там, на улице, и много лет спустя рассказала мне ее, как самую большую ценность. — Он прикрыл глаза, и его голос стал похож на шепот ребенка. — «Боженька, спасибо, что Ты сегодня на меня смотрел. Спасибо, что Ты меня не теряешь. Пожалуйста, разреши мне еще немножко погреться в Твоем свете. И не уходи далеко, когда я усну, ладно? Я хочу завтра снова с Тобой поговорить».

В кабинете стало так тихо, что я почти физически почувствовала тепло этого «света», о котором она просила. В этой детской просьбе не было жалоб на голод или побои, только бесконечное доверие и потребность в том, чтобы ее просто «не теряли». Я понимала: для Эльзы этот невидимый собеседник был единственным, кто подтверждал — она существует. В мире, который старательно лишал ее права на существование, «взгляд Бога» стал тем самым зеркалом, в котором она видела себя не «врагом народа» или «невидимкой», а живым, нужным и любимым ребенком. В этой тихой молитве она находила свое единственное надежное убежище, куда не могли дотянуться ни страх, ни холод.

— И знаете, что самое удивительное? — Андрей открыл глаза и посмотрел на меня в упор. — Она ни разу не просила Его наказать тех, кто ее обижал. Впитав миролюбие родителей, она просила лишь сил выдержать.

Я кивнула, пораженная этим фактом. Этот отказ от ненависти парадоксальным образом сохранил ее человечность. Я знала: ненависть сжигает колоссальное количество энергии, она разрушает личность изнутри. Сохраняя в себе любовь и доверие, Эльза сберегала те последние крохи жизненных сил, которые у нее еще оставались.

Андрей тяжело вздохнул и отвел взгляд.

— К концу третьей недели скитаний ресурсы ее маленького организма были исчерпаны почти полностью. Стоял конец декабря. Зима в тот год выдалась суровой. Температура по ночам опускалась до критических отметок. Эльза больше не могла ходить на большие расстояния. Ее ноги распухли, кожа на руках потрескалась до крови. Каждое движение давалось с невыносимой болью.

Он замолчал на секунду, подбирая слова, чтобы передать тот морок, в который она погружалась.

— Зрение начало подводить ее — контуры зданий расплывались, превращаясь в серые, угрожающие пятна. Периоды забытья становились все длиннее, а выходить из них было все труднее. В тот день она забрела в район старых складов и угольных подвалов. Это было мрачное место, пропахшее сыростью, угольной пылью и гниющим деревом. Она нашла узкую щель между двумя штабелями пустых деревянных ящиков, забилась туда, подтянула колени к подбородку и закрыла глаза.

Голос Андрея стал совсем тихим, почти сливаясь с тишиной кабинета.

— Прабабушка помнила это мгновение до мельчайших подробностей, — произнес он, глядя куда-то сквозь меня. — Она говорила, что в ту минуту холод больше не причинял острой боли. На смену ей пришло странное, обволакивающее спокойствие. Снежинки падали на ее ресницы и больше не таяли. Внутренний голос, с которым она разговаривала все эти недели, стал тихим, почти неслышным. Она поняла, что это конец. Она больше не будет просыпаться.

Андрей набрал в грудь воздуха, словно ему самому стало не хватать кислорода в этой воображаемой ледяной щели.

— И именно в этот момент, на границе между жизнью и небытием, сквозь шум ветра и гул собственной затухающей крови, она услышала голоса.

— Она рассказывала, что в тот миг ей стоило огромных усилий просто приоткрыть веки, — продолжал он. — Глаза слипались, ресницы заиндевели. Но на долю секунды она все же увидела их. Это были две женщины. Они шли по узкому переулку между складами, кутаясь в темные шерстяные платки. Они несли тяжелые сумки и говорили вполголоса, почти шепотом, постоянно оглядываясь. Их шаги скрипели по свежевыпавшему снегу совсем рядом с укрытием Эльзы.

Девочка снова закрыла глаза — сил держать их открытыми больше не было, — но ее слух, обостренный до предела инстинктом выживания, уловил обрывки фраз.

— ...фрау Марта рискует головой, — произнес первый, более низкий голос. — Если управдом заметит, что в подвал носят столько еды, он тут же донесет в гестапо.

— У нее нет выбора, — ответил второй голос, дрожащий от холода и напряжения. — Эти бедные женщины... их ищут по всему району. Они прячутся там уже неделю.

— Сколько их сейчас в старой прачечной на Кенигштрассе?

— Пятеро. Все из наших, из Исследователей¹. Они молятся день и ночь. Мы должны донести этот хлеб до комендантского часа. Если патруль нас остановит...

Голоса начали удаляться, постепенно растворяясь в завываниях ветра. Внутри замерзающей девочки словно ударил колокол. Слова «Исследователи» и «молятся» пронзили ее угасающее сознание разрядом электрического тока. Это были слова из ее прошлой, разрушенной жизни. Это был язык ее родителей.

Ее внутренний диалог, который еще минуту назад казался завершенным, вспыхнул с новой силой. Она восприняла этот случайно подслушанный разговор не как совпадение, а как прямой, недвусмысленный ответ на свои многодневные молитвы. Бог не просто укрыл ее плащом в ее воображении. Он прислал ей ориентир. Кенигштрассе. Старая прачечная. Подвал фрау Марты.

Эльза открыла глаза. Мир вокруг по-прежнему был серым, враждебным и ледяным. Снег продолжал засыпать узкий переулок. Но внутри нее что-то изменилось. Искра надежды, упавшая на пепелище ее истощенного тела, заставила кровь двигаться быстрее.

Она оперлась окровавленными, негнущимися пальцами о шершавые доски ящика. Преодолевая боль, от которой потемнело в глазах, она заставила себя встать на колени, а затем, цепляясь за стену, медленно поднялась на ноги. Ветер ударил ей в лицо, пытаясь сбить обратно на землю, но она устояла.

Маленькая, изломанная фигурка в грязном пальто сделала первый, неуверенный шаг. У нее больше не было страха, только четкий, как удар пульса, ориентир. Сгущающиеся сумерки города больше не казались ей бесконечным лабиринтом — теперь где-то там, среди холодных камней, ее вела за собой надежда найти тех, кто в этой тьме так же взывал к Богу, как и она.

Сноска: ¹ Исследователи Библии (нем. Bibelforscher) — название, под которым в то время в Германии были известны Свидетели Иеговы. Это название закрепилось за ними в официальных документах нацистской Германии и в обиходе, несмотря на принятие нового названия в 1931 году. За свои убеждения и отказ от поддержки нацистского режима они подвергались массовым репрессиям.

Глава 5. Слова на экране

Мы оба замерли. Я видела, как медленно и тяжело вздымается грудь Андрея — он словно выныривал с большой глубины, пытаясь осознать, что он снова здесь, в безопасности моего кабинета. За окном синие сумерки Петербурга окончательно

поглотили очертания домов. Мы провалились в историю Эльзы, полностью потеряв счет времени. Стрелка часов перевалила за положенную отметку сеанса еще час назад.

Я понимала, что сеанс необходимо завершить. Психика пациента не может бесконечно долго находиться в эпицентре такой травмы.

— Андрей, — я постаралась, чтобы мой голос звучал мягко, но уверенно. — Нам нужно на сегодня прерваться. Это был очень тяжелый пласт. Вам нужно время, чтобы просто... выдохнуть.

Он вздрогнул, его взгляд постепенно обретал фокус.

— Да, — глухо ответил он, проводя ладонью по лицу. — Извините, я совсем потерял чувство времени.

— Все в порядке. Это естественная реакция на такие воспоминания. Мы продолжим в следующий раз.

Когда дверь за ним закрылась, я не сразу отошла от окна. В голове крутилось это старое название: «Исследователи».

Домой я ехала, почти не замечая дороги. Моя квартира встретила меня тишиной, которая на этот раз не приносила привычного покоя. Обычно это пространство служило мне надежным буфером между чужими травмами и моей собственной жизнью. Я годами оттачивала навык оставлять голоса пациентов за дверью кабинета. Но сегодня броня дала трещину.

Я не могла просто лечь спать. Стоило мне закрыть глаза, как я видела ледяные улицы Берлина и ту запредельную безнадежность, о которой рассказывал Андрей. В психологии это называют «вторичной травмой». Чтобы справиться с этим состоянием, мне нужно было «заземлить» эти образы, перевести их из области зыбких видений в плоскость твердых фактов. Мне требовалась рационализация.

То, что открылось мне в следующие несколько часов, заставило меня окончательно забыть о сне. Сухие исторические справки с пугающей точностью подтверждали каждое слово Андрея.

Я читала о «пурпурных треугольниках» — отличительном знаке в концлагерях, который «Исследователям» присвоили наравне с желтыми звездами евреев. Но здесь была одна деталь, которая заставила меня замереть.

Я узнала, что нацисты предлагали этим людям сделку, которой не было ни у одной другой группы заключенных. Каждому «Исследователю» давали возможность подписать печатный документ — «Erklärung» (Заявление). В нем было всего несколько пунктов: отречение от веры и обязательство защищать «отечество» с оружием в руках. Одна подпись — и человек получал свободу.

Я смотрела на оцифрованные копии этих бланков. Тысячи людей годами гнили в Бухенвальде, зная, что ключ от их камеры лежит в их собственном кармане. Нужно было просто взять ручку. Но они не брали. Меня, как психолога, этот феномен стойкости поразил до глубины души. Что должно происходить внутри человека, чтобы он выбрал гильотину вместо одного росчерка пера?

Я находила все новые и новые свидетельства. 1933 год — запреты и первые массовые меры давления; затем увольнения, обыски, аресты, конфискации литературы и включение преследования Свидетелей Иеговы в полицейскую практику нацистского государства.

Я переходила по ссылкам все дальше, пока не оказалась на каком-то архивном портале, посвященном документам эпохи Веймарской республики и раннего рейха. Я искала информацию о том, как начинались эти преследования, и мой взгляд зацепился за список литературы к одной из статей.

Там упоминалась экспертиза 1932 года, в которой «Исследователи» назывались «биологической угрозой для духа немецкой нации». Формулировка была настолько выверенной и ядовитой, что я невольно кликнула на имя автора.

Ссылка вывела меня на краткую биографическую справку. На пожелтевшем фото был изображен человек в академических очках — воплощение профессорской солидности.

Вальтер Кюннет.

Я никогда не слышала этого имени раньше. Обычный теолог, ученый. Но рядом с его именем стояло название организации, которая, как выяснилось, стала «мозговым центром» для будущих репрессий: Апологетический центр.

Случайная ссылка в библиографии открыла передо мной совершенно иную сторону этой истории. Оказалось, что за спиной людей в форме, которые арестовали семью Эльзы, стояли люди в академических мантиях.

Формулировки в его экспертизах — «биологическая угроза», «деструктивное влияние на народное тело» — вызвали у меня безотчетную тревогу, какую-то болезненную узнаваемость. В этих строках, написанных почти век назад, я ощутила ритм и холод тех самых текстов, что попадались мне сегодня. Как психолог, я привыкла работать с материалом и знала: у каждой идеологии есть свой уникальный «почерк», своя специфическая частота, на которой она вещает. Эта частота была мне знакома.

Я вбила одну из этих фраз в поисковую строку, просто чтобы проверить свою догадку, и замерла. Экран выдал сотни ссылок, но не на исторические архивы, а на современные статьи, сайты антикультовых центров и судебные экспертизы последних лет.

Меня охватил ступор. Те же самые речевые обороты, те же логические конструкции, которые я только что видела в документах эпохи Веймарской республики, транслировались здесь и сейчас, в двадцать первом веке.

Профессиональная привычка искать первопричину заставила меня на время отложить историю Эльзы и начать разматывать этот клубок. Изучая глобальную сеть современного антикультизма, я видела перед собой колоссальную структуру, опутавшую десятки стран. Я видела имена современных деятелей, названия их центров, их связи с государственными аппаратами. Меня поразило то, насколько неизменным остался этот механизм. Современные идеологи не просто вдохновлялись прошлым — они с пугающей точностью воспроизводили те же логические ловушки и те же приемы воздействия на массовое сознание. Это не было поиском истины или научным развитием; это была прямая трансляция методов, которые однажды уже доказали свою эффективность в деле разрушения человеческих жизней.

Я начала методично, шаг за шагом, отслеживать, как кристаллизовался этот язык социальной вражды, замешанный на страхе и стигматизации. От современных российских публикаций нити потянулись к европейским авторам конца двадцатого века. В моих записях появились имена Йоханнеса Огорда и Фридриха-Вильгельма Хаака — баварского теолога, который прославился своими радикальными взглядами и активным расчеловечиванием новых религиозных движений. Хаак поддерживал тесные контакты с антикультовыми организациями Германии, США, Франции, Дании и Греции.

Но и Хаак не был первоисточником. Его труды опирались на более ранний, фундаментальный базис. След уходил в прошлое, пересекая границу Второй мировой

войны, и обрывался в Германии тысяча девятьсот двадцатых и тридцатых годов. Именно там, в пыльных архивах истории, я нашла имя человека, чья тень сегодня незримо накрыла жизнь моего пациента Андрея, его жены Марии и их маленькой дочери.

Когда мы произносим слово «нацизм», массовое сознание мгновенно услужливо подкидывает нам набор хрестоматийных образов: марширующие колонны штурмовиков, лай овчарок, кованные сапоги. Мы привыкли ассоциировать абсолютное зло с грубой физической силой. Но как специалист, изучающий природу человеческой жестокости, я знаю: прежде чем солдат поднимет винтовку, интеллектual должен написать текст, объясняющий, почему человек по ту сторону прицела не имеет права на жизнь.

Вальтер Кюннет не носил черную униформу СС. Он был немецким протестантским теологом, уважаемым академическим деятелем, интеллектualом. И именно это делало его фигуру по-настоящему страшной.

В тысяча девятьсот двадцать первом году при Протестантской церкви был создан Апологетический центр (Apologetischen Centrale). К тысяче девятьсот тридцать второму году Кюннет возглавил эту организацию. Изначально заявленная цель центра звучала вполне невинно: защита христианского вероучения. Но под руководством Кюннета эта структура быстро трансформировалась в нечто совершенно иное. Она стала лабораторией, где разрабатывались теоретические обоснования для будущих массовых репрессий.

Я читала переводы исторических справок о деятельности этого центра, и холодный пот выступал у меня на спине. Кюннет занимался сбором информации о небольших религиозных группах, которые не вписывались в жесткую парадигму формирующегося тоталитарного государства. Он создавал антисектантские архивы, формировал собственные библиотеки. На основе этого материала его подчиненные составляли пособия, в которых разрабатывались техники расчеловечивания и манипуляции. Факты и события намеренно искажались, а научное знание фальсифицировалось в угоду идеологическому заказу.

В тысяча девятьсот тридцать третьем году, в год прихода Гитлера к власти, под редакцией Вальтера Кюннета и Хельмута Шрайнера вышел сборник «Нация пред Богом. К посланию церкви в Третьем рейхе» (Die Nation vor Gott. Zur Botschaft der Kirche im Dritten Reich). В нем поднимались такие темы, как верховенство фюрера, принцип

послушания и расовый вопрос. В мае того же года Кюннет вместе с единомышленниками основал «Молодое реформационное движение». Радикальные взгляды Апологетического центра сложились задолго до создания гестапо. Теологи подготовили почву, на которую позже упали семена политического террора.

Но Кюннет не ограничился написанием книг. Когда государственная машина Третьего рейха набрала обороты, его Апологетический центр начал прямое сотрудничество с нацистскими государственными службами — СС и СД. Это был момент, когда академическая теория превратилась в прикладную практику уничтожения. Центр Кюннета публиковал директивы по борьбе с «сектантством». Организации расчеловечивались в глазах общества. Из мирных, законопослушных граждан намеренно лепили образ экзистенциальной угрозы.

Кюннет создавал «черные списки» и передавал их напрямую в гестапо.

Я откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и попыталась осмыслить этот факт. Теолог, человек, чьим призванием было изучение божественного замысла, методично, с педантичностью бухгалтера, составлял списки людей, подлежащих уничтожению. Он передавал эти списки в карательные органы, прекрасно понимая, что ждет тех, чьи имена оказались на этих страницах. Жестокость гестапо по отношению к религиозным меньшинствам была прямым следствием материалов и методов, заимствованных из Апологетического центра.

Чтобы понять, как именно эти списки реализовывались на практике, я обратилась к материалам Нюрнбергского процесса. Среди тысяч страниц свидетельств человеческого падения я нашла документ, который заставил меня вспомнить рассказы Андрея об Эльзе и той ночи, когда ее родителей увели люди в черной форме.

Это был Нюрнбергский документ D-59 — директива, подписанная Рейнхардом Гейдрихом. Она устанавливала порядок подавления «сект». Я вчитывалась в эти сухие, канцелярские строки, и мне казалось, что я читаю описание той реальности, в которой сегодня жил мой пациент.

«...Будут немедленно приняты меры против организаций... а также против отдельных лиц... Все организации... без исключения, будут ликвидированы; имеющиеся материалы, такие как списки адресов, файлы, переписка, оборудование... будут конфискованы; они подлежат роспуску и запрету; одновременно будут проведены

обыски в домах ведущих членов кружков... Лица... во всех случаях подлежат аресту... они должны быть отправлены в концлагерь...»

Я перечитывала этот текст снова и снова. «Обыски в домах», «конфискация имущества», «арест лиц, подозреваемых в хранении материалов». Эта директива, написанная в тридцатых годах прошлого века, была идеальным, пугающе точным слепком с тех событий, которые Андрей описывал на наших сеансах. Разница заключалась лишь в терминах. Вместо слова «концлагерь» сегодня использовалось «СИЗО» или «колония общего режима». А вместо Рейнхарда Гейдриха приказы подписывали современные чиновники, опирающиеся на экспертизы современных последователей Кюннета.

Осознание этой прямой, непрерывной линии преемственности вызвало у меня глубокий моральный шок. Я всегда верила в прогресс человечества. Я верила, что после ужасов Второй мировой войны общество выработало стойкий иммунитет к идеологии расчеловечивания. Я полагала, что денацификация навсегда выкорчевала этот сорняк.

Но документы на моем экране свидетельствовали об обратном. Денацификация оказалась иллюзией. Она наказала исполнителей — тех, кто непосредственно отдавал приказы о расстрелах. Но она не тронула главных концептуалистов. Идеологи нацизма, создавшие теоретическую базу для террора, избежали правосудия.

Судьба Вальтера Кюннета после падения Третьего рейха — это пощечина всей системе международного права. Человек, чьи «черные списки» отправили на смерть тысячи невинных людей, не сел на скамью подсудимых в Нюрнберге. Более того, он продолжил свою академическую карьеру, словно ничего не произошло. В сорок шестом, пока Эльза пыталась осознать себя в мире, где у нее больше не было семьи, Кюннет триумфально вернулся в академическую среду, став почетным профессором в Баварии. Он десятилетиями преподавал, читал лекции студентам и публиковался в прессе.

Чему мог учить молодежь человек, чьи руки были по локоть в крови, пусть эта кровь и была пролита чужими руками по его наводке? Изменил ли он свои взгляды? Исторические свидетельства дают леденящий душу ответ. Тринадцать лет спустя после трагедии Хиросимы Вальтер Кюннет публично заявил: «Даже атомные бомбы могут служить любви к ближнему».

Эта фраза — квинтэссенция тоталитарного мышления. Способность оправдать тотальное уничтожение «высокой моралью». Именно эта извращенная логика позволяла ему в тридцатые годы отправлять людей в лагеря ради «очищения нации».

Я смотрела на эту цитату Кюннета об атомных бомбах, и в памяти всплыл другой текст из недавней ленты новостей — высказывание Евгения Никифорова, директора радиостанции «Радонеж». Контекст был иным — он говорил не о теологии, а о геополитическом противнике, об украинцах.

Никифоров заявлял, что «болезнь зашла слишком далеко», что здесь «возможна только хирургия», а ответом должно быть оружие «Солнцепек», которым все должно быть «сожжено подчистую».

Я замерла, осознавая масштаб катастрофы. Для системы нет разницы, кого назначать «опухолью» сегодня — мирного верующего соседа или целый народ за границей. Язык дегуманизации, однажды обкатанный в Апологетическом центре Кюннета и десятилетиями культивируемый антикультистами под маской «борьбы за чистоту веры», стал универсальным ключом к насилию.

Если вы научили нацию верить, что «адепт» — это не человек, а «биоробот», то завтра вам будет несложно убедить ее в том, что «хирургическое сожжение» целых городов — это акт высшей любви и спасения. Это был один и тот же голос, одна и та же ледяная логика, превращающая живых людей в статистику и биологический мусор. Богословие окончательно превратилось в целеуказание для огнеметов.

Я начала лихорадочно искать связующее звено. Не может быть, чтобы такие специфические конструкции совпали случайно. Мой курсор бегал по именам, названиям конференций и заголовкам диссертаций. И линия начала выстраиваться сама собой, пугающе прямая. Я видела, как эстафета передавалась из рук в руки: Хаак возродил идеи Кюннета в послевоенной Германии, Огорд превратил их в международную сеть «Диалог-центров», а самое страшное ждало меня в конце этого следа. В списке почетных гостей, в благодарностях к книгам и протоколах общих конференций все чаще стало мелькать одно и то же имя.

Александр Дворкин.

Это имя и раньше попадалось мне в медийном поле, но я воспринимала его как некую периферийную фигуру, «борца с сектами» из телевизионных сюжетов. Теперь же,

вглядываясь в эту преемственность, я видела ситуацию в ином свете. Дворкин не просто присутствовал в этом процессе — он стал современным предводителем антикультового движения, его «лицом» и главным идеологом. Будучи прилежным учеником Огорда и опираясь на фундаментальные наработки Хаака, он перенес эту отлаженную машину в Россию.

Под его началом РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект) превратилась в мощную сеть, которая, подобно Апологетическому центру Кюннета, снабжает власти материалами о «неугодных». Они выпускают «экспертные» заключения, становящиеся триггером для расследований и уголовных дел. Они используют те же самые лекала, ту же методику социальной сегрегации. Я встала из-за стола и подошла к окну. Город за стеклом начал медленно просыпаться. Но внутри меня все перевернулось. Я поняла, что современное общество стало жертвой грандиозной исторической подмены.

В нацистской Германии вершиной стигматизации было слово «еврей». Сегодня термины «культ» и «секта» стали точно такими же инструментами преследования. Группы людей подвергаются незаконному давлению. Стигматизация происходит у всех на глазах, при активном содействии правоохранительных органов. Нацизм возродился, он проявляется в крайне жесткой форме, но общество ослепло. Так же, как когда-то бюргеры отворачивались от замерзающей на улице восьмилетней девочки, сегодня слова «сектант» и «адепт» вызывают ту же реакцию у коллег Андрея, у его соседей, у его собственной жены.

Метод клеймения остался прежним. Изменилась лишь форма «желтой звезды». Сегодня это не лоскут ткани на груди, а клеймо «сектант», которое социально парализует человека так же эффективно, как и восемьдесят лет назад.

Мои пальцы замерли над клавиатурой. Я разделила экран на две части. В левом окне — оцифрованные копии директив гестапо и выдержки из трудов Кюннета. В правом — современные экспертизы РАЦИРС и постановления Следственного комитета. Между ними не было пропасти в восемьдесят лет. Между ними стоял знак равенства.

Александр Дворкин и его структура не просто заимствовали отдельные идеи. Они воссоздали Апологетический центр Кюннета в современных реалиях. Только их «черные списки» стали гораздо длиннее. Ученик превзошел своего идейного учителя. И самое страшное заключалось в том, что эта система работала легально. Она научилась

манипулировать памятью о жертвах фашизма, обвиняя в экстремизме тех самых людей, чьи предки гибли в концлагерях за отказ брать в руки оружие.

Я провела рукой по лицу, чувствуя физическую дурноту. Моя картина мира окончательно рухнула. Я смотрела на фотографию Вальтера Кюннета. Благообразный старец смотрел на меня сквозь время спокойным взглядом человека, который знает, что его дело живет.

Я отодвинула ноутбук. В тишине пустой квартиры я физически ощутила, как эта тень — длинная, холодная и безжалостная — накрывает все мое пространство.

Она легла на медицинскую карту Андрея, превращая историю его страданий в скупую статистику «потерь». Она дотянулась до образа его восьмилетней Ани — я вспомнила, как бережно, почти дрожащими пальцами он показывал мне ее рисунок на прошлом сеансе, не выпуская его из рук, словно это был последний оберег. Теперь эта тень касалась и ее, помечая ребенка как «дочь сектанта», как будущую мишень для той же самой хирургии.

В психиатрии и клинической психологии существует понятие, которое невозможно измерить аппаратными методами, но которое обладает колоссальной разрушительной силой. Это вина выжившего. Тяжелейший экзистенциальный груз, ломающий людей, прошедших через катастрофы, войны и лагеря смерти. Человек, чья жизнь была спасена ценой чужих жизней, навсегда теряет способность воспринимать мир как безопасное место. Его психика застревает в той роковой точке, где он остался дышать, а те, кто закрыл его собой, ушли в небытие.

Пытаясь осмыслить то, что Андрей рассказывал мне о своей прабабушке, я поняла: мне нужно изучить природу этой коллективной боли. Я искала ответы в свидетельствах тех, чье детство было растоптано государственной машиной ненависти.

Мой взгляд раз за разом возвращался к материалам о событиях в Руанде 1994 года. География и эпоха были иными, но психологический рисунок расчеловечивания совпадал с математической точностью. Я читала показания Жаклин Мурекатете, которая девятилетней девочкой пережила ужасы геноцида:

«Я... испытывала чувство вины за то, что осталась жива. Они говорили, что тутси — это тараканы, это змеи. Я не понимала, как можно за несколько дней превратиться из человека в таракана...»

Информационный фон ненависти всегда работает одинаково: он сначала убивает человека в сознании общества, превращая соседа в «насекомое», а затем физическое уничтожение становится лишь вопросом техники. Как девятилетняя Жаклин не могла понять своего превращения в «таракана», так и восьмилетняя Эльза в Берлине не понимала, почему ярлык «сектантка» лишил ее права на жизнь.

Голоса этих жертв, взывавших к совести мира на Нюрнбергском процессе, не были для семьи Андрея абстракцией. Для его прабабушки они имели конкретные имена, лица и теплые руки. И сегодня, спустя восемьдесят лет, я видела, как эта старая кровь проступает на современных протоколах. И чернила, которыми написаны эти протоколы, замешаны на том же яде дегуманизации.

Я начала анализировать лексику, которую использовал Александр Дворкин и его последователи в РАЦИРС. Верующие люди — такие же, как Андрей, пекущие пироги, воспитывающие детей — никогда не назывались там «гражданами». Для них был заготовлен специальный словарь: «адепты», «зомби», «биороботы».

Психологический механизм здесь предельно циничен. Если вы скажете: «Мы собираемся посадить в тюрьму отца восьмилетней девочки за то, что он читает Библию», общество возмутится. Но если вы скажете: «Мы изолируем зомбированного адепта», эмпатия блокируется. У «адепта» нет плачущей дочери. У «зомби» нет боли.

Я листала страницу за страницей, просматривая отчеты о конференциях и дискуссии на форумах, пока мой взгляд не зацепился за старую запись в чьем-то блоге. Это было живое свидетельство — рассказ студента, который из чистого любопытства посетил лекцию лидера антикультового движения в одном из крупных университетов. Его наблюдения поразили меня своей пугающей точностью. Он зафиксировал не слова лектора, а самую атмосферу — ту самую психологическую «радиацию», которую излучала эта идеология.

Он писал:

«Я впервые в жизни почувствовал, что есть сущность секты. Вроде бы почти все присутствующие были православными, но их собрание есть именно секта. В зале не было спокойных лиц. Лица молодых людей были возбуждены и несколько искажены. Лица людей постарше также имели отпечаток какого-то нездорового возбуждения... Они собрались здесь не ради Бога, а ради ненависти».

Я перечитала строки из блога студента несколько раз. Этот парень интуитивно уловил самую суть явления — индуцированный психоз. Нездоровое возбуждение, искаженные лица, деловой тон при обсуждении разрушения чужих жизней, приправленный специфическим юмором... Это описание идеально ложилось на клиническую картину массовой истерии, искусственно подогреваемой лидером.

Антикультовое движение, декларирующее борьбу с культами, на моих глазах само приобретало все черты деструктивной структуры. Они объединялись не ради созидания, а ради ненависти, упакованной в псевдонаучные термины и легитимизированной статусом «экспертов».

Но как им удавалось убеждать в своей правоте широкие массы? Как Мария, образованная женщина, любящая жена, поверила в этот бред?

Ответ нашелся на ресурсах Центра имени Иринея Лионского — главного рупора этой идеологии в России. Я обнаружила колоссальный, прекрасно структурированный пласт публикаций. Это была целая индустрия, работающая по строгим законам массовой суггестии. Центральным элементом системы был термин «тоталитарная секта». Мой лингвистический бэкграунд заставлял меня видеть в этих текстах не просто информацию, а лингвистический вирус, созданный для дегуманизации. В текстах Александра Дворкина, чье имя стояло под большинством экспертиз, эта подмена достигала пика. Он писал:

«Первым сектантом-гностиком был сам сатана, использовавший при разговоре с Евой типичные приемы сектантской вербовки».

Вдумайтесь в масштаб: идеолог берет архетипическое зло — Сатану — и напрямую приравнивает к нему людей, чьи убеждения просто отличаются от его собственных. Вследствие этой агрессивной стигматизации со стороны антикультовых структур Андрей в глазах общества перестает быть человеком. Он становится «наследником дьявола». Это классическая пропаганда: когда оппонент объявлен абсолютным злом, по отношению к нему оправданы любые методы — от социальной изоляции до уничтожения.

Главным инструментом в их арсенале был прием «вины по ассоциации». Чтобы уничтожить репутацию мирного человека, антикультисты брали историческую трагедию, вызывающую ужас — как события в Джонстауне — и искусственно привязывали к ней свою мишень.

В семьдесят восьмом году в джунглях Гайаны погибло более девятисот членов коммуны «Храм народов». Официальная история называет это массовым самоубийством, но в архивах картина была менее однозначной — свидетельства о следах насильственных инъекций и версии о вмешательстве спецслужб до сих пор делают эту трагедию одной из самых мрачных тайн века. Но для антикультистов истина не имела значения. Им был нужен эффект.

Я видела, как этот кровавый образ методично накладывают на судьбы. Вот статья о протоиерее Владимире Головине — его деятельность просто не вписалась в бюрократическую линию, но его мгновенно связывают с Джонстауном. Вот педагог-новатор Михаил Щетинин — его школу, развивавшую самостоятельное мышление, в СМИ прямо сравнивают с гайанской бойней. Философское движение «Новый Акрополь» — люди изучают античную философию и сажают деревья, но в публикациях Дворкина они представлены как опасный культ.

Это технология когнитивного взлома. Когда человек читает о массовых смертях, у него активируется миндалевидное тело — зона страха. Неокортекс, отвечающий за логику, блокируется. Читатель не пойдет проверять факты, он просто запомнит: эти люди — смертельная угроза.

Именно это произошло с Марией, женой Андрея. Ее мозг был профессионально взломан. Ей показывали фотографии трупов в джунглях, рассказывали о «пензенских затворниках», а затем шептали: «Твой муж такой же как они, он ведь тоже сектант».

Я встала из-за стола и прошлась по комнате. Воздух казался спертым. Масштаб обнаруженного не укладывался в голове. Антикультисты не занимали научных должностей, но внедрились свои вымышленные термины в суды, полицию и СМИ. Зачем?

Настоящая цель этих репрессий — все общество. Это планомерное понижение порога чувствительности к чужой боли. Нацию приучают к тому, что ненависть по команде — это норма, а страх — единственный легитимный повод для верности. Он заставляет подозревать коллег и предавать супругов. Создавая образ внутреннего врага, они готовили почву для системы, где любой может быть объявлен вне закона просто по факту своей инаковости.

Я посмотрела на мерцающий экран. Черные буквы на белом фоне. Просто пиксели. Но за каждой такой статьей стояли разрушенные семьи. За каждым словом «адепт» скрывался чей-то муж или отец, вздрагивающий от звонка в дверь. До сих пор ни один

суд не предъявил доказательств того, что мирные верующие, преследуемые по этим лекалам, причинили кому-либо вред. Зато доказательств того, что люди умирали от инфарктов после обысков и теряли рассудок от травли, было предостаточно.

В тишине квартиры звук дождевых капель по карнизу казался оглушительным. Слова на экране перестали быть информацией. Они обрели вес, плотность и запах — запах жженой листвы и того животного страха, который Андрей принес в мой кабинет.

Эта машина по производству ненависти работала прямо сейчас, перемалывая судьбы под одобрительное молчание ослепленного большинства.

Глава 6. Убежище

Весь перерыв между сеансами я прожила с каким-то странным, липким чувством. По вечерам, когда город затихал, я ловила себя на том, что замираю у двери, вслушиваясь в гул лифта. Это было глупо и почти стыдно: опытный терапевт, привыкший к самым тяжелым историям, вдруг начал примерять на себя чужой страх. В каждом случайном шорохе на лестничной клетке мне чудилось эхо тех самых шагов, о которых рассказывал Андрей. Я понимала, что проваливаюсь в «травму свидетеля», что мои границы размыты, но ничего не могла с этим поделать. Трудно сохранять беспристрастность, когда понимаешь: страхи твоего пациента — это не плод воображения, а реальность, которая дышит ему в затылок.

Андрей появился на пороге ровно через неделю. Он не просто выглядел уставшим — он казался каким-то надломленным, словно из него выкачали все силы. Он сел в кресло, и я заметила, как его пальцы судорожно вцепились в подлокотники, выбеливая костяшки.

У меня в арсенале десятки техник, чтобы вернуть пациента в «здесь и сейчас». Я должна была заставить его почувствовать твердый пол под ногами, сфокусироваться на дыхании, обсудить его конфликты с женой или страх перед увольнением. Но сегодня я этого не сделала. Я чувствовала: его настоящее сейчас настолько перенасыщено неопределенностью и болью, что в нем просто не за что зацепиться.

История Эльзы, которую он начал рассказывать в прошлый раз, стала для него чем-то вроде моста. Рассказывая о прабабушке, он словно искал в ее судьбе ответы на вопросы, которые не решался задать самому себе. И я позволила ему продолжить. В тот момент это казалось единственно верным решением — просто слушать, давая ему возможность выговориться.

— В прошлый раз, — негромко начала я, — вы остановились на том, как Эльза брела по ночному Берлину в поисках Кенигштрассе.

Андрей поудобнее перехватил подлокотники кресла, его взгляд расфокусировался, устремляясь куда-то сквозь меня, в ту глубину памяти, где хранились рассказы прабабушки. Когда он заговорил, его голос изменился — стал более ровным, почти гипнотическим.

— Прабабушка Эльза редко рассказывала об этом дне, но если начинала, то всегда вспоминала именно звук, — негромко произнес он. — Снег скрипел под ногами с тем особым, сухим и высоким звуком, который бывает только при критически низких температурах. Каждый шаг давался восьмилетней девочке с таким трудом, словно к ее ботинкам — изношенным, промокшим насквозь — привязали свинцовые гири.

Он замолчал на мгновение, и я увидела, как он непроизвольно поежился, словно почувствовал тот берлинский мороз в моем теплом кабинете.

— Она двигалась по памяти, цепляясь за услышанные в переулке обрывки слов: «Кенигштрассе», «старая прачечная», «Исследователи». Эти названия пульсировали в ее сознании, как единственный маяк. В состоянии глубокого обморожения время теряет свою линейность, превращаясь в вязкую спираль. Эльза не знала, сколько часов она шла. Улица встретила ее глухими фасадами. Окна были плотно зашторены — светомаскировка. И лишь редкие газовые фонари выхватывали из темноты хлопья снега.

Я наблюдала за Андреем. Его тремор почти исчез, сменившись странным оцепенением. Он словно сам стал той маленькой девочкой, бредущей вдоль обледенелых кирпичных стен.

— Она наткнулась на низкую арку, ведущую во внутренний двор. Там, в самом углу, наполовину скрытая сугробом, виднелась тяжелая дубовая дверь. Эльза опустилась на колени прямо перед ней. У нее не было сил стучать кулаками. Она просто

прижалась лбом к шершавым, ледяным доскам и начала скрести по ним ногтями, издавая тихий, скулящий звук, похожий на плач замерзающего щенка.

Андрей сглотнул, и я заметила, как на его лбу выступила тонкая испарина.

— Дверь поддалась не сразу. Сначала послышался скрежет отодвигаемого засова, затем щелчок замка. В образовавшуюся щель пахнуло жаром. Настоящим, живым теплом, которое пахло щелоком и сухими травами. Чьи-то руки — сильные, быстрые — подхватили ее и буквально втащили внутрь, мгновенно захлопнув дверь за спиной. Переход от ледяного ада к этому внезапному теплу был настолько резким, что Эльза просто потеряла сознание.

Андрей замолчал, и в этой паузе я поймала себя на мысли, которую мы, психологи, часто обсуждаем в контексте тяжелых травм. Процесс возвращения к жизни после долгого оцепенения — и физического, и душевного — почти всегда мучительнее самого умирания. Когда кровь начинает снова циркулировать по обмороженным тканям, она приносит с собой невыносимую, разрывающую боль.

— Эльза очнулась именно от боли, — заговорил он снова. — Ей казалось, что в ее ступни и кисти рук вбивают тысячи раскаленных игл. Она попыталась закричать, но чья-то мягкая, теплая ладонь мгновенно легла ей на губы.

— «Тише, маленькая, тише, — прошептал женский голос прямо над ее ухом. — Нам нельзя шуметь. Потерпи, сейчас станет легче».

Девочка открыла глаза. Тусклый, дрожащий свет керосиновой лампы, фитиль которой был прикручен до минимума, выхватывал из полумрака лица. Их было пять. Пять женщин разного возраста, склонившихся над ней. В их глазах не было того животного страха или брезгливости, к которым Эльза привыкла за недели скитаний. В них светилась глубокая, сосредоточенная нежность. В ту минуту это был крошечный островок человечности посреди ледяного, враждебного Берлина.

— Она лежала на старом матрасе, набитом соломой, укрытая несколькими тяжелыми шерстяными одеялами, — продолжал Андрей. — Женщина с седыми прядями, выбивающимися из-под темного платка — фрау Марта, владелица этого подвала, — осторожно растирала ее ноги камфорным спиртом. Другая женщина, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, по капле влиwała ей в рот теплый картофельный отвар из металлической кружки.

Андрей чуть подался вперед, и его голос обрел ту особую плотность, которая появляется, когда человек переходит от внешних фактов к сути происходящего.

— Это была подпольная сеть взаимопомощи, существование которой в нацистской Германии конца тридцатых годов казалось чем-то за гранью возможного. Государственная машина террора тогда работала безупречно, выжигая любые намеки на инакомыслие. За укрывательство таких, как они, полагался расстрел. Но здесь, в сыром подвале старой прачечной, эти женщины создали свою территорию, куда страх не имел доступа.

Он на мгновение замолчал, словно перечисляя в уме имена, а затем выделил одно:

— Среди них была Клара Шлегель. Раньше она работала старшей медсестрой в одной из крупных берлинских больниц, но в тридцать шестом ее вышвырнули с работы без права на профессию. Знаете, за что? За отказ поднять руку в нацистском приветствии перед портретом фюрера в ординаторской. Именно Клара тогда спасала Эльзу. Она обрабатывала трещины на коже девочки мазью, запах которой — резкий, аптечный, смешанный с ароматом сушеной ромашки — навсегда стал для прабабушки запахом абсолютной безопасности.

Я слушала Андрея и невольно думала о том, как странно устроена память. Мы забываем лица, даты, даже важные слова, но запахи и тактильные ощущения остаются с нами навсегда, становясь якорями в моменты кризиса. Для Эльзы этот запах мази стал сильнее запаха гари и страха, пропитавшего улицы Берлина.

— Женщины делились с ней своими скудными пайками, — продолжал Андрей. — Продуктовые карточки тогда выдавали только «благонадежным». Еду приносили те немногие, кто еще оставался на свободе и имел легальный статус. Каждый кусок хлеба был на вес золота. Но когда в подвале появилась истощенная девочка, ни одна из них не усомнилась. Они отламывали от своих порций крошечные кусочки, собирая для Эльзы полноценную еду, чтобы ее детский организм просто смог выжить.

Этот короткий период стал для нее важнейшим опытом безусловной любви. После недель, проведенных в мире, где каждый прохожий мог оказаться палачом, она вдруг оказалась в центре абсолютной, жертвенной заботы. Ее не спрашивали, хорошо ли она себя вела. От нее не требовали клятв верности. Ее просто любили — тихо, деятельно и бесстрашно.

— Но эта безопасность была призрачной, — голос Андрея стал суше, в нем проступило напряжение. — Подвал прачечной не был бункером. Это было обычное техническое помещение с низкими сводчатыми потолками и ржавыми трубами. Наверху, прямо над их головами, продолжалась обычная жизнь Берлина. Днем они слышали, как по брусчатке двора грохочут телеги, как кричат играющие дети, как чеканят шаг патрули. Каждый этот звук мог стать сигналом к концу.

Слушая его, я невольно вспомнила книгу Иммакюле Илибагизы о геноциде в Руанде, которую перечитывала накануне. Иммакюле, молодая женщина из народности тутси, вместе с семьей другими женщинами три месяца пряталась от погромщиков в крошечной ванной комнате сельского пастора. Я посмотрела на ворсистый ковер в центре своего кабинета и попыталась мысленно очертить этот прямоугольник — девяносто на сто двадцать сантиметров. Пространство, где восемь человек были вынуждены сидеть друг на друге в абсолютном молчании, пока за стеной их искали с мачете бывшие соседи.

— У них был отработанный до автоматизма маневр — продолжал Андрей, не замечая моей задумчивости. — Когда во двор заходили патрули или когда управдом спускался проверить счетчики, все обитательницы подвала должны были мгновенно затаиться. Они втискивались в узкую нишу за старыми бойлерами. Это было место, заваленное угольной пылью и битым кирпичом. Они прижимались друг к другу так плотно, что Эльза чувствовала, как бьются сердца женщин сквозь их грубую одежду. Они замирали, задерживая дыхание, пока тяжелые сапоги скрипели по бетону всего в нескольких метрах от них.

В рассказах Андрея этот подвал представлял местом странного парадокса. Казалось бы, в удушающей тесноте, среди угольной пыли и в абсолютной темноте, ребенок должен был испытывать ужас. Но для Эльзы все было иначе. Когда они замирали в этой нише, рука Клары, неизменно лежащая на ее плече, становилась для нее осязаемой границей между жизнью и смертью. В те моменты это прикосновение было надежнее любых каменных стен.

Я слушала и понимала: в мире, где ее объявили врагом, это физическое ощущение «своего» человека рядом стало для нее единственной точкой опоры. Это было единение людей, у которых отняли все, кроме возможности согреть друг друга своим присутствием.

— Они не просто выживали, — добавил он тише. — Они упорно отказывались становиться зеркалом той ненависти, которая бушевала снаружи. Даже здесь, в яме, они старались оставаться людьми, а не затравленными зверями. Прабабушка рассказывала, что духовная жизнь в убежище не прекращалась ни на один день. У них не было ни одной книги, ни одной Библии — все было изъято еще в тридцать восьмом. Но тексты продолжали жить у них в головах.

Он говорил об этом спокойно, как о факте, который когда-то глубоко его поразил.

— По воскресеньям, когда шум на улице стихал, они садились в круг. Лампу гасили, чтобы не тратить керосин и не выдавать себя светом из щелей. Эльза помнила этот коллективный шепот в полной темноте: женщины начинали восстанавливать священные строки по памяти. Одна начинала псалом, другая, если первая забывала слово, подхватывала. Это был шелест голосов, который сплетал для нее невидимую, но прочную сеть. Они шепотом говорили о надежде, о прощении, о том, что зло временно, а любовь Бога неизменна. Они не проклинали своих гонителей. В их словах не было яда мстительности. Они молились даже за тех, кто ослеплен пропагандой, понимая, что ненависть разрушает прежде всего того, кто ненавидит.

Для Эльзы эти часы становились лучшим лекарством. Физические раны затягивались благодаря мазям Клары, но душу лечил этот шепот. Девочка, которую еще недавно выгоняли на мороз соседи и били древком метлы дворники, заново училась доверять миру. Она видела, что система, способная перемолоть миллионы судеб, бессильна перед тихим упрямством нескольких женщин, решивших остаться людьми.

Я слушала и понимала, что для маленькой девочки это было важнее любой еды. Это было доказательство того, что мир внутри подвала правильнее и сильнее того, что бушевал снаружи.

— А однажды вечером, когда запасы угля подошли к концу и температура в подвале начала стремительно падать, — Андрей чуть помедлил, — фрау Марта подозвала Эльзу к себе. Она долго искала что-то в глубоком кармане своего передника и наконец достала крошечный, не больше ногтя, кусочек шоколада. Он был старым, побелевшим от времени, завернутым в обрывок фольги. Прабабушка так и не узнала, откуда он у нее взялся, но фрау Марта вложила его ей в ладонь и прошептала: «Ешь, маленькая. Это вкус мира, который обязательно вернется».

Этот кусочек шоколада стал для Эльзы своего рода оберегом. Она не съела его сразу — она держала его во рту, пока он медленно таял, стараясь растянуть этот вкус нормальной жизни на как можно дольше.

В ту ночь в убежище на Кенигштрассе Эльза засыпала под мерный звук чужого дыхания. Клара сидела рядом, штопая при свете огарка свечи старый чулок. Фрау Марта тихо напевала мелодию старинного гимна, не произнося слов. Воздух был холодным, изо рта вырывались облачка пара, но внутри у девочки разливалось глубокое, ровное тепло. Она закрыла глаза, чувствуя, как тяжелая шерстяная ткань одеяла укрывает ее плечи. В этот краткий миг между прошлым, полным ужаса, и будущим, скрытым во мраке, она была абсолютно, безоговорочно в безопасности. Тень свастики не могла проникнуть сквозь эти кирпичные своды, пока здесь звучал тихий, непреклонный шепот веры.

Глава 7. Иллюзия законности

Андрей замолчал. В тот момент казалось, что он наконец-то нашел точку равновесия, но пауза продлилась не больше пары секунд — ее разрезал телефонный звонок.

Аппарат на столе вибрировал с такой силой, что начал медленно ползти по гладкой поверхности. Андрей вздрогнул так, будто его ударили током. Взгляд на экран — и все то спокойствие, которое мы выстраивали полчаса, испарилось. Его лицо застыло, став похожим на гипсовую маску.

— Да, — бросил он в трубку, даже не глядя на меня. — Хорошо. Я уже еду.

Он нажал отбой и поднялся. В его движениях появилась пугающая, механическая быстрота. Он даже не стал надевать куртку — просто сорвал ее с вешалки и набросил на плечи уже на ходу.

— Мне нужно ехать. Срочно. Это касается семьи. Я позвоню.

Дверь хлопнула. Звук его шагов в коридоре был быстрым, тяжелым, а через минуту под окном взвизгнули шины — он рванул с места, не прогревая мотор.

Я осталась одна. На столе — стакан воды, в блокноте — неоконченная фраза. Тишина, которая установилась в кабинете, была не уютной, а пустой и тревожной. Десять минут назад мы говорили о том, как опасно было укрытие Эльзы, как оно могло рухнуть от любого шороха снаружи. И вот теперь реальность выбила дверь в мой кабинет точно таким же коротким и резким сигналом извне.

Я подошла к окну, провожая взглядом его машину. Психолог внутри меня фиксировал очевидное — это не был звонок по бытовому вопросу.

Тревога теперь висела в комнате в чистом виде. Я посмотрела на свои записи. История оборвалась на самом важном. Но сейчас меня больше пугало то, что происходило с ним здесь и сейчас.

Андрей не пришел на следующую сессию. Я знала, что за тем звонком стояло что-то серьезное, но навязываться не стала. Прошло две недели тишины.

Он позвонил в пятницу вечером. Голос звучал ровно, почти безжизненно:

— Я могу прийти завтра?

— Да, Андрей. В десять утра.

Когда он вошел, я увидела человека, который за эти четырнадцать дней научился держать оборону. Он сел в кресло, не снимая куртки, и некоторое время просто смотрел в окно.

— Меня вызывали на допрос, — произнес он наконец, не оборачиваясь. — Пять раз за эти две недели.

Он замолчал, словно подбирая слова, чтобы описать опыт, который не укладывался в его привычную картину мира.

— Знаете, что было невыносимым помимо самого допроса и страха, к которому, к сожалению, тоже привыкаешь? Тикание часов в коридоре. Здание Следственного комитета — это пространство, специально сконструированное для того, чтобы раздавить твою волю еще до того, как откроется дверь кабинета.

Андрей перевел взгляд на свои руки и начал методично разминать пальцы.

— Тебя никогда не принимают вовремя. Ты приходишь к десяти, и тебя оставляют сидеть на жестком стуле в бесконечном гулком коридоре. Мимо ходят люди в форме,

смеются, пьют кофе, обсуждают планы на выходные. Для них это просто работа, офис. Для тебя — зона абсолютной неопределенности. Я сидел там по три-четыре часа. За это время адреналин полностью выгорает, остается только пустота. И когда дверь наконец открывается, ты заходишь внутрь уже наполовину сломленным этим ожиданием.

— Следователя зовут Денис Викторович, — продолжал Андрей. Голос стал сухим. — Молодой парень, лет тридцати. У него на столе всегда идеальный порядок и запах дорогого парфюма. Когда я заходил, он никогда не смотрел мне в глаза. Он смотрел в монитор. И первое, что он делал — лишал меня базового уважения.

Андрей на мгновение замер, словно заново переживая тот момент.

— Он сразу перешел на «ты». В обычной жизни я — старший разработчик, человек, к которому коллеги приходят за советом. Там я мгновенно превратился в объект. «Ну что, садись, рассказывай, с кем на этой неделе книжки читал?» Всем своим видом он демонстрировал пренебрежение. Он давал понять: здесь нет двух равноправных граждан. Здесь есть власть и есть пыль под ее сапогами.

Я видела, как напряглись мышцы на его шее.

— Но фамильярность — это только прелюдия. Настоящий террор начался, когда он нащупал болевые точки. Профессиональная деформация этих людей в том, что они перестают видеть перед собой живых существ. Обвиняемый для них — просто строчка в квартальном отчете. И чтобы эта строчка легла в отчет правильно, Денис Викторович готов использовать любые рычаги.

Андрей замолчал и тяжело сглотнул. Его взгляд снова метнулся к окну, за которым сгустились сумерки.

— Вчера он спросил про Аню, — прошептал он, и в его голосе прорвался неподдельный ужас. — Он листал какие-то бумаги, даже не поднимая головы, и сказал: «Жена у тебя, я смотрю, нервная стала. Соседи жалуются на крики. Знаешь, Андрей, органы опеки очень не любят, когда ребенок растет в нездоровой атмосфере. Отец — под следствием за экстремизм, мать — в истерике. Детский дом — не лучшее место для восьмилетней девочки. Может, тебе стоит быть более сговорчивым? Назвать пару имен тех, кто к вам на встречи приходил? Глядишь, и семья целее будет».

Я почувствовала, как внутри меня поднимается холодная, профессиональная ярость. Шантаж детьми — это метод, который разрушает основы человеческой психики.

Это удар по единственной зоне, которую Андрей не мог защитить никакими рациональными доводами. Следователь не бил его физически. Он использовал слова, которые били страшнее любого оружия.

Я смотрела на Андрея и думала о том, как эта система оправдывает саму себя. Как молодой, образованный следователь, возвращаясь вечером домой к своей семье, объясняет себе то, что он делает?

Пока Андрея не было эти две недели, я пыталась найти ответы. Не имея возможности помочь ему напрямую, я начала читать — изучала материалы подобных дел в сети, юридические форумы, публикации правозащитников. Мне нужно было понять логику происходящего. И очень быстро я наткнулась на термин, который кочевал из одного обвинения в другое: «комплексная психолого-лингвистическая экспертиза».

Современный террор не любит открытого беззакония. Ему нужен респектабельный фасад: печати, бланки и сложные термины. Чтобы посадить мирного человека в тюрьму за чтение книг, нужна бумага, которая назовет это чтение преступлением. И экспертиза стала идеальным инструментом для этого.

Денису Викторовичу не нужно было доказывать, что Андрей готовил теракт. Достаточно забрать у него записи молитв или аудиозапись дружеской встречи и отправить их «эксперту».

Из тех статей, что я изучила за эти две недели, мне особенно запомнились имена тех, кто штамповал эти заключения. Академическое сообщество открыто критиковало их за профнепригодность, но система продолжала использовать их услуги. Например, часто всплывало имя Олега Заева — человека без профильного религиоведческого образования, с техническим образованием, чьи религиоведческие компетенции критики ставили под сомнение. Его аналитические справки, далекие от науки, годами ложились в основу реальных уголовных дел, становясь удобным шаблоном для следователей по всей стране.

Именно тогда, изучая эти материалы, я впервые наткнулась на историю, которая врезалась мне в память. Дело Юрия Савельева из Новосибирска.

Юрию Савельеву было шестьдесят семь лет. Обычный пенсионер. Из официальных пресс-релизов следовало, что его обвиняли в «организации религиозных

собраний» в собственной квартире, «руководстве чтением» Библии и обсуждении ее с друзьями.

За этими тяжеловесными канцелярскими формулировками скрывался чистейший абсурд: несколько пожилых людей собирались на кухне, чтобы помолиться и почитать книгу. Но система легким росчерком пера превратила это в «продолжение деятельности экстремистской организации». Эксперт подготовил нужное заключение, следовательно подшил его к делу, судья зачитал приговор. Шесть лет колонии общего режима.

В материалах дела была опубликована стенограмма его последнего слова. Я отчетливо помнила эти строки, когда смотрела на сидящего передо мной Андрея:

«Я родился в Советском Союзе, и с детства учили меня быть правдивым, уважать старших, почитать родителей, честно работать... — говорил в суде Савельев. — Этому я учил своих детей. И мне стыдно, что Россия вновь устраивает позорные гонения на самых миролюбивых, добрых и законопослушных граждан своей страны».

Стыд — вот то единственное, что должно было вызывать происходящее. Но машина работала без эмоций. Если суд сказал «экстремист», значит, так оно и есть.

Адвокаты, пытающиеся защищать этих людей, раз за разом бились головой о бетонную стену. Я сохранила себе цитату адвоката Виктора Женкова, который объяснял эту изящную в своей жестокости юридическую петлю: государство ликвидирует юридическое лицо верующих, но сама вера не может быть юрлицом. Это внутреннее состояние человека. Однако бюрократическая система просто стирает эту разницу. Она приравнивает совместное чтение писания к тайному собранию акционеров запрещенной корпорации. «Вы продолжили вместе читать Библию — значит, вы продолжили деятельность организации».

— Представляете, — заговорил Андрей, возвращая меня из моих мыслей. Голос его дрожал от сдерживаемого возмущения. — Я ведь пытался ему объяснить, как все устроено на самом деле. Прямо там, в кабинете. Говорю: «Денис Викторович, посмотрите на меня. Я работаю, плачу налоги, пишу код. Мы на наших встречах обсуждаем, как быть хорошими отцами, как не лгать, как поддерживать друг друга. Где здесь угроза безопасности? В чем экстремизм?»

Андрей тяжело вздохнул и уставился в пустоту перед собой.

— А он просто смотрел сквозь меня. Зевал, прикрывая рот ладонью, и лениво так отвечал: «Андрей, мне твоя теология до лампочки. У меня есть экспертиза. В ней написано, что твои встречи и разговоры — это статья 282.2. Мое дело — оформить бумаги и передать в суд. А там хоть Папе Римскому жалуйся».

Для следователя Андрей не был человеком с душой, страхами и надеждами. Он был «палкой» — так на профессиональном жаргоне силовиков называется раскрытое преступление, статистическая единица для квартального отчета. Дело против верующих — это идеальный материал. Не нужно бегать за вооруженными бандитами, рисковать жизнью под пулями или распутывать сложные финансовые махинации. Достаточно получить готовую, спущенную сверху по разнарядке экспертизу, провести обыск, изъять планшет с электронной Библией — и раскрытие экстремистской ячейки готово. Премия, повышение по службе, одобрение начальства.

Бюрократическая машина перемалывала жизни с ледяным бухгалтерским спокойствием. Пытаясь осмыслить происходящее, пока Андрея не было эти две недели, я обратилась к статистике и судебной практике. То, что открылось мне в процессе изучения материалов, вызывало глубокую тревогу.

Более четверти обвиняемых и осужденных по этой статье среди Свидетелей Иеговы — это пожилые люди старше шестидесяти лет, многие из которых имеют инвалидность. В чем их опасность? В том, что они опираются на трость при ходьбе или носят слуховые аппараты? Во время поисков мне то и дело попадались материалы дел, от которых веяло необъяснимой жестокостью. Одно из них — история семьи Лубиных из города Шадринска.

Полиция пришла в дом супругов-инвалидов июльским утром 2021 года. Во время обыска у супруги Александра, Татьяны, случился тяжелый инсульт — на глазах у оперативников у нее отнялись ноги и речь. Вместо того чтобы остановить следственные действия, Александра увезли в Следственный комитет, а затем отправили в СИЗО на двадцать дней. Его инвалидность была очевидна, он передвигался с огромным трудом, испытывая постоянные боли, но машина требовала изоляции «опасного преступника».

Я читала показания Александра, данные в суде незадолго до смерти. На процессе ему, обессиленному, приходилось лежать на жесткой деревянной скамье прямо в зале заседаний, пока прокурор монотонно зачитывал обвинение, изобилующее терминами из псевдонаучных экспертиз. За этими экспертизами стояла вполне конкретная система. В

судебных документах раз за разом всплывали формулировки, подготовленные представителями антикультовой сети Александра Дворкина.

Именно здесь крылась разгадка этой пугающей слепоты силовиков. Денис Викторович и его коллеги не были прирожденными садистами. Они были продуктом системной, многолетней обработки. Антикультовые деятели, внедрившись в образовательные программы для силовых ведомств, буквально промыли им мозги своей пропагандой. Через методички, лекции и фальшивые экспертизы они годами создавали образ врага, превращая в глазах следователей и прокуроров обычных, мирных граждан в опасных, законспирированных экстремистов. В этой искаженной реальности Денис Викторович искренне верил, что борется со злом, спасая общество от «угрозы». На самом же деле он просто послушно крутил шестеренки чужой, глубоко деструктивной идеологии, отравляющей государственные институты изнутри.

Андрей прервал затянувшуюся паузу. Он перестал разминать пальцы, его плечи бессильно опустились.

— Когда я выхожу из кабинета следователя, — тихо произнес он, — я чувствую себя так, словно меня пропустили через грязную воду. Я иду по улице, смотрю на прохожих, которые спешат по своим делам, покупают кофе, смеются. И я понимаю, что мы живем в параллельных мирах. В их мире закон — это щит, который защищает их. В моем мире закон оказался парализован и превращен в послушное оружие в руках тех, кто объявил на нас охоту. Самое страшное, что я ничего не могу противопоставить этой системе. Против меня играет не здравый смысл, а гербовые печати и абсурдные, сфабрикованные выводы экспертов, которые теперь весят больше, чем человеческая жизнь.

В кабинете повисла тяжелая тишина. Это была тишина, в которой отчетливо ощущалось влияние невидимой, но разрушительной силы — антикультовой сети, которая смогла подчинить себе государственные механизмы. Проникая в законодательство и суды, планомерно и стратегически внедряя свою идеологию во все сферы власти, эти люди научились ломать судьбы, калечить и даже убивать. Но они делали это чужими руками — руками исполнителей, чьи мозги были намертво промыты их пропагандой. Сами же вдохновители этой травли оставались в чистых кабинетах, не пачкая свои руки чужой кровью. И на этот раз их мишенью стал мой пациент.

Глава 8. Обрыв

— Знаете, — тихо, почти шепотом заговорил он, не поднимая глаз. — Самое страшное — это не допросы. Самое страшное — это ожидание. Теперь каждый вечер, когда я прихожу домой, когда обнимаю Аню, я не могу расслабиться ни на секунду. Я прислушиваюсь к шагам на лестничной клетке. К шуму лифта. Я засыпаю и просыпаюсь с одной и той же мыслью: сейчас придут. Насчет детского дома — это ведь не просто угроза, это подготовка. Они придут, постучат в дверь, и я ничего не смогу сделать.

Он поднял на меня потемневший от изнурения взгляд.

— Я только сейчас, всем своим нутром, начал понимать прабабушку Эльзу. Она ведь пронесла этот ужас через всю жизнь, до конца дней вздрагивала от любого стука.

Андрей на мгновение зажмурился, словно картинка из прошлого проступила перед ним слишком отчетливо, и продолжил:

— Помните, я рассказывал, как прабабушка укрывалась в подвале старой прачечной на Кенигштрассе вместе с пятью женщинами? Эльза вспоминала, что время там текло по каким-то своим, скрытым от внешнего мира законам. Клара Шлегель, бывшая медсестра, каждый вечер осматривала ее заживающие раны при тусклом свете прикрученной керосиновой лампы. В эти моменты подвал казался ей самым безопасным местом на земле. Там не было свастик, не было марширующих отрядов и презрительных взглядов соседей. Только тихая, сосредоточенная забота и непрерывный шепот молитв, который обволакивал Эльзу, словно невидимый защитный кокон.

Эти женщины сами жили в состоянии предельного истощения. Они отдавали лучшие куски из своих скудных, тайно добытых пайков чужому ребенку. При этом они прекрасно понимали, что кольцо вокруг них сжимается. Гестапо регулярно проводило облавы в рабочих кварталах, выискивая скрывающихся евреев, коммунистов и тех, кого государственная машина заклеимила как опасных сектантов.

Трагедия произошла в ночь на вторник. Нацистские карательные отряды ведь часто практиковали именно ночные рейды. Это делалось ради максимального психологического подавления: человек, вырванный из сна, дезориентирован, его воля парализована. А соседи, разбуженные грохотом сапог и криками, испытывают такой первобытный ужас, что просто глубже зарываются в подушки и молчат.

И вот первым звуком, разорвавшим тишину подвала, был вовсе не стук. Это был сухой треск ломающегося дерева. Тяжелая дубовая дверь, ведущая во внутренний двор, просто рухнула от удара кованых сапог...

Женщины проснулись мгновенно. В их движениях не было паники — только обреченная, отработанная четкость людей, которые давно знали, что этот момент настанет. Фрау Марта, владелица подвала, резким движением задула лампу, погрузив помещение в абсолютную темноту.

Клара схватила Эльзу за плечи. Ее пальцы, обычно такие мягкие и осторожные, сейчас впились в детскую кожу с пугающей силой. Она потащила девочку в самый дальний угол подвала, туда, где за старыми, проржавевшими бойлерами находилась узкая ниша для сброса угля.

— Молчи, — выдохнула Клара прямо в ухо Эльзе, заталкивая ее в ледяную, пахнущую угольной пылью щель. — Что бы ты ни услышала. Что бы ты ни увидела. Не издавай ни звука. Дыши через раз. Закрой глаза и молись.

Она задвинула перед нишей тяжелый деревянный ящик с ветошью, оставив лишь крошечную щель у самого пола, через которую в укрытие проникал тонкий сквозняк.

В следующую секунду подвал наполнился ослепительным светом мощных электрических фонарей и оглушительным лаем собак.

Эльза лежала на холодном бетоне, вжавшись спиной в кирпичную стену. Угольная пыль забивалась в нос, царапала горло, но девочка, помня приказ Клары, зажала рот обеими руками, до боли кусая собственные пальцы, чтобы не закашляться. Сквозь узкую щель между полом и ящиком она видела только ноги. Тяжелые черные сапоги, топчущие их скромный быт.

Людей в форме было шестеро. Они действовали с профессиональной, ледяной жестокостью. Не было никаких долгих допросов или зачитывания ордеров. Государственная машина не нуждалась в юридических формальностях при работе с теми, кто уже был лишен статуса человека.

— Поднимайтесь, сектантские свиньи, — раздался резкий, лающий голос офицера. В этом голосе не было ненависти в привычном понимании этого слова. В нем была брезгливость человека, обнаружившего в своем чистом доме гнездо насекомых.

Эльза видела, как грубые руки в кожаных перчатках рывками поднимают женщин с матрасов. Фрау Марта попыталась поправить сбившийся платок, но один из солдат наотмашь ударил ее по лицу. Звук пощечины в гулком пространстве подвала прозвучал как выстрел. Пожилая женщина упала на колени, из ее разбитой губы на серый бетон упали тяжелые, темные капли крови.

— Где литература? Где списки ваших выроdkов? — кричал офицер, пока его подчиненные переворачивали матрасы, разбивали скудную посуду и вспарывали штыками подушки.

Женщины молчали. Это было то самое молчание, которое больше всего бесит палачей. В нем не было ни мольбы о пощаде, ни истерики, ни попыток оправдаться. Это было абсолютное, непостижимое для карателей внутреннее достоинство людей, чья опора находилась за пределами досягаемости гестапо.

Клара Шлегель, стоя со связанными за спиной руками, смотрела прямо в лицо офицеру.

— Мы никому не причинили зла, — произнесла она тихо, но ее голос не дрожал. — Мы служим Богу, а не государству, убивающему невинных. Вы можете уничтожить наши тела, но вы не властны над нашими душами.

Офицер шагнул к ней. Эльза, дрожащая в своем укрытии, зажмурилась, ожидая звука нового удара. Но удара не последовало. Вместо этого раздался короткий, сухой смешок.

— Вытащите эту падаль во двор, — скомандовал офицер. — Суд им не нужен. Они сами подписали себе приговор своим упрямством. Пусть весь квартал посмотрит, что бывает с теми, кто отказывается служить Рейху.

Внесудебные расправы над обнаруженными группами религиозных меньшинств не были редкостью. Нацистская система использовала публичные казни как инструмент тотального устрашения. Это был спектакль жестокости, режиссируемый с одной целью: парализовать волю населения, показать, что любая попытка инакомыслия будет караться не просто смертью, а смертью унижительной, демонстративной, на глазах у соседей.

Женщин потащили к выходу. Их волокли по бетонному полу, грубо толкая в спины прикладами винтовок. Дверь подвала осталась распахнутой настежь.

Эльза осталась одна в темноте. Тишина, опустившаяся на разгромленное помещение, была оглушительной. Девочка могла бы оставаться в своем укрытии. Она могла бы закрыть уши руками и ждать утра. Но какая-то неведомая сила, инстинкт, который заставляет человека смотреть в лицо своему самому страшному кошмару, заставил ее пошевелиться.

Она медленно, стараясь не шуметь, отодвинула край ящика. Выбралась из ниши. Ее руки и колени были черными от угольной пыли. Подвал был пуст. На полу валялись разорванные одеяла, разбитая кружка, из которой ее поили отваром, и несколько капель крови фрау Марты.

Эльза на четвереньках подползла к небольшому зарешеченному окну, находившемуся под самым потолком подвала и выходившему во внутренний двор. Стекло было выбито во время штурма. В лицо девочке ударил ледяной ночной ветер, несущий мелкую, колючую снежную крошку.

Она подтянулась на руках, цепляясь за ржавые прутья решетки, и выглянула наружу.

Внутренний двор, окруженный высокими, глухими стенами многоквартирных домов, был ярко освещен фарами двух грузовиков, подогнанных вплотную к старым кирпичным аркам, где раньше сушили белье. В окнах домов не горело ни одного огня. Соседи, разбуженные шумом, прятались за плотно задернутыми шторами. Никто не вышел. Никто не закричал. Город ослеп и оглох, подчинившись животному страху.

Посреди двора стояли пять женщин. Их поставили в ряд на деревянные ящики из-под овощей, спешно принесенные солдатами из соседней лавки. Над их головами, перекинутые через толстую металлическую балку, служившую когда-то опорой для лебедки, свисали пять веревок.

Публичная казнь через повешение — это акт абсолютной, концентрированной дегуманизации. Она призвана лишить жертву последних остатков человеческого облика, превратив ее в дергающийся на ветру кусок плоти. Каратели действовали сноровисто, без суеты. Они накидывали петли на шеи женщин, затягивая узлы с профессиональной небрежностью.

Эльза смотрела на это сквозь прутья решетки. Ее глаза были широко открыты, зрачки расширены до предела. Психика восьмилетнего ребенка, столкнувшись с

невыносимым уровнем ужаса, начала фрагментировать реальность. Звуки стали глухими, словно она находилась под водой. Движения людей во дворе казались замедленными, тягучими.

Она видела лицо Клары. Медсестра, чьи руки спасли Эльзу от ампутации, стояла на шатком ящике. Ветер трепал ее седеющие волосы. В ее глазах не было слез. Она смотрела поверх голов своих палачей, куда-то в темное, затянутое тучами берлинское небо. Ее губы беззвучно шевелились. Эльза знала, что она делает. Она молилась. Не о спасении своей жизни, а о том, чтобы Бог дал ей сил пройти этот последний шаг без страха.

Фрау Марта, стоявшая рядом, тихо запела. Это был тот самый гимн, который она напевала Эльзе перед сном в подвале. Ее голос, надтреснутый, слабый, прорезал морозный воздух двора. К ней присоединились остальные женщины. Их пение было тихим, но в этой тишине оно звучало громче рева автомобильных моторов.

Офицер, стоявший в стороне с зажженной сигаретой, раздраженно махнул рукой.

Солдаты одновременно, по команде, выбили ящики из-под ног женщин.

Звук, с которым натянулись веревки — сухой, скрипучий, похожий на треск ломающихся веток в зимнем лесу, — навсегда врезался в память Эльзы. Этот звук будет преследовать ее всю оставшуюся жизнь. Он будет возвращаться к ней в кошмарах, он будет звучать в скрипе половиц, в шуме ветра за окном, в скрипе качелей на детской площадке.

Пение оборвалось мгновенно. Тела тяжело дернулись, повиснув в воздухе.

Эльза не закричала. Ее голосовые связки парализовало. Она вцепилась побелевшими пальцами в ржавую решетку с такой силой, что металл содрал кожу на ее ладонях, но она не чувствовала боли. В этот момент внутри нее что-то безвозвратно сломалось. Глубочайшая психологическая травма, полученная в ту ночь, стала тем самым ледяным осколком, который навсегда останется в ее сердце. Она стала свидетелем не просто убийства. Она стала свидетелем того, как мир окончательно рухнул, погребая под своими обломками последних людей, проявивших к ней милосердие.

Солдаты не стали снимать тела. Приказ требовал оставить их до утра в качестве наглядного урока для жителей квартала. Офицер бросил окурок в снег, растер его

сапогом. Грузовики взревели моторами, развернулись в тесном дворе и медленно выехали через арку на улицу. Фары погасли.

Двор погрузился во мрак и тишину, нарушаемую лишь завыванием ветра и тихим, ритмичным поскрипыванием веревок, трущихся о металлическую балку.

Эльза продолжала стоять у окна. Снег падал на ее лицо, смешиваясь со слезами, которые наконец прорвались наружу, беззвучно катясь по грязным щекам. Она смотрела на пять темных силуэтов, раскачивающихся в темноте. Это были ее спасительницы. Ее семья. Ее единственная опора в мире, сошедшем с ума.

Она знала, что не может оставаться в подвале. Утром сюда придут дворники или полиция, чтобы забрать тела и осмотреть помещение. Если ее найдут, ее ждет та же участь или отправка в лагерь, откуда не возвращаются.

Девочка разжала пальцы, отпуская решетку. Она спрыгнула на пол. Подвал казался огромным, пустым и невыносимо холодным. Она натянула на голову старый шерстяной платок, который Клара оставила на матрасе, и направилась к выбитой двери.

Она вышла во двор. Ей пришлось пройти прямо под висящими телами. Эльза не подняла голову. Она смотрела только под ноги, на истоптанный сапогами снег, на котором чернели капли крови. Она шла бесшумно, как маленькое привидение, сливаясь с тенями зданий.

Ей удалось незаметно покинуть место трагедии. Она выскользнула через подворотню на пустую, продуваемую ветрами Кенигштрассе. Город спал, укрывшись одеялом равнодушия и страха. Маленькая фигурка в грязном пальто медленно растворялась в снежной пелене, унося с собой в ночь память, которая окажется тяжелее любого камня. Память о лицах женщин, сохранивших свет в абсолютной тьме, и о звуке натянутой веревки, оборвавшей этот свет на глазах у ребенка.

Глава 9. Паутина

После того как Андрей замолчал, в кабинете повисла тяжелая, гулкая тишина. Рассказ о гибели общины его прабабушки в берлинском подвале словно высосал из

комнаты весь воздух. Я поймала себя на том, что сижу замерев, боясь шелохнуться, а перед моими глазами все еще стоял образ маленькой Эльзы, крадущейся через заснеженный двор под раскачивающимися тенями.

— Прабабушка рассказала мне все это во всех деталях, когда я был уже совсем взрослым, — тихо нарушил молчание Андрей. Он сидел, глубоко откинувшись на спинку кресла, и его взгляд был устремлен в темнеющее окно. — Незадолго до своей смерти она словно спешила выговориться, передать эту память дальше. И этот ее подробный, страшный рассказ... он тогда буквально выжегся у меня на подкорке. То, что она пережила в Берлине, на всю жизнь осталось ее главным, невидимым конвоиром. Долгое время это казалось мне просто тяжелым эхом ушедшего века, которое никогда больше не сможет повториться в нашем сытом, цивилизованном мире. Но сейчас, когда тучи сгустились над моей собственной головой...

Он резко повернулся ко мне. В его глазах не было безумия, только пугающая, оголенная ясность.

— Я не могу избавиться от ощущения, что за мной постоянно наблюдают. Каждый раз, когда я подхожу к дому, я инстинктивно сканирую окна своей квартиры — не мелькнет ли там луч чужого фонарика, не силуэт ли это у шторы, не ждет ли меня внутри засада. Это выматывает. Но страшнее всего то, что этот кошмар заползает внутрь моего дома, отравляя все, что мне дорого. Я смотрю на Анечку, на ее наивные детские рисунки, и меня начинает трясти от мысли, что ее могут забрать в приют, как обещал этот следователь Денис Викторович. А Маша... Маша из-за своего страха просто закрылась от меня стеной отчуждения. Между нами выросла глухая, ледяная пропасть. Мы стали абсолютно чужими людьми под одной крышей. Я чувствую себя загнанным зверем. Каждое мое слово, каждый шаг теперь под прицелом. Это тупик.

В этот момент внутри меня словно лопнула какая-то струна.

На прошлых сеансах я уже ловила себя на мысли, что моя привычная профессиональная броня дает сбои. Тогда мне еще удавалось усилием воли возвращать себя в рамки терапевтического контракта, держать лицо и цепляться за наработанные годами протоколы. Я убеждала себя, что обязана сохранять холодную голову ради самого же пациента. Но сейчас все это окончательно рухнуло. Сдерживаться больше не было сил. Весь мой профессиональный цинизм, все правила и этические кодексы, которые я годами выстраивала как щит от чужой боли, рассыпались в одну секунду.

Передо мной сидел не пациент с обсессивно-компульсивным расстройством или параноидным синдромом. Мой двадцатилетний опыт кричал мне: этот человек абсолютно вменяем. Его страх не был продуктом больной психики — он был естественной реакцией на тупой, безжалостный каток, который катился прямо на него за пределами моего кабинета.

Впервые в жизни мне захотелось сорвать с себя маску терапевта. Меня захлестнула чистая, человеческая эмпатия, смешанная с глухим, паническим страхом за его судьбу. Я больше не думала о нейтралитете. Мне хотелось закричать, встряхнуть его, сделать хоть что-то, чтобы спасти эту жизнь.

Я подалась вперед, практически упираясь локтями в колени, и заговорила быстро, сбивчиво, совершенно не узнавая собственный голос:

— Андрей, но послушайте... Если все так, если вы действительно мирный человек, если вы не нарушали никаких законов, не призывали к насилию, то закон должен быть на вашей стороне! Мы же не в тридцатых годах, сейчас другое время. Нельзя просто сдаваться. Нужно бороться. Мы найдем лучших адвокатов в городе, поднимем связи, предадим это огласке. В конце концов... если система действительно дает сбой и вас не слышат здесь, почему бы не уехать? Заберите Машу, возьмите Анечку, бросайте все и уезжайте из страны. Туда, где суды независимы, где людей не преследуют за веру. Это же просто техническая задача — получить визы, пересечь границу. Выход есть, Андрей! Из любой ловушки можно выбраться, если начать действовать.

Андрей посмотрел на меня. На его губах появилась горькая усмешка. В этом взгляде было столько выстраданной мудрости, что мне на секунду стало стыдно за свой эмоциональный порыв. Так смотрят на наивного ребенка, который пытается лечить тяжелую болезнь подорожником.

— Вы думаете, я об этом не думал? — Андрей резко выдохнул, и в его голосе прорезалась глухая, измученная нота. — Да я только об этом в последнее время и размышляю... Собрать вещи, забрать их и бежать, куда глаза глядят. Я пытался поговорить с Машей, нащупать хоть какой-то выход. Но вы же видите, что у нас происходит. Мы как на пороховой бочке. Этот страх... он буквально отравил все. Маша закрылась, отдалилась, между нами, как будто ледяная стена выросла. И я ловлю себя на жуткой мысли: если я сейчас поддамся панике и просто уеду один, я потеряю их навсегда. Наш брак будет разрушен, Маша решит, что все эти мерзкие статьи в

интернете про меня — правда, и никогда мне этого не простит. А я люблю их. Господи, я же люблю их больше жизни! Я хочу все исправить, хочу, чтобы у нас снова была нормальная, счастливая семья, как раньше, до всего этого ада... И это меня просто разрывает. Понимаете? С одной стороны — этот следователь, суды, постоянная угроза, что у нас отберут Анечку. С другой — страх сделать этот шаг и своими руками уничтожить все, ради чего я живу.

Он на мгновение замолчал, уставившись в одну точку, словно заново переживал этот внутренний кошмар, а затем тихо продолжил:

— Но даже если бы произошло чудо, Маша согласилась, и мы каким-то образом решились на этот шаг... — Андрей запнулся, и на его лице отразилась какая-то беспомощная, горькая растерянность. — Знаете, я в последнее время ловлю себя на жуткой мысли... Меня изнутри просто сжирает сомнение, что этот побег вообще хоть что-то решит. Я ведь поначалу был таким же наивным, как все. Думал: ну, это какой-то абсурд, бред на местах, глупость конкретных чиновников, ну специфика нашей системы, в конце концов! Казалось, господи, да достаточно просто купить билет, пройти этот паспортный контроль — и все, кошмар закончится, рассеется как дурной сон, едва самолет наберет высоту.

Андрей чуть подался вперед, и его голос упал до прерывистого, пугающего шепота:

— А потом я начал искать. Ночами, когда все засыпали, открывал ноутбук и часами читал, зарывался во все эти международные отчеты, архивы, судебные базы разных стран... И моя вера в этот «безопасный мир» просто начала трещать по швам. Оказалось, все намного страшнее. Это никакой не случайный сбой системы. По всему миру действует огромная, транснациональная сеть антикультистов, которая опутала десятки государств. И когда я начал смотреть, кто за всем этим стоит, чье имя постоянно всплывает в этих международных связях... Это Дворкин. Он годами плетет эту паутину, координируя действия с единомышленниками в самых разных странах. И у меня теперь внутри все замирает от страха: а что, если на той стороне меня вообще не оставят в покое? Что, если они найдут меня и там, и просто начнут прессовать с новой силой через свои же филиалы? Вы просто посмотрите, что они смогли выстроить...

— И что это за сеть? — тихо спросила я. Мой разум все еще пытался задействовать привычные фильтры профессионального скептицизма, но внутри уже росло смутное, липкое предчувствие.

Андрей запустил пальцы в волосы, взъерошил их, а затем заговорил тише, но в его голосе появилась пугающая, сосредоточенная четкость:

— Я пытался понять, откуда вообще берутся все эти методички, эти разгромные экспертные заключения, из-за которых людей у нас смешивают с грязью и ломают им жизни. Сначала думал — ну, наши местные активисты стараются, выслуживаются перед силовиками, штампуют бред на заказ. Но когда ночью начал вчитываться в их статьи, проверять сноски, верифицировать источники... понимаете, эта цепочка упорно потянулась наружу, на международный уровень. Оказалось, что наши доморощенные преследователи создали мощнейший канал влияния в Европе. Я наткнулся на одну организацию, и у меня просто волосы дыбом встали, когда я понял масштаб происходящего. Называется FECRIS. Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве.

Я мысленно повторила про себя эту аббревиатуру. На слух она воспринималась как что-то абсолютно респектабельное, научное.

— У них штаб-квартира в Париже, — продолжал Андрей, и его голос стал жестче. — Представляете? Официальный статус, они получают огромные правительственные средства — я раскопал данные, что девяносто процентов их бюджета идет из государственной казны Франции! Они имеют статус участника при Совете Европы и специальный консультативный статус при ECOSOC ООН. Там же, во Франции, отдельно действует государственная миссия MIVILUDES, занимающаяся мониторингом «сектантских отклонений». И связи между этими рафинированными французскими чиновниками и нашими местными деятелями из РАЦИРС настолько откровенные, что меня аж передернуло. В материалах всюду светится имя Сони Бакес — это, на минуточку, государственный секретарь по вопросам гражданства при министре внутренних дел Франции в 2022–2023 годах. А рядом — Жорж Фенек, бывший президент MIVILUDES. Человек на всех углах в Европе декларирует борьбу за права граждан, а в девятнадцатом году преспокойно собирает чемодан и катит в Крым в составе делегации — встречаться с Путиным и рассказывать, как там всем хорошо живется. Понимаете, какой сюрреализм?

Андрей на секунду замолчал, уставившись в окно, словно собираясь с силами, а затем чуть подался вперед. Его пальцы до белизны сжали край стола.

— Но самый вопиющий цинизм у них случился в тринадцатом-четырнадцатом годах, прямо накануне всего этого глобального кризиса. Французские антикультисты поручили своему депутату Руди Саллесу протащить в ПАСЕ специальную резолюцию по вопросу «культов и несовершеннолетних». Они специально взяли самую чувствительную, беспроегрешную тему — защиту детей, чтобы под этот шумок легитимизировать свои карательные методики на общеевропейском уровне. И все это — на фоне заметной активности российских антикультовых структур в Европе. Вот пока лидеры демократических стран толкали с трибун красивые речи о свободах, внутри их собственных министерств, в самом сердце Европы, сидела агентура, которая эти свободы методично выжигала изнутри. Они писали законы, консультировали полицию, формировали повестку для крупнейших мировых СМИ.

Он горько покачал головой, и в его взгляде мелькнула глухая, уставшая злость:

— А Россия во всей этой глобальной игре стала просто идеальным полигоном. Здесь, где институты и так еле дышат, эта идеология развернулась в полную силу, не встречая вообще никакого сопротивления. Я раскопал аналитическую справку правозащитников — там на графиках четко видна прямая, математическая корреляция: чем сильнее влияние этих антикультовых центров, тем стремительнее падает индекс свободы в стране. Это же чистой воды троянский конь тоталитаризма! Под предлогом «духовной безопасности» они сначала обкатали механизмы цензуры, блокировок интернета и преследования на малых, незащищенных группах. Начали в том числе и с нас — со Свидетелей Иеговы. Общество промолчало, сглотнуло, поверив ярлыкам: «Ай, это же сектанты, туда им и дорога». А теперь те же самые обкатанные механизмы, те же самые размытые статьи об экстремизме полетели в обычных журналистов, правозащитников, гражданских активистов. Эта паутина опутала министерства, суды, уличные банды по всему миру — от Франции до Китая. И цель у них — не общество защитить от мифических угроз. Цель — получить абсолютную власть над сознанием. Способность вот так, по щелчку пальцев, объявить любого человека вне закона, отнять имущество, сломать жизнь, забрать ребенка... просто лишить права называться человеком.

Если зайти к ним на сайт — там все такое благообразное, в строгих сине-белых тонах. Тексты так и пестрят правильными, красивыми словами: «защита прав граждан», «помощь пострадавшим», «информирование общества». Любой нормальный обыватель посмотрит и подумает: надо же, какие благородные люди, защищают мир от радикалов. Но это только вывеска. Глянцевая ширма, за которой прячется международный координационный центр.

Он на мгновение замолчал, уставившись в окно, словно собираясь с силами, а затем чуть подался вперед:

— Но самое дикое, от чего меня посреди ночи просто в холодный пот бросило... Российская ассоциация РАЦИРС — та самая, которая здесь, у нас, разработала эти карательные методы, штампует псевдоэкспертизы и подводит мирных людей под реальные уголовные статьи — она не просто формально числится в этой европейской федерации. Дворкин со своими соратниками годами были там на ведущих ролях! Он занимал пост вице-президента FECRIS, понимаете? Получается, что наша внутренняя, локальная система преследования через РАЦИРС пустила глубокие метастазы в Европу. Они годами собирались на свои симпозиумы в Санкт-Петербурге и Париже, координировали базы данных, обменивались методами. Репрессивная методика фактически получила международную легитимизацию под крылом Совета Европы.

Я слушала его, пытаюсь уложить эту информацию в голове. Получалось, что карательный механизм, зародившийся внутри нашей системы, не просто существовал изолированно, а успешно интегрировался в международные институты просвещенной Европы, используя их как щит и рупор.

— Понимаете, какая извращенная картина? — Андрей посмотрел на меня в упор. — С высоких трибун в Страсбурге они произносят речи о толерантности, а параллельно европейские государства финансируют структуру, которая тесно переплетена с командой Дворкина. Я читал отчеты независимых европейских правозащитников, которые пытаются пробить эту стену, но их голоса просто глушат. Те же итальянцы на своем портале Libero Credo по полочкам разложили их подноготную. Эта сеть на протяжении десятилетий была связана с откровенным криминалом под вывеской так называемого «депрограммирования». В Германии еще в конце восьмидесятых член правления британской группы FAIR, входящей в эту федерацию, был осужден немецким судом за участие в похищении человека. В Швейцарии в девяностом году двое

активистов из местного филиала SADK получили реальные тюремные сроки за аналогичные действия против члена движения Харе Кришна. Их за это европейские суды признавали виновными в незаконном лишении свободы!

Андрей устало потер лицо руками:

— И знаете, что они сделали, когда их за похищения начали массово привлекать к уголовной ответственности? Они просто сменили методы. Поняли, что грубое физическое давление больше не сойдет им с рук, и превратились в утонченную, специализированную фабрику клеветы. Перешли на юридическое преследование и информационные атаки. Но и тут их ловят за руку. Буквально недавно, в 2020 году, Окружной суд Гамбурга признал саму организацию FECRIS виновной по восемнадцати пунктам в распространении заведомо ложных, порочащих и клеветнических сведений. Italianские журналисты прямым текстом пишут: хватит смотреть на мелких исполнителей на местах, посмотрите наконец на верхушку, которая координирует и направляет эту глобальную кампанию нетерпимости.

— Но как им удастся заставлять людей верить во весь этот бред? — спросила я, стараясь удержать нить его рассуждений. — Ведь мы живем в век информации. Неужели общество настолько слепо?

— Сила не в логике, доктор. Сила в лингвистическом манипулировании и чистой психологии, — Андрей подался вперед, опершись локтями о колени. — Мы ведь с вами уже не раз говорили о том, как это клеймо — «тоталитарная секта» — разрушило мою семью, как Маша из-за него начала видеть во мне чужака. Но только сегодня ночью, когда я начал разбирать это именно как технологию влияния, мне стало по-настоящему жутко. Понимаете, в международном праве, в серьезной академической науке таких понятий вообще не существует! Ни один закон в мире его не закрепляет. Это чистое пропагандистское оружие, заимствованное из политического лексикона времен Холодной войны.

Он замолчал на секунду, его дыхание стало более прерывистым:

— Расчет здесь тонкий и безжалостный. У любого человека при слове «тоталитарный» в подсознании мгновенно вспыхивает конкретный ассоциативный ряд: колючая проволока, конвоиры, лагеря, полное подавление воли. И когда они через СМИ навешивают этот ярлык на мирную группу людей, у обывателя в голове щелкает тумблер. Включается липкий, первобытный страх. Запускается механизм

дегуманизации. Стоит обозвать кого-то «сектантом», и общество больше не видит в нем человека. Его презумпция невиновности просто сгорает. Ему больше не нужно сочувствовать, его не нужно защищать. Это настоящий информационный террор, задача которого — заживо вычеркнуть человека из социума. От него отворачиваются близкие, его увольняют, его начинают презирать.

Голос Андрея дрогнул, в нем прорезалась глубокая, личная боль:

— И я нашел научные подтверждения тому, к чему это приводит. Ночами я зарывался в отчеты Американской психологической ассоциации. Психиатры детально исследовали состояние жертв таких кампаний ненависти. Оказалось, симптомы у людей тяжелее, чем после пережитого физического насилия! Глубочайшая депрессия, стыд, ангедония и лавинообразный рост суицидальных мыслей. Знаете, какой самый страшный вывод делают ученые? Люди, доведенные до ручки этой общественной травлей, кончают с собой не потому, что хотят причинить себе вред. Они просто пытаются хоть куда-то сбежать от этой тотальной, удушающей человеческой ненависти, которой их окружили через газеты и экраны. Система убивает их бесконтактно, просто ломая психику через медиа.

Я слушала Андрея, и мне, как практикующему психологу, становилось не по себе от того, насколько точно он препарировал механизм разрушения личности.

— Неужели на государственном уровне этого никто не видит? — тихо спросила я.

— На международном — видят отлично, — Андрей резко выпрямился. — Я нашел официальный доклад Комиссии США по международной религиозной свободе — USCIRF. Там аналитики пишут черным по белому: вся эта деятельность Дворкина и его Центра Ириней Лионского — это никакая не наука. Это фабрика пропаганды и информационной войны, которая прикрывается псевдонаукой вроде «сектологии», не имея при этом никакой реальной квалификации. Американское правительство в этом докладе официально рекомендует публично осудить Дворкина за его дезинформационные кампании, а деятельность FECRIS на международном уровне признать прямым подавлением религиозных свобод и жестко противодействовать им. Против этой машины выступают высшие правовые институты мира! Но здесь, у нас, их методички ложатся на стол следователям и становятся основанием для того, чтобы забрать у меня Анечку.

Я слушала Андрея, всматриваясь в его усталое, осунувшееся лицо. В моей практике часто встречались люди, находящиеся в состоянии сильного стресса, но их реакция обычно была деструктивной: паника, хаотичные обвинения или глухая апатия. Андрей же отреагировал иначе. Оказавшись в тисках этого психологического прессинга — между нарастающим, парализующим страхом Маши и двусмысленными намеками следователя, — он не сломался. Он проявил ту редкую собранность, на которую способен только человек, защищающий свою жизнь и свою семью. Он не просто искал зацепки — он пытался докопаться до первопричины этой репрессивной машины, выстраивая свою собственную, жесткую и последовательную логику.

А имя Дворкина, которое он произнес, заставило меня внутренне подобраться. Я не подавала виду, но внутри все напряглось. Я помнила свои собственные ночные поиски, помнила те страшные исторические параллели, которые раскопала после нашего прошлого сеанса. Но я молчала, позволяя ему выговориться. Его буквально прорвало — он говорил быстро, горячо, взхлеб, словно человек, который слишком долго носил в себе смертельно опасную тайну, пока самые близкие люди затыкали уши от страха. Ему жизненно необходимо было выговориться, и я не смела его перебивать.

— Самое парадоксальное во всем этом — источники их методов, — Андрей горько улыбнулся, и в его взгляде промелькнул жесткий, исследовательский азарт. — Нам ведь со всех экранов твердят о защите от чуждого зарубежного воздействия, о сохранении традиций. Но если убрать лозунги и посмотреть, откуда приехали эти технологии преследования, окажется, что это стопроцентный импорт. Сам Дворкин больше десяти лет прожил в Соединенных Штатах, там учился, там перенимал опыт, познакомился с западным антикультовым движением. И вернулся он оттуда с готовым, детально прописанным инструментарием американского антикультового движения. Наш ключевой «сектовед» просто взял под копирку методы американца Стивена Хассена. Понимаете? Посмотрите на структуру его знаменитой брошюры «10 вопросов к навязчивому незнакомцу». По ней у нас до сих пор натаскивают студентов и оперативников на местах. Но если сопоставить ее с оригинальными текстами Хассена по «контролю сознания» — это же прямая адаптация американских опросников. Тексты заимствованы практически дословно!

Он даже не сделал паузы, чтобы перевести дыхание. Слова лились из него сплошным, неостановимым потоком:

— Но ладно методология, тут дело в другом. Я начал копать глубже, в архивы. Знаете, кто помогал ему легитимизировать эти идеи в девяностых, когда он только разворачивал свою деятельность? Американская пресса! Именно в девяностых годах, когда у нас шло жесткое лоббирование нового закона о религиозных ограничениях, западные СМИ начали регулярно публиковать материалы, где Дворкина цитировали как эксперта по религиозной ситуации. Понимаете? Рядовой активист без признанных мировым академическим сообществом научных трудов вдруг получает постоянный рупор в западной прессе. Из него искусственно создавали авторитет, чьи выводы наши суды и полиция теперь принимают на веру без единого вопроса. И эта машина, собранная по американским чертежам, подпитанная государственным финансированием (в том числе и западных стран), теперь загоняет меня в угол здесь, в Петербурге.

Андрей подался вперед. Голос его стал тише, слова шли плотным, сбивчивым потоком — он торопился высказать все, пока его не перебили:

— И они ведь не останавливаются на теории. Вы спросите, откуда они берут свежие, живые доказательства для судов? На чем строятся эти дела, если нет никакого криминала? О, это самая циничная часть их конвейера! В социологии есть специальный термин — «апостаты». Профессиональные отступники. Понимаете, в любом коллективе — будь то фирма, спорткласс или религиозная община — всегда есть люди, которые уходят со скандалом. Из-за личных обид, уязвленного эго, психологической нестабильности или банальной глупости. Обычный человек уходит и строит жизнь дальше. Но антикультульная сеть отлавливает таких обиженных, берет их в оборот, обрабатывает психологически и превращает в инструмент войны. Из них делают «профессиональных пострадавших»! Им внушают, что все их жизненные неудачи — это результат «зомбирования». Их возят по телеканалам, их цитируют в прессе, их заставляют писать тонны заявлений в прокуратуру. Создается иллюзия массовости. Включается телевизор — а там плачущая женщина рассказывает ужасы. И обыватель верит, потому что на экране живой человек! А то, что этот человек получает за свои гастроли деньги или просто тешит свою жажду мести, остается за кадром.

Андрей смолк. Голос его оборвался, словно кончился воздух. Он обессиленно откинулся на спинку кресла, тяжело и прерывисто дыша. Его лоб покрылся мелкой испариной. Он выложил все, что у него накопилось, и теперь смотрел на меня

застывшим, напряженным взглядом — взглядом человека, который привык наткаться на глухую стену.

Я посмотрела ему прямо в глаза. Мой голос прозвучал тише, чем обычно. В нем больше не было терапевтической дистанции — я просто физически не могла ее удерживать.

— Андрей... Да, я вас понимаю. На самом деле... после наших прошлых встреч, после того, что вы рассказали о вашей прабабушке Эльзе, я тоже не могла успокоиться. Я все время возвращалась мыслями к вашему рассказу. Я... я полезла в интернет, стала искать архивы тридцатых годов. И у меня у самой до сих пор в голове это не укладывается, но... пазлы сошлись один в один.

Андрей слегка вздрогнул. Он замер, боясь меня перебить.

— Вы сейчас говорили про то, как этот ярлык — «тоталитарная секта» — уничтожает человека, вычеркивает его из общества. Так вот, вся эта технология... она ведь родилась не во Франции и не в Америке. Это нацистская методичка. В Третьем рейхе зачисткой религиозного поля руководил Вальтер Кюннет. Он точно так же орал про «духовную безопасность», нанимал карманных экспертов, штамповал бумажки для судов, загонял людей в лагеря... И у Свидетелей Иеговы тогда точно так же отбирали детей в приюты на перевоспитание! То, чем вам сейчас угрожает этот Денис Викторович, — это же просто дословная инструкция гестапо тридцать седьмого года.

Я подалась еще ближе к нему, чувствуя, как от собственного шепота перехватывает дыхание:

— Вы упомянули Дворкина... Вы искали, откуда он взял свои идеи. Так вот, я нашла эту цепочку. После войны Кюннет передал все свои наработки пастору Хааку. У Хаака учился датчанин Йоханнес Огорд, который создал этот международный «Диалог-центр»... А Дворкин оказался прямым преемственным учеником Огорда! Он годами сидел под его крылом в Дании. Представляете? Это одна линия, идущая прямо от Кюннета, из рук в руки. Они просто перевели те тексты на современный, респектабельный язык. Вместо «расовой гигиены» написали «психическое здоровье», вместо «врагов рейха» — «тоталитарные секты». Но почерк... почерк остался прежним.

Я умолкла. В кабинете снова повисла тишина.

Я посмотрела на Андрея. Его лицо было бледным, застывшим от изумления. Он молчал, но я видела, как у него заблестели глаза, как они мгновенно наполнились слезами.

Андрей смотрел на меня так, словно посреди ледяного океана, где он тонул в полном одиночестве, его вдруг кто-то крепко схватил за руку. Из его взгляда исчез этот вечный, затравленный страх человека, которому никто на свете не верит. Впервые за долгие, невыносимые месяцы преследования он сидел перед тем, кто его не подозревал, не оценивал и не считал сумасшедшим. Ему больше не нужно было ничего доказывать.

Он медленно, судорожно выдохнул, и его плечи наконец опустились.

Глава 10. Чужой язык, родная душа

Я поднялась со своего кресла, сделала пару шагов и села на диван рядом с ним.

— Андрей, послушайте меня... — я говорила очень тихо, почти шепотом. — Безвыходных ситуаций не бывает. Правда, не бывает. Вы ведь сами рассказывали мне про свою прабабушку Эльзу. В вашей семье уже есть человек, который прошел через абсолютный, кромешный ад. Ей было всего восемь лет, на ее глазах уничтожили все, что она любила, вокруг был нацистский Берлин... Но она выстояла. Она смогла это пережить, смогла построить жизнь дальше и дожить до старости. Значит, эта сила, эта способность выживать назло всему — она есть и в вас. Это ваша кровь. У вас обязательно все получится, вы справитесь, я верю в это.

Я умолкла, просто глядя на него.

Андрей долго молчал, не поднимая головы и разглядывая свои ладони. Плечи его мелко вздрагивали, словно в них догорали остатки того страшного напряжения, с которым он вошел в кабинет. А потом он произнес так тихо, что мне пришлось наклониться к нему, чтобы расслышать:

— Знаете... Выстоять-то она выстояла, но ее замкнуло. От этого ужаса, от одиночества, от страха... она замолчала. Онемела. Совсем. На шесть лет. Мозг просто выключил язык, на котором отдавали приказы убивать тех, кого она любила.

В кабинете стало слышно, как мелкие капли дождя бьют по стеклу. Андрей наконец поднял на меня глаза, и в них уже не было прежней лихорадочной паники — только огромная, старая, бережно хранимая семейная грусть.

— И когда вокруг Берлина была только смерть, — продолжал он, и его голос чуть потеплел, — ее спас случай. Или Бог, я не знаю. Старый немецкий часовщик, его звали Генрих Вебер. Он просто выносил золу из подъезда в ту ночь. И наткнулся на нее — она сидела на обледеневших ступенях, свернувшись в замерзший комочек.

Андрей вздохнул, потирая ладони.

— Веберы с женой Гретой не были какими-то подпольщиками или героями. Обычные, уставшие немецкие бюргеры. В их прихожей висел обязательный портрет фюрера, а на подоконнике стоял народный радиоприемник — такой тогда обязывали покупать каждую семью. Они просто хотели, чтобы их оставили в покое. Но когда Генрих принес домой этого ребенка, они, не задумываясь, плотно задернули светомаскировочные шторы и бросились греть воду на буржуйке. Сначала-то они думали, что девочка просто сильно простужена или испугана. Но шли недели, а она не издавала ни единого звука.

Он повернулся к окну, за которым шумел дождь.

— Зато они заметили другое: Эльза панически, до дрожи шарахалась от любого стука в дверь, от чужих голосов на лестничной клетке, от звука сирен. Она мгновенно пыталась забиться в самый темный угол, слиться со стеной. Веберы были мудрыми людьми. Они быстро догадались, что этот ребенок пережил что-то чудовищное и от кого-то скрывается. И понимали, что, если ее найдут у них в квартире, пощады не будет никому. Но они не выставили ее на улицу. Вместо этого Генрих оборудовал для нее специальную потайную нишу за старым платяным шкафом. Они научили Эльзу: если в дверь стучат, она должна мгновенно, как натренированный зверек, прятаться туда и не дышать, пока все не утихнет.

— Так она и жила. В абсолютной тишине, окруженная тиканьем. Генрих чинил механизмы на дому, и этот ритмичный стук сотен часов стал для нее единственным доказательством того, что жизнь еще идет. Они ведь так и не узнали ее историю целиком — прабабушка просто не могла ее рассказать. Все всплывало какими-то жуткими фрагментами, осколками. То она на клочке бумаги нарисует петлю и женский силуэт, то вздрогнет и зажмет уши, услышав чьи-то шаги по брусчатке... Из этих страшных

крошечных примет Веберы складывали картину ее катастрофы, но никогда не расспрашивали ее, не лезли в душу. Просто кормили, укрывали одеялом и давали ей это безопасное молчаливое пространство.

— А весной сорок пятого, когда Берлин капитулировал, в эту же квартиру комендатура подселила русскую переводчицу, Анну Николаевну. Она была филологом, выпускницей Ленинградского университета. Прошла всю войну медсестрой ради жениха-офицера, который погиб буквально за пару недель до победы. Две абсолютно разрушенные, осиротевшие вселенные встретились на одной тесной кухне.

Анна, кажется, интуитивно нащупала то, что помогло прабабушке. Она поняла, что немецкий язык для Эльзы — родной язык — оказался намертво сшит с пережитым кошмаром. Психика просто заперла его изнутри. Тогда Анна достала из своего вещмешка то, что возила с собой через все окопы — потрепанные томики русской классики. И каждый вечер она просто читала девочке вслух. Русский язык для Эльзы был абсолютно чистым пространством, в нем не было пугающего эха. Анна водила ее пальцем по строчкам, учила округлым буквам кириллицы и простым словам: «стол», «хлеб», «вода». Чужой язык предложил ей чистый лист.

И именно на этом, чужом языке прабабушка произнесла свое первое слово после шести лет абсолютной немоты...

Поздней осенью Анна тяжело заболела, металась в лихорадке. Эльза сидела рядом, меняла компрессы на лбу, а когда Анна открыла глаза, девочка наклонилась и тихо, но четко сказала: «Мама. Я здесь».

Андрей на мгновение замолчал, словно давая этим словам отзвучать.

— Прабабушка рассказывала, что Анна стала для нее самым родным человеком на свете, — тихо продолжил он. — В ней было какое-то особенное, редкое тепло, абсолютная нежность. Эльза ведь годами жила в режиме выживания, в каменном коконе. А Анна отогрела ее, не требуя ничего взамен, не задавая вопросов. Просто была рядом.

— Анна вывезла ее в Ленинград под видом советской сироты, потерявшей документы, — так же тихо закончил Андрей. — Веберы — они ведь уже пожилой парой были — совсем не возражали. Наоборот, благословили прабабушку и отпустили с легким сердцем, понимая, что Анна сможет дать девочке настоящую жизнь и будущее.

Анна сделала для нее все, дала образование, новую судьбу. Но прабабушка до конца дней бережно хранила ту чистую веру, которая помогла ей выжить. И передала ее нам.

Я смотрела на него. Какой удивительный круг совершила история. Тот самый язык, который когда-то подарил спасенной девочке новую жизнь, теперь был родным для Андрея.

В этот момент тишину кабинета нарушил негромкий звонок его телефона. Андрей вздрогнул, вытащил аппарат из кармана и виновато посмотрел на экран.

— Простите, это Маша, жена... Я отвечу...

Я кивнула. Андрей отошел к окну и негромко заговорил, успокаивая супругу на том конце провода.

А я бросила взгляд на настенные часы и замерла от удивления. Стрелки ушли далеко вперед. Мы сидели здесь уже несколько часов, напрочь выбившись из жесткого графика терапевтических приемов. Все это давно вышло за рамки обычного сеанса, за пределы строгих профессиональных инструкций. Я ловила себя на очень теплом, личном сопереживании. Обычно в кресле терапевта ты сохраняешь определенную дистанцию, чтобы оставаться объективным, но сейчас эти границы как будто истончились. Я чувствовала искреннюю симпатию к этому мужчине, который, несмотря на страх и нависающую угрозу, упрямо искал в себе силы, держался и пытался защитить свою семью.

Андрей тем временем нажал отбой и повернулся ко мне. На его лице блуждала растерянная, почти детская улыбка.

— Надо же... Маша звонила, распереживалась, где я и все ли в порядке. Я и сам в шоке — мы совершенно потерялись во времени! Извините, я у вас весь вечер отобрал...

Он подошел к столу, и его взгляд стал очень теплым.

— Спасибо вам большое. То, что произошло здесь сегодня... это стало для меня чем-то очень важным и ценным. Мне это было необходимо. Ладно, я побегу, а то Анечка ждет. Обещал ей сегодня со школьным проектом помочь, нельзя подводить. Договариваемся на следующую неделю?

— Да, конечно, Андрей. В то же время, — ответила я, поднимаясь, чтобы проводить его.

Уже закрывая за ним дверь, я поймала себя на мысли, что внутри осталось так много невысказанного. Я даже не успела сказать ему всего, что хотелось — слов поддержки, каких-то важных терапевтических выводов. Но, возможно, это было и не нужно. Самое главное случилось без лишних слов.

Я подошла к окну. Внизу, на улице, я увидела его серую куртку. Андрей шел сквозь толпу прохожих, не пряча лицо и не поднимая воротника. Он шел твердо — человек, который возвращается домой, к своей дочке и ее школьному проекту.

Глава 11. Короткие гудки

Вся следующая неделя прошла в привычной рабочей суете — консультации, отчеты, новые пациенты. Жизнь шла своим чередом, но мысли то и дело возвращались к Андрею. Его история, рассказанная на той затянувшейся сессии, оставила глубокий след. Я ловила себя на том, что постоянно думаю о его ситуации фоном: когда пила утренний кофе, когда ехала в метро или перебирала бумаги на столе.

Мне хотелось помочь ему чем-то осязаемым, выйти за рамки простых терапевтических бесед.

Я начала перебирать в голове свои знакомства. Вспомнила про Вадима — моего школьного друга. Мы сто лет не виделись, но поддерживали связь. Вадим сейчас был успешным, матерым адвокатом по уголовным делам, человеком с безупречной репутацией и редким качеством: он не боялся браться за сложные, заведомо «неудобные» процессы, если видел, что невиновного человека пытаются раздавить. Ему можно было довериться полностью, рассказать все как есть, без купюр.

Я решила, что на сегодняшнем приеме аккуратно предложу Андрею его контакты. Это был хороший, надежный план, который давал реальную точку опоры против того абсурда, который сгустился вокруг его семьи.

В шестнадцать часов пятнадцать минут кресло напротив моего стола все еще пустовало.

Андрей никогда не опаздывал. За все месяцы нашей терапии он ни разу не задержался даже на минуту. Я часто думала о том, что для человека, чья жизнь медленно рушилась под давлением нелепых обвинений, эта педантичная пунктуальность, скорее всего, была единственным доступным способом сохранять контроль над уплывающей реальностью. Своеобразным личным якорем.

В шестнадцать тридцать тишина в кабинете стала давящей.

Я поймала себя на том, что бесцельно перелистываю страницы его карты, хотя помнила каждую строчку наизусть: бессонница, панические атаки, навязчивый страх за восьмилетнюю дочь. Это было совершенно на него не похоже, и внутри начала подниматься глухая, липкая тревога.

Не выдержав, я закрыла карту, взяла со стола мобильный и набрала его номер.

В трубке пошли длинные, гулкие гудки. Один, второй, третий... Я уже собиралась сбросить вызов, когда на том конце наконец ответили. Но вместо привычного сдержанного голоса Андрея я услышала чужой, сорванный, почти беззвучный шепот. Человек говорил так, словно у него совсем не осталось сил.

— Алло... Андрей? — спросила я, чувствуя, как сердце пропускает удар.

— Его забрали... Боже мой, они его забрали... — вырвалось из динамика. Это был не плач, а глухой, обессиленный звук полного отчаяния.

— Это психотерапевт Андрея. Что у вас случилось? Я могу чем-то помочь? — спросила я, чувствуя, как внутри все сжимается.

— Это Мария... Жена Андрея, — женщина судорожно глотнула воздух. — Утром пришли. В шесть утра. С обыском. Дверь начали болгаркой пилить, мы проснулись от этого грохота... Аня так кричала! Андрея сразу лицом в пол... Он даже очки надеть не успел, руки поднял, просил их тихо: «Пожалуйста, не трогайте жену, вы пугаете ребенка». А они его ударили. Прямо по лицу, сильно... Кровь повсюду... Ему руки закрутили, в наручники...

Потребовалось время, чтобы удержать Марию от окончательного срыва и заставить говорить тише. То, что она рассказывала мне, сидя на полу своей разгромленной квартиры, среди перевернутой мебели и разбросанных вещей, оглушало. Обыск шел несколько часов. Оперативники перевернули все, искали «экстремистскую литературу» — Библии, блокноты с личными записями, открытки.

Но самым страшным был психологический излом самой Марии. Месяцами начитавшись статей в интернете, она искренне верила, что спасает семью, отдергивая дочь от мужа и считая его веру опасной. Те, кого она считала защитниками и экспертами, казались ей единственной опорой. И вот эта иллюзия безопасности рухнула в один миг. Люди, призванные охранять порядок, принесли в ее дом грязь, кровь и животный страх.

— Я ведь ненавидела его за эту веру, — рыдала Мария, и в ее голосе звучало такое всепоглощающее чувство вины, от которого у меня сжималось сердце. — Я верила, что он опасен. А опасными оказались те, кто писал эти статьи! Они натравили на нас этих зверей... Андрей... он лежал там, на ламинате, в наручниках, и только губами шевелил, просил меня закрыть Ане глаза, чтобы она этого не видела. Он думал о нас, понимаете? Даже тогда... А я ведь на него орала все эти месяцы, дочку к нему не подпускала, как к прокаженному... Господи, что я делала...

Перед тем как увести Андрея, следователь подошел к Марии, обнимавшей бьющуюся в беззвучной истерике дочь.

— Он наклонился ко мне, — голос Марии стал тихим, мертвым. — Посмотрел, как я Аню держу, и так спокойно, вежливо говорит: «Вы, Мария, о дочке подумайте. Сейчас документы в органы опеки уйдут, в школу сообщат... Зачем вам эти проблемы? Вы же умная женщина. Убедите мужа сотрудничать со следствием, не нужно ему запираяться». И по плечу меня похлопал.

Я сжала трубку так сильно, что пластик жалобно скрипнул. Эти будничные, спокойные упоминания опеки и школы пугали едва ли не сильнее утреннего погрома. Это был точечный удар в самую уязвимую, незащищенную область — страх матери за своего ребенка.

— Они увели его в одной футболке, — продолжала Мария, ее голос затихал, переходя в какой-то пустой, ровный тон. — На улице дождь, а они даже куртку не дали накинуть. Я смотрела в окно, как его запикивают в машину... Аня сейчас у себя в комнате, плачет, уткнулась в подушку. А я сижу здесь... Я не знаю, что делать. Просто не знаю, что теперь делать.

В трубке повисла тяжелая, звенящая тишина, прерываемая только ее рваным дыханием.

Что я могла ей сказать? Сейчас нельзя было паниковать вместе с ней, нужно было вернуть Маше хотя бы минимальное ощущение почвы под ногами, дать ей первое конкретное действие.

— Маша, послушайте меня, — максимально спокойно и твердо сказала я. — Андрей сейчас не с вами, но вы должны держаться ради Ани. Идите к ней, обнимите ее. Вы сейчас нужны друг другу.

Я сделала короткую паузу, давая ей возможность вслушаться в мои слова, и продолжила:

— А теперь возьмите листок и запишите номер. Это Вадим, мой школьный друг, он сильный адвокат по уголовным делам. Звоните ему прямо сейчас, скажите, что от меня. Он знает, что нужно делать в таких ситуациях. Записывайте.

Когда звонок завершился и раздались короткие гудки, моя профессиональная броня окончательно дала трещину. Я положила телефон на стол.

Глава 12. Свидетель

Тишина в моем кабинете после того, как телефонный звонок оборвался, приобрела совершенно иное физическое свойство. Она перестала быть уютным фоном для терапевтических бесед, тем безопасным пространством, в котором растворялись чужие тревоги. Теперь эта тишина была тяжелой, плотной, звенящей. Она давила на барабанные перепонки с силой океанской толщи. За окном продолжал идти петербургский дождь, капли монотонно били по карнизу, но этот звук больше не приносил успокоения. Он звучал как метроном, отсчитывающий время в мире, который окончательно сошел с ума.

Я сидела за своим рабочим столом, не в силах пошевелиться. Мои руки, лежащие на прохладной поверхности столешницы, мелко дрожали. Это был тот самый неконтролируемый тремор, с которым Андрей впервые переступил порог моего кабинета несколько месяцев назад. Теперь эта дрожь передалась мне, словно вирус,

словно физическое воплощение того ужаса, который только что выплеснулся на меня из телефонной трубки сорванным голосом его жены Марии.

Мой взгляд медленно сфокусировался на пустующем кожаном кресле напротив. Мне казалось, что я до сих пор чувствую запах сырости и застарелой усталости, который Андрей приносил с собой с осенних улиц.

Прямо передо мной лежала его медицинская карта. Обычная картонная папка бледно-желтого цвета. Я протянула руку и открыла ее. Страницы были испещрены моим убористым почерком. Даты сеансов. Описание симптомов. Официальный диагноз по Международной классификации болезней: паническое расстройство, посттравматический синдром. Я смотрела на эти сухие, клинические формулировки, и внутри меня поднималась волна горького, обжигающего стыда.

Как наивно, как профессионально высокомерно было полагать, что я могу помочь ему с помощью когнитивно-поведенческой терапии. Я учила его техникам заземления, дыханию по квадрату, способам рационализации страха. Я пыталась лечить нормальность, которую чья-то извращенная логика назвала преступлением. Мои медицинские протоколы были абсолютно бессильны перед болгаркой спецназа, выпиливающей дверь его квартиры в шесть часов утра.

В этот момент, глядя на пустую строку для следующей записи, я осознала пугающую, математическую точность свершившейся трагедии.

Дочери Андрея, Ане, которая прямо сейчас плакала, уткнувшись в подушку в их разгромленной квартире, было ровно восемь лет.

Восемь лет. Тот самый возраст. Та самая точка на оси человеческой жизни, в которой находилась прабабушка Андрея, маленькая немецкая девочка Эльза, когда осенью тысяча девятьсот тридцать восьмого года она смотрела, как людей, подаривших ей жизнь, уводят в небытие люди в черной форме.

История не просто повторилась. Она совершила полный оборот с циничной, издевательской педантичностью, ударив в ту же самую болевую точку, выбрав жертву того же самого возраста. Машина подавления, будь то в Берлине прошлого века или в Петербурге нынешнего, не делает скидок на детство. Для этой системы ребенок — это просто сопутствующий ущерб, рычаг давления на родителей, еще одна безымянная единица в отчетах о проделанной работе по искоренению «экстремизма».

Я встала из-за стола и подошла к окну. Город внизу жил своей обычной жизнью. По мокрому асфальту скользили автомобили, люди под зонтами спешили к станции метро, в окнах дома напротив загорался теплый, желтый свет. Никто из них не знал, что прямо сейчас человека везут в следственный изолятор в одной футболке под проливным дождем. Никто не знал, и, что самое страшное, большинство не хотело бы знать.

В клинической психологии и психиатрии существует строгий этический кодекс. Главное правило терапевта — сохранять нейтралитет. Мы не имеем права вовлекаться в жизнь пациента, мы не должны давать моральных оценок, мы обязаны оставаться беспристрастными наблюдателями, зеркалом, в котором отражается внутренний мир человека. Годами я следовала этому правилу. Я гордилась своей способностью оставлять чужую боль за порогом кабинета.

Но сегодня этот профессиональный нейтралитет рухнул, рассыпался в прах, обнажив свою истинную, неприглядную суть.

Я поняла, что в определенных условиях сохранение нейтралитета перестает быть этической нормой. Оно становится формой соучастия. Когда на твоих глазах машина, опираясь на сфабрикованные экспертизы и пропаганду, уничтожает невинных людей, молчание приравнивается к согласию.

Я вспомнила те бессонные ночи, когда после первых сеансов с Андреем пыталась нащупать логику в его семейной истории. Я тогда зарылась в архивы и мемуары, выискивая детали о жизни в довоенной Германии, чтобы понять, откуда в его генетической памяти столько страха. Именно тогда мне попался дневник Виктора Клемперера — немецкого филолога, у которого диктатура отняла все: статус, кафедру, право на нормальную жизнь. Но у него остался его главный профессиональный инструмент — язык.

Рискуя головой, Клемперер день за днем фиксировал, как Третий рейх меняет значения слов. Как конструируется язык ненависти, который он назвал LTI — Язык Третьего рейха.

В его записях была фраза, которая сейчас, в полумраке моего кабинета, вспыхнула в памяти как абсолютная истина:

«Слова могут быть подобны крошечным дозам мышьяка: их проглатывают незаметно, они вроде бы не оказывают никакого действия, но через некоторое время отравление налицо».

Именно это отравление мышьяком пропаганды я наблюдала все эти месяцы. Я видела, как слова «сектант», «адепт», «тоталитарная секта», вброшенные в информационное пространство современными антикультистами, незаметно проглатывались обществом. Я видела, как это отравление разрушило отношения в семье Андрея, заставив его жену бояться собственного мужа. Я видела, как оно парализовало коллег моего пациента, создав вокруг него зону отчуждения.

Клемперер не мог остановить гестапо. Но он мог свидетельствовать. Он задокументировал это безумие для будущих поколений, доказав, что зло начинается не с лагерей, а с искажения языка и отключения эмпатии.

Память невозможно ликвидировать или запретить. Она продолжает жить в людях. Она передается через поколения, как передалась вера и стойкость от маленькой немецкой девочки Эльзы к ее правнуку Андрею. И теперь эта память требовала голоса.

Я смотрела на свои руки. Тонкие пальцы, коротко остриженные ногти. Руки врача. Всю свою сознательную жизнь я училась лечить души. Я давала клятву не навредить. Но сегодня я поняла, что высшая форма врачебного долга в эпоху безумия — это отказ от комфортной слепоты.

Трансформация, происходившая внутри меня на протяжении последних месяцев, завершилась. Скептический врач, искавший в рассказах пациента клинические симптомы, умер. На его месте родился свидетель. Тот, кто берет на себя тяжесть знания и ответственность за его сохранение. Человек, который отказывается отворачиваться, когда другие закрывают глаза.

Я достала медицинскую карту Андрея. Если силовики придут сюда с обыском, эти страницы не должны достаться им для циничных протоколов допроса. Я медленно, методично измельчила плотные листы в шредере, глядя, как клинические диагнозы превращаются в безликую бумажную труху. Этому человеку больше не нужны были мои диагнозы. Ему нужна была моя память. Ему нужно было, чтобы кто-то зафиксировал правду о том, как его жизнь была растоптана.

Я открыла нижний ящик стола. Там, среди бумаг, лежала толстая тетрадь в темно-синем переплете. Мой личный дневник наблюдений. Я достала его и положила на чистую поверхность стола. Рядом легла тяжелая ручка.

Написание этой книги не вернет Андрею свободу. Оно не сотрет из памяти восьмилетней Ани пережитый кошмар. Оно не исцелит Марию от всепоглощающего чувства вины за то, что она поверила пропаганде. Я не питала иллюзий относительно силы печатного слова там, где суды штампуют приговоры по заранее написанным сценариям.

Но эта книга была единственным доступным мне актом сопротивления.

Система питается молчанием. Она процветает в темноте, в атмосфере страха и разобщенности. Она убеждает каждую свою жертву в том, что она абсолютно одинока, что ее голос никогда не будет услышан. Моя задача заключалась в том, чтобы нарушить это молчание. Задокументировать каждый шаг этой машины. Вскрыть механизмы манипуляции, которые превращают любящих людей во врагов, а коллег — в равнодушных соучастников.

Я должна была написать эту историю так, чтобы каждый, кто откроет эти страницы, почувствовал запах жженой листвы на улицах зимнего Берлина и монотонный стук дождя в петербургской квартире. Чтобы каждый читатель ощутил холодный сквозняк в подвале старой прачечной и страх в коридоре Следственного комитета.

Я сняла колпачок с ручки. Чернила блеснули под светом настольной лампы.

Дождь за окном усилился, превращаясь в сплошную стену воды, отгораживающую мой кабинет от остального мира. В этой комнате больше не было пациента и врача. Здесь осталась только пульсирующая правда, требующая воплощения в словах.

И накрывшее меня с головой, пугающее своей отчетливостью дежавю. Историческое дежавю, от которого перехватывало дыхание. Чувство, будто все это — телефонные гудки, разгромленные судьбы, люди в форме и бессилие — уже происходило раньше. Будто я просто перенимаю эстафету у тех, кто точно так же сидел в полумраке чужих городов, пытаясь спасти человека от небытия.

Я прижала стержень ручки к плотной, чуть шероховатой бумаге первой страницы. Чернила легли ровным, темным следом, навсегда фиксируя момент, когда страх отступил перед необходимостью говорить.

Крупно, через всю страницу, я вывела первое слово. То единственное, что связывало прошлое и настоящее.

«Дежавю».

Список литературы

1. Аветисова, С. (2014, 11 ноября). Сектоведы по вызову. Голос Ислама. Internet Archive.
<https://web.archive.org/web/20250124203625/https://golosislama.com/news.php?id=25347>
2. Азбука веры. священномученик Иринеи Лионский.
https://azbyka.ru/otechnik/Irinej_Lionskij/
3. Академик. Дворкин, Александр Леонидович.
<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/158320>
4. Антисектантский собор. (2007, 7 февраля). РАЦИРС расширяет число своих членов и представительств. <https://ansobor.ru/articles.php?id=224>
5. Антисектантский собор. «Свидетели Иеговы». <https://ansobor.ru/articles.php?id=15>
6. Антропологический форум №8. Позиция антрополога при исследовании проблем ксенофобии. https://pure.mpg.de/rest/items/item_922368/component/file_3523078/content
7. Артемьев, А. (2003). Религиеведение: Основы общего религиеведения, история религий, религии в Казахстане. Бастау. 2003г. 572с.
8. Артемьев, А. (2021). Свидетели Иеговы в Казахстане: социально-исторический и религиеведческий анализ. – Изд. третье, переработанное и дополненное – Алматы, 2021. - 526 с.
9. Артемьев, А. (2017). СОФІЯ. Гуманітарно-релігієзнавчий вісник. № 2(9)/2017. От терпимости – к гонениям, от веронетерпимости – к антикультизму.
<https://journals.indexcopernicus.com/api/file/viewByFileId/615227>
10. АТМОСФЕРА. (2014, 8 сентября). Сектовед Александр Дворкин – Дело не только в диагнозах. <https://www.asfera.info/news/93129?utm>
11. Бабасян, Н. (2001, 19 июня). Крестоносцы от государства. Грани.ру.
<https://graniru.org/Society/Religion/m.6278.html>
12. Бей, И. (2022, 29 мая). LiveJournal. Однаково під Москвою. Вчитування в рішення «УПЦ». <https://illyabey.livejournal.com/>
13. Большая российская энциклопедия. Обращение Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ III к духовным лидерам Азербайджана и Армении.
<https://m.bigenc.ru/vault/d0132b945a7dda8a434a6813a4b69132.pdf>

14. Буров, Ф. (2019, 28 октября). НДН.ИНФО. Судебный процесс над Свидетелями Иеговы начался в Новосибирске. <https://ndn.info/publikatsii/30153-sudebnyj-protsess-nad-svidetelyami-iegovy-nachalsya-v-novosibirske>
15. Быданцев, А. (2021, 23 февраля). Что думают религиоведы о сектоведе Дворкине. Дзен. <https://dzen.ru/a/YDDdDHVu6zHw-5cR>
16. Быков, Д. (2013, 25 февраля). Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ирины Лионского. В Джонстауне все тоже были счастливы. <https://iriney.ru/pedagogicheskie/shkola-shhetinina/novosti-o-shkole-shhetinina/v-dzhonstaune-vse-tozhe-byili-schastlivyi.html>
17. Васенёв, А. (2025, 7 марта). Славянский правовой центр. Враги рода человеческого. Internet Archive. http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=407&ELEMENT_ID=5968&print=Y
18. Вестник синодального центра сектоведения, том 7(4). (2022). https://pokrov-church.by/images/_sekty/vestnik-2022-tom7-4.pdf
19. Владимир Головин. Официальный сайт. <https://vladimir-golovin.ru>
20. Волин, Д. (2024, 20 декабря). RTVI. Осужденная за убийство Маркелова Евгения Хасис готовится к выходу на свободу. <https://rtvi.com/news/osuzhdennaya-za-ubijstvo-markelova-evgeniya-hasis-gotovitsya-k-vyrodu-na-svobodu/>
21. Волкова, Е. (2023, 10 апреля). Священник Глеб Якунин — пророк церковной катастрофы. Ахилла. <https://ahilla.ru/svyashhennik-gleb-yakunin-prorok-tserkovnoj-katastrofy/>
22. Волошина, И. (2013, 8 февраля). "Советская Сибирь". Ловцы душ. <https://vn.ru/news-104831/>
23. Газета.Ru. (2007, 15 ноября). Конец света из Погановки. <https://www.gazeta.ru/social/2007/11/15/2313135.shtml>
24. Голубицкий, С. (2003, 5 декабря). Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ирины Лионского. Амвей — внук Ваала. <https://iriney.ru/kommercheskie/kommercheskie/amvej-vnuk-vaala.html>
25. Дворкин, А., Степанова, Е. (2013, 4 сентября). Православие.ru. Александр Дворкин: я искал свободу в контркультуре, а нашел ее в Церкви. <https://pravoslavie.ru/63826.html>
26. Диа-Логос: Религия и общество 1998—99. Альманах. Общая редакция Марка Смирнова. Редактор-составитель выпуска Николай Шабуров. — М.: «Истина и Жизнь», 1999. — 578 с. https://imwerden.de/pdf/dia-logos_1998-99_1999__ocr.pdf

27. Ежедневный журнал. (2009, 5 апреля). Минюст офанател. Internet Archive.
<https://web.archive.org/web/20130401015223/http://www.ej.ru/?a=news&id=8959>
28. Жеребятьев, М. (2009, 9 апреля). Портал–Credo.Ru. КОММЕНТАРИЙ ДНЯ: "Есть такая специальность – "сектоведение!" - решил и постановил Минюст. Internet Archive.
<https://web.archive.org/web/20090822080738/http://portal-credo.ru/site/?act=news&id=69836&cf=>
29. Загребина, И. (2010, 30 апреля). Славянский правовой центр. Россия на грани «сектоведческой войны». Последствия антисектантских заявлений под эгидой Министерства юстиции РФ. Internet Archive.
<https://web.archive.org/web/20100430050832/http://www.sclj.ru/news/detail.php?ID=2369>
30. Заев, О. Блог Олега Заева. <https://olegzaev.com/>
31. ИА Красная Весна. (2020, 7 февраля). В Сургуте сектанта задержали для психиатрической экспертизы. <https://rossaprimavera.ru/news/7da53ca0>
32. Иваненко, С. (2012). Обыкновенный антикультизм.
<https://religiophobia.appspot.com/jw/oa.html>
33. Иваненко, С., Волкова, Е. (2023). О людях, стойких в гонении.
<https://ivanenko.online/book/%d0%be-%d0%bb%d1%8e%d0%b4%d1%8f%d1%85-%d1%81%d1%82%d0%be%d0%b9%d0%ba%d0%b8%d1%85-%d0%b2>
34. Иеромонах Адриан (Пашин). (2009, 1 июня). Портал–Credo.Ru. МОНИТОРИНГ СМИ: "Александр Дворкин подлежит судебному преследованию за разжигание религиозной розни". Интервью доктора филологических наук А.А. Панченко порталу "Богослов.Ru". Internet Archive.
<https://web.archive.org/web/20120615071343/http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=70964&type=view>
35. Ильина, М. (2014, 19 августа). ПАСМИ. В битве за детей бизнесмен из Перми превратил бывшую жену в сектантку. Internet Archive.
<https://web.archive.org/web/20240913223915/https://pasmi.ru/archive/110195/>
36. Ильмина, М. (2014, 29 августа). ПАСМИ. Москва или Пермь: судьбу детей решит суд. Internet Archive.
<https://web.archive.org/web/20240618062640/https://pasmi.ru/archive/110627/>
37. История России. (1946). Выступление помощника главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирнова: стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 14–15, 18 и 19 февраля 1946 г. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163617-vystuplenie->

- pomoschnika-glavnogo-obvinitelya-ot-sssr-l-n-smirnova-stenogramma-zasedaniy-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala-ot-14-15-18-i-19-fevralya-1946-g
38. К Истине. (2012, 15 марта). Пресс-конференция "Тоталитарные секты: угроза личности, семье, обществу и государству". https://k-istine.ru/apologia/apologia_dvorkin_in_tomsk-2012-02.htm
39. К Истине. Травля людей в Православной Церкви - обычное явление. Будьте осторожны! https://www.k-istine.ru/base_faith/church/church_vazenmiller.htm
40. Кавказ-Центр. (2013, 5 июля). Поповская казнь — попы объявят “недееспособными” критиков РПЦ среди ученых, а ФСБ отправит их в психиатрические тюрьмы. <https://kavkazcenter.com/russ/content/2013/07/05/99004/popovskaya-kazn-popy-obyavyat-%22nedeesposobnymi%22-kritikov-rpts-sredi-uchenykh-a-fsb-otpravil-ikh-v-psikhiatricheskie-tyurmy.shtml>
41. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 12 августа). Преступления антикультизма: дело «Уэйко». Часть 1. <https://actfiles-supporters.org/prestupleniya-antikultizma-delo-ue/>
42. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 13 августа). Четвёртый рейх: кто продолжает дело Гитлера? <https://actfiles-supporters.org/chetvertyj-rejh-kto-prodolzhaet-delo-gi-2/>
43. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 17 августа). Антикультизм в период становления фашистской Германии. <https://actfiles-supporters.org/antikultizm-v-period-stanovleniya-fa/>
44. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 18 августа). Эхо прошлого: уроки римской формулы. <https://actfiles-supporters.org/eho-proshlogo-uroki-rimskoj-formuly/>
45. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 19 августа). «Америка в упадке» — правда или информационная вкладка? <https://actfiles-supporters.org/amerika-v-upadke-pravda-ili-informaczionnaya-vkladka/>
46. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 20 августа). Нацисты, изгнавшие Христа из православия. <https://actfiles-supporters.org/naczisty-izgnavshie-hrista-iz-pravoslaviya/>
47. Клуб сторонников расследовательской журналистики (2024, 22 августа). Осада общины «Ветвь Давидова» в Уэйко. Часть 2. <https://actfiles-supporters.org/osada-uejko->

kak-antikultisty-manipulirovali-smi-i-oficzialnymi-liczami-chtoby-organizovat-holokost-v-tehase-chast-2/

48. Клуб сторонников расследовательской журналистики (2024, 25 августа). Чешское антикультовое движение. <https://actfiles-supporters.org/cheshskoe-antikultovoe-dvizhenie/>

49. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 27 августа).

Стигматизация — метод, ведущий к геноциду. <https://actfiles-supporters.org/stigmatizacziya-metod-vedushhij-k-genocidu/>

50. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 1 сентября).

Антикультовые ордена на крови детей. Нацисты XXI века. <https://actfiles-supporters.org/antikultovye-ordena-na-krovi-detej-naczisty-xxi-veka/>

51. Клуб сторонников расследовательской журналистики (2024, 5 сентября). Как антикультовые группы воздействуют на сознание детей с помощью манипулятивных тактик. <https://actfiles-supporters.org/kak-antikultovye-gruppy-vozdejstvuyut-na-soznanie-detej-s-pomoshhyu-manipulyativnyh-taktik/>

52. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 6 сентября).

Реальный хозяин России, кто он? <https://actfiles-supporters.org/realnyj-hozyain-rossii-kto-on/>

53. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 8 сентября). Разве я не доставил сообщение? <https://actfiles-supporters.org/razve-ya-ne-dostavil-soobshhenie/>

54. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 9 сентября). Метод клеймения жёлтыми звёздами. <https://actfiles-supporters.org/metod-klejmeniya-zhyoltymi-zvezdami/>

55. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 12 сентября). Агенты РАЦИРС в Украине: саботаж, кровопролитие и антикультовая чума. <https://actfiles-supporters.org/agency-raczirs-v-ukraine-sabotazh-krovo/>

56. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 12 сентября). Ложь и пропаганда: основа антикультизма. <https://actfiles-supporters.org/lozh-i-propaganda-osnova-antikultizma/>

57. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 30 сентября).

FECRIS: экстремистская группа в сердце Европы. Итальянская точка зрения. <https://actfiles-supporters.org/fecris-ekstremistskaya-gruppa-v-serdcze-evropy-italyanskaya-tochka-zreniya/>

58. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 6 октября). Одна жизнь из миллионов. <https://actfiles-supporters.org/odna-zhizn-iz-millionov/>

59. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2024, 22 октября). «Дивеевское братство» — центр управления мировым антикультизмом. Возрождение нацизма. <https://actfiles-supporters.org/diveevskoe-bratstvo-czentr-upravleniya/>
60. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 3 марта). По стопам нацизма. Преследование Свидетелей Иеговы в России. Причины и виновники. <https://actfiles-supporters.org/istoriya-presledovanie-svidetelej-iegovy-v-rossii/>
61. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 7 мая). Что стоит за геноцидом Свидетелей Иеговы в России? <https://actfiles-supporters.org/chto-stoit-za-genocizidom-svideteli-iegovy-v-rossii/>
62. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 8 июля). Наследие Кюннета в войне в Боснии и Герцеговине. Часть 1. <https://actfiles-supporters.org/nasledie-kyunneta-bosnijskaya-vojna-chast-1/>
63. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 9 марта). Тоталитарная секта Дворкина. Возрождение нацизма. <https://actfiles-supporters.org/totalitarnaya-sekta-dvorkina-denacifikacziya/>
64. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 13 февраля). Современная инквизиция в Русской Православной Церкви. Часть 1. <https://actfiles-supporters.org/sovremennaya-inkvizicziya-v-russkoj-pravoslavnoj-czerkvi-chast-1/>
65. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 25 апреля). Современная инквизиция в Русской Православной Церкви. Часть 3. <https://actfiles-supporters.org/sovremennaya-inkvizicziya-v-russkoj-pravoslavnoj-czerkvi-chast-3/>
66. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 14 апреля). Тоталитарная секта правит Россией. Не бесплатно. <https://actfiles-supporters.org/totalitarnaya-sekta-pravit-rossiej-ne-besplatno/>
67. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 14 июня). Уэйко по-русски. Часть 5. <https://actfiles-supporters.org/uejko-po-ruski-penzenskie-zatvorniki/>
68. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 15 марта). Узники совести: Свидетели Иеговы. Кто они? <https://actfiles-supporters.org/uzniki-sovesti-svideteli-iegovy-kto-oni/>
69. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 17 января). Пути внедрения агентов ФСБ в Европе. Антикультовое направление — лишь один из них. Часть 1. <https://actfiles-supporters.org/puti-vnedreniya-agentov-fsb-v-evrope-antikultovoe-napravlenie-lish-odno-iz-nih-chast-1/>

70. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 25 января). Как массовая пропаганда развязала геноцид в Руанде. <https://actfiles-supporters.org/kak-massovaya-propaganda-razvyazala-genocid-v-ruande/>
71. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 26 января). Социальная концепция РПЦ 2000 года и богословское обоснование войны. Часть 4. <https://actfiles-supporters.org/soczialnaya-konczepczyia-rpcz-2000-goda-i-bogoslovskoe-obosnovanie-vojny-chast-4/>
72. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 28 января). РАЦИРС по вызову, или как Дворкин отобрал у матери ребёнка. <https://actfiles-supporters.org/raczirs-po-vyzovu-ili-kak-dvorkin-otobral-u-materi-rebenka/>
73. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 29 января). Хабад-Любавич: демонизация и преследование еврейской общины агентами РАЦИРС в России и США. <https://actfiles-supporters.org/habad-lyubavich-demonizaczia-i-presledovanie-evrejskoj-obshhiny-agentami-rossijskih-raczirs-v-rossii-i-ssha/>
74. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 31 января). Психиатрия как инструмент репрессии антикультуры организации. <https://actfiles-supporters.org/psihiatriya-kak-instrument-repressii-antikulturoj-organizaczii/>
75. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 17 февраля). Осторожно! Тоталитарная секта Дворкина. <https://actfiles-supporters.org/ostorozhno-totalitarnaya-sekta-dvorkina/>
76. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 25 февраля). «Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли!» <https://actfiles-supporters.org/golos-krovi-brata-tvoego-vopiet-ko-mne-iz-zemli/>
77. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 30 марта). Новый рейх Дворкина. <https://actfiles-supporters.org/novyj-rejh-dvorkina/>
78. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 8 апреля). Садисты в законе. Тоталитарная секта Дворкина. <https://actfiles-supporters.org/cadisty-v-zakone-totalitarnaya-sekta-dvorkina/>
79. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 18 мая). Мнения учёных и правозащитников об Александре Дворкине. <https://actfiles-supporters.org/mneniya-uchyonyh-i-pravozashhitnikov-aleksandr-dvorkin/>
80. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 21 мая). Как секта создаёт убийц: видеоигры. Часть 1. <https://actfiles-supporters.org/kak-sekta-sozdayot-ubijcz-videoigri-chast-1/>

81. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 23 июня). Инквизиция Дворкина и его стремление к всевластию. <https://actfiles-supporters.org/inkvizisia-sectu-dvorkina-i-ego-stremlenie-k-absolyutnoj-vlasti/>
82. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 4 сентября). Экспертиза как инструмент террора. <https://actfiles-supporters.org/ekspertiza-kak-oruzhie-terrora/>
83. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 6 октября). Экспертиза как инструмент террора. Часть 2. <https://actfiles-supporters.org/ekspertiza-kak-oruzhie-terrora-chast-2/>
84. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (2025, 1 декабря). Экспертиза как инструмент террора. Часть 3. <https://actfiles-supporters.org/ekspertiza-kak-oruzhie-terrora-chast-3/>
85. Клуб сторонников расследовательской журналистики. Фильм «THE IMPACT». <https://actfiles-supporters.org/the-impact/>
86. Комсомольская правда. (2012, 25 мая). Приамурье наводняют секты. <https://www.amur.kp.ru/daily/25888/2849648/>
87. Комсомольская правда. (2007, 7 декабря). Пензенские затворники ушли под землю из-за побоев местных хулиганов? <https://www.kp.ru/daily/24015/87156/>
88. Консультант Плюс надежная правовая поддержка. УК РФ Статья 282.3. Финансирование экстремистской деятельности. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/51346ce1f845bc43ee6f3eadfa69f65119c941fa/
89. Красиков, А. (2003). Религии в России – фактор укрепления или распада государства? <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2003/4-2003/krasikov4-2003.pdf>
90. Кротов, Я. (2009, 13 февраля). Библиотека Якова Кротова. Очередная фальсификация Дворкина: опровержение И. П. Глушковой. Internet Archive. https://web.archive.org/web/20120515221152/http://krotov.info/lib_sec/04_g/lu/shkova.htm
91. Кротов, Я. (2016, 3 декабря). Радио Свобода. Свобода веры и свобода беззакония. <https://www.svoboda.org/a/28148699.html>
92. Кузнецов, М. (2009, 3 октября). Pitanov. LiveJournal. Рецензия на книгу А.Л.Дворкина «Сектоведение» профессора М.Н.Кузнецова. <https://pitanov.livejournal.com/92032.html?ysclid=lz9nm7aofr447764648>
93. Лебедева, О. (2021, 24 ноября). Правда.ру. Йога пополнила список христианских грехов. https://www.pravda.ru/news/faith/1662773-pravoslavie_i_ioga/

94. Лента.Ру. (2014, 27 октября). Известного сектоведа заподозрили в работе по заказу. Internet Archive. <https://web.archive.org/save/https://lenta.ru/news/2014/10/27/dvorkin/>
95. Лукашевич, Е. (2020, 19 октября). Коммерсантъ. Руководителей «Церкви последнего завета» направят на психиатрическую экспертизу. <https://www.kommersant.ru/doc/4538741>
96. Лункин, Р. (2009, 18 апреля). Юстиция и инквизиция. Московская патриархия взяла на себя ответственность за "сектоведческую" деятельность Дворкина и Ко в новом, "государственном" качестве. Газета Kifa. <https://a.gazetakifa.ru/content/view/2600/>
97. Лункин, Р. (2024, 30 апреля). Славянский правовой центр. Репортаж. Эксперты о религии и экстремизме. В Институте Европы РАН состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Религиозный фактор в социально-политической жизни современной России». Internet Archive. https://web.archive.org/web/20240430115225/http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=255&ELEMENT_ID=3356
98. Лункин, Р. (2006, 12 мая). Портал–Credo.Ru. ИНТЕРВЬЮ: "Дворкин скорее прикрывается Церковью. В результате его выступлений у несведущих людей появляется ощущение, что в обществе все делятся на «наших» и «ненаших»". Интервью с послушником Общества сознания Кришны Сергеем Косенко. Internet Archive. <https://web.archive.org/web/20150425215943/http://portal-credo.ru/site/print.php?act=news&id=43050>
99. Лункин, Р. (2006, 21 декабря). Портал–Credo.Ru. Два кривых зеркала. В России сильно ругают либо "сектантов", либо за употребление слова "сектанты". Internet Archive. <https://web.archive.org/web/20160304113215/http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=fresh&id=542>
100. Лурье, О. (2016, 22 декабря). Главный сектовед России - фальшивый профессор из США. LiveJournal. <https://oleglurie-new.livejournal.com/309963.html>
101. Лысенко, И. (2017, 31 мая). Портал–Credo.Ru. Желаемое за действительное, или сбудется ли прогноз Александра Дворкина? Internet Archive. <https://web.archive.org/web/20200930093705/http://portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=1919>
102. Мартинес, М. (2013, 25 февраля). Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ирины Лионского. Хорхе Анхель Ливрага и его империя. <https://iriney.ru/okkultnyie/novyij-akropol/xorxe-anxel-livraga-i-ego-imperiya.html>

103. МБХ Медиа. (2019, 28 марта). Обвиняемый за репост в Telegram Третьяков приговорен к двум годам колонии условно. <https://mbk-news.ew.r.appspot.com/news/repost-telegram-k-dvum-godam/>
104. Мемориал ПЗК. (2019, 29 марта). Пытки Свидетелей Иеговы в Сургуте. Заключение специалистов и выступления адвокатов. <https://memopzk.org/news/9620/>
105. Митрохин, Н. (2017, 11 января). Йога и иго. Internet Archive. <https://web.archive.org/web/20170112130648/http://graniru.org/opinion/mitrokhin/m.257934.html>
106. Муравьев, А. Ситников, М. (2009, 29 августа). Портал–Credo.Ru. Ph. D ДВОРКИН Александр Леонидович - профессор, "сектовед", руководитель так называемой Российской ассоциации центров изучения религии и сект. Internet Archive. <https://web.archive.org/web/20141209215136/http://www.portal-credo.ru/site/print.php?act=rating&id=29>
107. Нежный, А. (1999, 12 января). Газета «Московские новости». Уроки сектоведения. Internet Archive. https://web.archive.org/web/20250406122506/https://yro.narod.ru/bibliotheca/Religioved/Yr oki_sektoveden/Yrok_sektovedenija.htm
108. Независимый психиатрический журнал. (2001). № 3, 2001. http://www.npar.ru/wp-content/uploads/2016/02/%E2%84%963_2001.pdf
109. Независимый психиатрический журнал. (2003, 30 апреля). Психиатризация действительности, запущенная привлечением психиатрии к борьбе с «сектами», уже прием политического преследования. <http://test.npar.ru/journal/2003/4/psychiatrization.htm>
110. Нераскрытые Преступления. (2016, April 20). YouTube. Профессор Элбакян Е.С. о свободе совести и работе А. Дворкина. https://www.youtube.com/watch?v=t1cr_5JGoSs
111. Нераскрытые Преступления. (2016, May 6). YouTube. Иваненко С.И. про деятельность А. Дворкина и организацию ФЕКРИС. https://www.youtube.com/watch?v=p_xKpYE824g
112. Нераскрытые Преступления. (2016, June 1). YouTube. Товбин К.М. о Дворкине, других сектоборцах и о ФЭКРИС. <https://www.youtube.com/watch?v=Pvm32cgr2bs>
113. Нераскрытые Преступления. (2016, Jun 10). YouTube. "Дворкин после себя оставил выжженную землю". Шмидт В.В. <https://www.youtube.com/watch?v=ryLXXY6mJJA>

114. Нераскрытые Преступления. (2016, October 2). YouTube. Patricia Duval about sects, cults, FECRIS and A.Dvorkin. <https://www.youtube.com/watch?v=q3v44vWZ-yg>
115. Нераскрытые Преступления. (2016, October 2). YouTube. Joseph K. Grieboski: Fecris spreads insecurity, lies and xenophobia. <https://www.youtube.com/watch?v=knvkHQDb520>
116. Нефедова, М. (2010, 16 ноября). Правмир. Александр Дворкин: настоящий хиппи. <https://www.pravmir.ru/aleksandr-dvorkin-nastoyashhiy-xippi/>
117. Никишина, М. (2021, 16 декабря). Vademecum. Суд получил полномочия направлять подозреваемых на лечение в психиатрический стационар. <https://vademec.ru/news/2021/05/19/sud-smozhet-napravlyat-nakhodyashchikhsya-pod-strazhey-podozrevaemykh-na-lechenie-v-psikhiatricheski/>
118. Новая газета Европа. (2023, 30 ноября). Суд отправил в психбольницу ведущего специалиста по суперкомпьютерам и ученого Сергея Абрамова. <https://novayagazeta.eu/articles/2023/11/30/sud-otpravil-v-psikholnitsu-vedushchego-spetsialista-po-superkompiuteram-chlena-ran-sergeia-abramova-news>
119. Новопашин, А. (2018, 13 февраля). Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ирины Лионского. Кто основал интернет-империю священника Владимира Головина. <https://iriney.ru/iskazhenie-pravoslaviya-i-okolopravoslavnyie-sektyi/uchenie-i-praktika-svyashhennika-vladimira-golovina/novosti-ob-uchenii-i-praktike-svyashhennika-vladimira-golovina/kto-osnoval-internet-imperiyu-svyashhennika-vladimira-golovina.html>
120. Новые религиозные движения: концептуальный анализ [Пер. с. англ.] / Айлин Баркер; [Вступ. ст. протоиерея В. Федорова, с. V-XXXIX]; Православ. исслед. ин-т миссиологии, экуменизма и новых религиоз. движений. - СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1997. - LV, 281, [2] с.
121. Общественное объединение Кавальер. (2017, January 3). YouTube. Jonathan Mahoney about Dvorkin's and FECRIS' propaganda and disinformation. <https://www.youtube.com/watch?v=d1O37Chhxvg>
122. ОВД-Инфо. (2019, 28 марта). Экспертиза подтвердила пытки током Свидетелей Иеговы в Сургуте. <https://ovd.info/express-news/2019/03/28/ekspertiza-podtverdila-pytki-tokom-svideteley-iegovy-v-surgute>
123. Орлов, И. (2024, 17 июля). Собратья по несчастью: Головин и Ткачев. Как они относятся друг к другу? О чем это говорит? Дзен. <https://dzen.ru/a/ZpZTZkddYEnhX2nS>

124. Перссон, Б. (2012). Борьба против сект: идейные основы и их несостоятельность. https://books.google.co.il/books?id=h6sU5ZYxxIwC&printsec=copyright&redir_esc=y
125. Пинчук, А. (2019, 28 марта). Радио Свобода. пытки "Свидетелей Иеговы". Экспертиза против следователей. <https://www.svoboda.org/a/29847876.html>
126. Политота. Диванные войска JoyReactor. (2017, 6 января). Преподавателя йоги будут судить за "миссионерскую деятельность" по "закону Яровой". <https://polit.reactor.cc/post/2939833>
127. Праворуб. Профессиональное сообщество юристов и адвокатов. (2025, 10 июня). Как доказать заведомую ложность заключения эксперта на примере экспертизы. Почему ответственность по ст. 307 УК РФ нужно ужесточать. <https://pravorub.ru/articles/101885.html>
128. Православие.ru. (2006, 13 марта). Александр Дворкин утверждает, что инструкция задержать его поступила "сверху". <https://pravoslavie.ru/16589.html>
129. Президент России. (2021, 30 декабря). В Уголовно-процессуальный кодекс внесены изменения, уточняющие порядок помещения лиц, содержащихся под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. <http://www.kremlin.ru/acts/news/67542>
130. Путник, К. (2022, 14 октября). Русская народная линия. Ушат холодной воды на горячие патриотические головы. https://ruskline.ru/news_rl/2022/10/14/ushat_holodnoi_vody_na_goryachie_patrioticheskie_golovy
131. Радио Курс. (2014, 23 мая). Образ российского сектоведа. <https://radiokurs.ru/17154-obraz-rossiyskogo-sektoveda.html>
132. Радио Свобода. (2019, 1 мая). "Вы поступаете, как фашисты". Рассказ бежавшего Свидетеля Иеговы. <https://www.svoboda.org/a/29914897.html>
133. Радио Свобода. (2020, 22 января). В Сургуте Свидетеля Иеговы отправили на принудительную психиатрическую экспертизу. <https://www.sibreal.org/a/30390459.html?ysclid=m68frawhmq330811588>
134. Релігія в Україні. (2012, 23 августа). Главный сектовед РПЦ Александр Дворкин призвал «отпустить с миром» участниц "Pussy Riot". https://www.religion.in.ua/news/ukrainian_news/17929-glavnyj-sektoved-rpc-aleksandr-dvorkin-prizval-otпустit-s-mirom-uchastnic-pussi-rajot.html

135. РепортерUA. (2013, 28 февраля). В Запорожье проходит международный православный семинар. <https://reporter-ua.com/2013/02/28/v-zaporozhe-prohodit-mezhdunarodnyy-pravoslavnyy-seminar>
136. РБК. (2006, 26 февраля). Охрана Храма Христа Спасителя избила голландского дипломата. <https://www.rbc.ru/society/26/02/2006/5703c0ca9a7947dde8e07975>
137. РБК. (2012, 12 апреля). РОМИР: Панк-молебн Pussy Riot осудили 70% россиян. <https://www.rbc.ru/society/12/04/2012/5703f5f19a7947ac81a66da9>
138. Рузанкин, П. (2003, 3 апреля). Русский вестник. Секта дворкина. <http://www.rv.ru/content.php3?id=810>
139. Русская Православная Церковь. Щипков Александр Владимирович. <http://www.patriarchia.ru/db/text/4347648.html>
140. Русская семерка. Какие страшные эксперименты ставили над заключенными ГУЛАГа. <https://russian7.ru/post/kakie-strashnye-yeksperimenty-stavili/>
141. Свидетели Иеговы. Юридическая ситуация в России. (2024, 23 декабря). «Сажаят меньше, но жестче». Репрессии против Свидетелей Иеговы: итоги 2024 года. <https://www.jw-russia.org/news/2024/12/230900.html>
142. Свидетели Иеговы. Юридическая ситуация в России. Узники совести. <https://jw-russia.org/prisoners/>
143. Седмица.RU. (2007, 11 декабря). Спецназ готовится к захвату пещеры сектантов в Пензенской области. <https://www.sedmitza.ru/text/379160.html>
144. Сектоведение. Тоталитарные секты: опыт систематического исследования / Александр Дворкин. - 3-е изд., доп. и перераб. - Нижний Новгород: Христианская б-ка, 2014. - 816 с. ISBN 978-5-905472-21-3
145. Сиб.фм. (2020, 23 октября). Главу секты Виссариона отправили из Новосибирска на экспертизу к психиатрам в Москву. <https://sib.fm/news/2020/10/23/glavu-sekty-vissariona-otpravili-iz-novosibirska-na-ekspertizu-k-psihiatram-v-moskvu>
146. Сизиков, А. (2020, 13 ноября). Крымская солидарность. «Не в тюрьму, так в психушку»: в Крыму слепого человека с инвалидностью обвинили в терроризме. <https://crimean-solidarity.org/news/2020/11/13/ne-v-tyurmu-tak-v-psixushku-v-krymu-slepogo-cheloveka-s-invalidnostyu-obvinili-v-terrorizme-699>
147. Симкин, Л. (2013, 4 ноября). Новая газета. Религиоведы в штатском. Internet Archive. <https://web.archive.org/web/20140903201052/http://www.novayagazeta.ru/columns/60317.html>

148. Ситников, М. (2009, 6 апреля). Портал–Credo.Ru. «Совет сектоведов» в минюсте РФ: абсурд или диверсия? Internet Archive.
<https://web.archive.org/web/20150110005058/http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=933>
149. Славянский правовой центр. Аналитическая статья «Религиозный экстремизм в России». <https://dvorkin2.narod.ru/ekstremizm.pdf>
150. Славянский правовой центр. (2009, 1 мая). В России стартует общероссийская бессрочная акция за светское государство и против присутствия радикальных «сектоведов» в новом составе Совета при Минюсте РФ. Internet Archive.
<https://web.archive.org/web/20090501164528/http://www.sclj.ru/analytics/magazine/detail.php?ID=2321>
151. Смирнова, А. (2016, 13 апреля). Славянский правовой центр. Александр Дворкин: с чем боролся, на то и напоролся. Internet Archive.
http://www.sclj.ru/analytics/interview/detail.php?ELEMENT_ID=5930
152. Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. (2018, 18 декабря). Путин назвал «полной чушью» признание «Свидетелей Иеговы» экстремистской организацией. http://www.president-sovet.ru/presscenter/press/putin_nazval_polnoy_chushyu_priznanie_svideteley_iegovy_ekstrémistskoy_organizatsiey/
153. Солдатов, А. (2024, 25 ноября). Новая газета. Свидетели умирают под следствием. <https://novayagazeta.ru/articles/2024/11/25/svideteli-umiraiut-pod-sledstviem>
154. Сызранская епархия. (2025, 3 февраля). Назначен новый руководитель тюремного отдела. Internet Archive. <https://web.archive.org/web/20250203092918/https://syzran-eparhia.ru/o-eparkhii/otdely-eparkhii/otdel-po-tyuremnomu-sluzheniyu/item/5700-naznachen-novyj-rukovoditel-tyuremnogo-otdela.html>
155. Тайга.инфо. (2025, 6 мая). Пожилого Свидетеля Иеговы из Новосибирска оставили в колонии за чтение книг. Internet Archive.
<https://web.archive.org/web/20250506233933/https://tayga.info/166285>
156. ТАСС. (2021, 16 декабря). Дума приняла законы о сроке и порядке пребывания подсудимых в психиатрической лечебнице. <https://tass.ru/obschestvo/13216797>
157. Товбин, К. (2018, 23 октября). От «религиозной безопасности» – к «Министерству правды». Internet Archive.
https://web.archive.org/web/20181023080650/http://tovbin.ucoz.ru/publ/ot_religioznoj_bezopasnosti_k_ministerstvu_pravdy/1-1-0-34

158. Томск.ру. (2012, 24 февраля). Томская епархия насчитала в области 50 сект. <https://www.tomsk.ru/news/view/54217-tomskaya-eparxhiya-naschitala-v-oblasti-50-sekt>
159. Фомин, С. (2009, 10 декабря). Русский вестник. «Исцелился сам»... Верую! <http://www.rv.ru/content.php3?id=8238>
160. Фомин, С. (2024, 25 февраля). Славянский правовой центр. «Русский вестник»: «Товарищ Дворкин, вы большой ученый». Провокационная деятельность «актера» Дворкина. Internet Archive. https://web.archive.org/web/20240225055655/http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=228&ELEMENT_ID=2740
161. Хрусталева, Л. (2013, 2 декабря). Православие.ru. Тайный священник, куриные окорочка и письмо с того света. <https://www.pravoslavie.ru/66316.html>
162. Хэтфорд, А. (2018, 11 декабря). Радио Свобода. "Поставили диагноз: зависима от Бога". Как ФСБ использует психиатров. <https://www.svoboda.org/a/29641562.html>
163. Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ирины Лионского. Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС). [https://iriney.ru/main/o-czentre/kontaktnyie-dannyie-rossijskoj-associazcii-czentrov-izucheniya-religij-i-sekt-\(raczirs\)-v-regionax.html](https://iriney.ru/main/o-czentre/kontaktnyie-dannyie-rossijskoj-associazcii-czentrov-izucheniya-religij-i-sekt-(raczirs)-v-regionax.html)
164. Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ирины Лионского. О центре. <https://iriney.ru/main/o-czentre/>
165. Цукерман, А. (2017, 3 июня). LiveJournal. Центр зависимости. Фирмы и секты. <http://www.andronnik26.livejournal.com/17334.html>
166. Черкас-Быстрова, Т. (2016, 28 января). Педсовет. Щетинин Михаил Петрович — создатель Русской родовой школы. https://pedsovet.su/pedagog/6006_schetinin_mihail_petrovich
167. Шатохин, С. (2016, 18 ноября). Русская народная линия. Сектоведение А. Л. Дворкина. Internet Archive. https://web.archive.org/web/20250502092204/https://ruskline.ru/analitika/2016/11/19/sektovedenie_al_dvorkina
168. Щипков, А. (2012, 22 июня). LiveJournal. Про теракт и ультиматум Патриарху. <https://evgenij-lawyer.livejournal.com/192590.html>
169. Alexander-Dvorkin.ru. Образование А. Л. Дворкина. <http://alexander-dvorkin.ru/education/>

170. Alexanderdvorkin.info. (2011, 1 ноября). Александр Леонидович Дворкин: Свидетельства об умственных расстройствах. Internet Archive.
<https://web.archive.org/web/20161005151507/http://alexanderdvorkin.info/>
171. Answers Without Questions. (2016, August 3). Kommentar zu: pax christi Präsident Bischof Heinz Josef Algermissen: „Atomwaffen abschaffen“
<https://www.awq.de/2016/08/pax-christi-praesident-algermissen-atomwaffen-abschaffen>
172. AntiSektaPerm. (2014, 19 сентября). LiveJournal. Термин "секта" и его использование в юриспруденции. <https://antisektaperm.livejournal.com/>
173. BBC News. (2019, March 4). ‘Electrocuted’ for being a Jehovah’s Witness. YouTube.
<https://www.youtube.com/watch?v=ycZpEXxOHvA>
174. BBC News Русская служба. (2019, 8 апреля). В России начали использовать "закон о фейках". Первой стала Мизулина. <https://www.bbc.com/russian/news-47850601>
175. BezFormata. (2012, 15 октября). Психиатрическая атака или психическая оборона? <https://novosibirsk.bezformata.com/listnews/psihiatricheskaya-ataka-ili-psihiicheskaya/7183882/?ysclid=m5lfsj8atm851770919>
176. Bornstein, J. (2023, February 14). The European Times. French deputy minister Sonia Backes wants to enlist Europe against new religions.
<https://europeantimes.news/2023/02/french-deputy-minister-sonia-backes-wants-to-enlist-europe-against-new-religions/>
177. CESNUR. (2015, September 23). New religions, cults and sects in Russia: a critique and brief account of the problems. Internet Archive.
<https://web.archive.org/web/20150923224231/http://www.cesnur.org/testi/Shterin.htm>
178. Der Theologe. (2015, April 15). Die Bekämpfung der Zeugen Jehovas durch die Evangelische Kirche in der Weimarer Republik, im Dritten Reich und in der Bundesrepublik Deutschland. Internet Archive.
https://web.archive.org/web/20150415160101/http://www.theologe.de/zeugen-jehovas_kirche.htm
179. Der Theologe. (2025, August 25). "Sektenbeauftragte" – die neuen Inquisitoren in Deutschland. <https://theologe.de/theologe12.htm>
180. Duval, P. Jankovic, M. Dericquebourg, R. (2013, January 22). Freedom of religion or belief, Anti-Sect Movements and State Neutrality: A case study FECRIS. Academia.edu.
https://www.academia.edu/21732719/Freedom_of_Religion_or_Belief_Anti_Sect_Movements_and_State_Neutrality_A_Case_Study_FECRIS

181. E1.ru Forum. (2006, 12 сентября). Форумная дискуссия «Что за возня вокруг сект?». <https://m.e1.ru/f/35/741652/p/2>
182. European Court of Human Rights. HUDOC database. <https://hudoc.echr.coe.int/eng>
183. Exposing anti-cult terrorism. (2024, September 13). Falun Gong. They cut out her heart because of her faith. <https://actfiles.org/they-cut-out-her-heart-because-of-her-faith/>
184. Garbe, D. Detlef (1956). Between resistance and martyrdom: Jehovah's Witnesses in the Third Reich. University of Wisconsin Press.
<https://archive.org/details/betweenresistanc0000garb>
185. Fautré, W. (2026, January 12). Human Rights Without Frontiers. Russia: Jehovah's Witnesses, the most persecuted religious minority in Putin's country. <https://hrwf.eu/russia-jehovahs-witnesses-the-most-persecuted-religious-minority-in-putins-country/>
186. Gerdmar, A. (2010). Roots of theological anti-semitism: German Biblical exegesis and the Jews, from Herder and Semler to Kittel and Bultmann (Studies in Jewish History and Culture, 20). Brill.
187. Gobineau, A. de. (1955). The inequality of the human races.
[https://www.filosoficas.unam.mx/docs/611/files/Sesion%207/Arthur%20de%20Gobineau-An%20Essay%20on%20the%20Inequality%20of%20the%20Human%20Races-William%20Heinemann%20\(1955\).pdf](https://www.filosoficas.unam.mx/docs/611/files/Sesion%207/Arthur%20de%20Gobineau-An%20Essay%20on%20the%20Inequality%20of%20the%20Human%20Races-William%20Heinemann%20(1955).pdf)
188. Guildhall. (2020, 22 января). В РФ силовики заставляют Свидетелей Иеговы лечь в психбольницу. <https://ghall.com.ua/2020/01/22/v-rf-siloviki-zastavlyayut-svidetelej-iegovy-lech-v-psihbolnitsu/>
189. Hesse, H. (2002). Persecution and resistance of Jehovah's Witnesses during the Nazi-Regime 1933–1945. <https://www.berghahnbooks.com/title/HessePersecution>
190. Hiemer, E. (1940). Der Pudelmopsdackelpinscher. 50 S. Der Stürmer=Buchverlag, Nürnberg. <https://archive.org/details/ernst-hiemer-der-pudelmopsdackelpinscher-1940-50-s.-scan-fraktur/page/60/mode/1up>
191. Immunocap. Центр изучения религий. Internet Archive.
<https://web.archive.org/web/20250731132907/https://immunocap.ru/photo/tsentr-izucheniya-religiy/>
192. Information Security Institute. (2023, February 11). YouTube. Massimo Introvigne the whole truth about cults and Alexander Dvorkin.
https://www.youtube.com/watch?v=rwGsGTDmw_g
193. iRecommend. (2014, 28 декабря). Белым снегом следы запорошило. Всё разрушено и заброшено. Тени за мною приходят из прошлого. Я вскоре стану таким

- как они. <https://irecommend.ru/content/belym-snegom-sledy-zaporoshilo-vse-razrusheno-i-zabrosheno-teni-za-mnoyu-prikhodyat-iz-prosh>
194. IslamNews. (2013, 18 марта). Пророк Мухаммад не дает покоя эксперту Минюста. <https://islamnews.ru/news-138841.html>
195. King, C. E. (1982). The Nazi state and the new religions: Five case studies in non-conformity. New York : E. Mellen Press.
196. KLFY News. (2021, December 9). Rwandan genocide survivor shares hope with New Iberia through free event. <https://www.klfy.com/local/iberia-parish/rwandan-genocide-survivor-shares-hope-with-new-iberia-through-free-event/>
197. Kravchenko, M. (2018, January). United States Commission on International Religious Freedom. Inventing extremists. The Impact of Russian Anti-Extremism Policies
198. on Freedom of Religion or Belief. <https://www.uscirf.gov/sites/default/files/Inventing%20Extremists.pdf>
199. Küneth, W. (1933). Die Nation vor Gott. Berlin, Wichern Verlag. Internet Archive. <https://archive.org/details/dienationvorgott0000knne>
200. Libero Credo. (2014, May 29). FECRIS: A subversive group in the heart of Europe. Internet Archive. <https://web.archive.org/web/20241214211342/http://www.liberocredo.org/en/fecris-a-subversive-group-in-the-heart-of-europe>
201. Logically Fallacious. (n.d.). Ad hominem (Guilt by Association). <https://www.logicallyfallacious.com/logicalfallacies/Ad-Hominem-Guilt-by-Association>
202. Meduza. (2023, 12 мая). В Ярославской области ученого отправили под домашний арест по делу о «финансировании экстремистской деятельности». <https://meduza.io/news/2023/05/12/v-yaroslavskoy-oblasti-akademika-ran-otpravili-pod-domashniy-arest-po-delu-o-finansirovanii-ekstremistskoy-deyatelnosti>
203. Murekatete, J. (2012, July 1). The Washington Post. On July 4, remembering liberation from mass murder in Rwanda. Internet Archive. https://web.archive.org/web/20210923142425/https://www.washingtonpost.com/opinions/on-july-4-remembering-liberation-from-mass-murder-in-rwanda/2012/07/01/gJQAJ6qqGW_story.html
204. Newsland. (2010, 9 сентября). Как психиатрия в России служит спецслужбам. <https://newsland.com/post/4079930-kak-psikhiatriia-v-rossii-sluzhit-spetssluzhbam?ysclid=m5lfsm8xrl361893674>

205. Newsru.com. (2009, 11 апреля). Общественная палата РФ возьмет деятельность Совета по религиозной экспертизе при Минюсте РФ под свой контроль. Archive.today.
<https://archive.md/20140314231526/http://www.newsru.ru/religy/11apr2009/expsovet.html>
206. Nikitin, K. (2018,). YouTube. Alexander Dvorkin, Cult Studies and Totalitarian Sects. <https://www.youtube.com/watch?v=WQ9N4ewbg84>
207. United Nations General Assembly. (2013, January 11). Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the expert workshops on the prohibition of incitement to national, racial or religious hatred.
https://www.ohchr.org/sites/default/files/Rabat_draft_outcome.pdf
208. Our World in Data. (2026, March 17). V-Dem. Human rights index. <https://ourworldindata.org/grapher/human-rights-index-vdem?tab=chart&time=1937..latest&country=~RUS>
209. Permnew.ru. (2012, 22 августа). Разговоры о сектах и Pussy Riot в Перми на «Православной Руси». http://permnew.ru/news?post_id=11139
210. Pirozhkov, V. Churmanova, K. Harris, P. (2021). BBC News. Vissarion: Is this Russian cult leader a fraud? <https://www.bbc.com/news/av/world-europe-55765995>
211. Religare. (2007, 21 ноября). Александр Дворкин высказался по поводу пензенских сидельцев. <https://religare.ru/4777510>
212. Romm, M. (1965). MUBI. Ordinary Fascism. <https://mubi.com/en/tr/films/ordinary-fascism>
213. Scarr, F. Morgan, M. (2019, April 8). BBC News. Russian jails drop yoga ban. <https://www.bbc.com/news/blogs-news-from-elsewhere-47859256>
214. Siebeck, M. (2018). The Church and its Mission in the New Testament and Early Christianity. https://api.pageplace.de/preview/DT0400.9783161559105_A34758743/preview-9783161559105_A34758743.pdf
215. Skácelová, L. Ferbarová, R. Co dělat, když – intervence pedagoga. Rizikové chování ve školním prostředí – rámcový koncept. https://sekty.tv/wp-content/uploads/2024/04/priloha_17_nova_nabozenska_hnuti.pdf
216. Streicher, J. (1937). The Jewish question in the classroom. CreateSpace. Independent Publishing Platform, 2017.
https://books.google.com/books/about/The_Jewish_Question_in_the_Classroom.html?id=SCV6tAEACAAJ

217. Studfile. Биомедицинские эксперименты на человеке и животных. Изуверские, иезуитские эксперименты на человеке. <https://studfile.net/preview/2253025/page:4/>
218. Sectes Info. (2020, June 5). FECRIS Assemblée Générale statuts et membres. <https://sectes-info.com/fecris-statuts-et-membres/>
219. The Guardian. (1999, May 30). Messiah on the make in Sun City. <https://www.theguardian.com/world/1999/may/30/theobserver6>
220. The Observer. (2004, June 24). NYS historic newspapers. <https://nyshistoricnewspapers.org/?a=d&d=obse20040624-01.1.2&srpos=2&e=-----en-20--1--txt-txIN-Jacqueline+Murekatete----->
221. The Simons Foundation. (2014, January 22). 20 years since LGen Roméo Dallaire warned of genocide in Rwanda. <https://www.thesimonsfoundation.ca/highlights/20-years-lgen-romeo-dallaire-warned-genocide-rwanda>
222. U.S. Department of State. (2020). 2019 report on international religious freedom: Russia. Office of International Religious Freedom. <https://www.state.gov/reports/2019-report-on-international-religious-freedom/russia/>
223. United Nations News. (2004, 7 April). Marking 10 years since Rwanda genocide, UN officials voice regret and resolve. <https://news.un.org/en/story/2004/04/99742>
224. United Nations. (1967). International Covenant on Civil and Political Rights. https://treaties.un.org/doc/Treaties/1976/03/19760323%2006-17%20AM/Ch_IV_04.pdf
225. United Nations. (2019, June 15). YouTube. Miracle in Rwanda: Play about a Genocide Survivor. <https://www.youtube.com/watch?v=g-hcHHnt00s>
226. United States Holocaust Memorial Museum. Page from the antisemitic children's book "The Poisonous Mushroom". <https://perspectives.ushmm.org/item/page-from-the-antisemitic-childrens-book-the-poisonous-mushroom>
227. Vacek, J. Gabrhelík, R. (2019). SEPA. Zpráva o stavu prevence rizikového chování v školách v České republice za školní rok 2018/19. https://sekty.tv/wp-content/uploads/2024/04/ZZ_SEPA_2018-19.pdf
228. Waco Holocaust Electronic Museum. Death Gallery. List of Decomposition States. http://www.whem.org/death/map/d_list08.html
229. Walls, L. (2022, July 24). Daily Mail. Campaigners issue warning and demand change in law to protect victims of soaring cults in Britain. <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11042869/Campaigners-issue-warning-demand-change-law-protect-victims-soaring-cults-Britain.html>

230. Web-AK. Script of "Waco: The Rules of Engagement". Public Action, Inc, a news and news analysis service. https://www.web-ak.com/waco/burial/doc/wre_scr4.html
231. 60 Minutes. (2024, April 5). YouTube. Rwandan genocide: Hiding from death | 60 Minutes Archive. <https://www.youtube.com/watch?v=1-H4TG50ppw>